

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
Отделение Российского исторического общества
в Республике Коми

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 57*

И. Л. Жеребцов, В. И. Силин, Е. А. Цыпанов

**ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЫТКИН:
СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО И ЕГО ВКЛАД
В ИЗУЧЕНИЕ КОМИ ЯЗЫКА**

*Материалы к Международному симпозиуму
«Гуманитарная наука в регионах России и государствах
постсоветского пространства: трудности становления,
осмысление результатов, пути развития в меняющемся мире.
(К 190-летию со дня рождения Г. С. Лыткина
и 130-летию В. И. Лыткина)»
(Сыктывкар, 24–26 ноября 2025 г.)*

Сыктывкар, 2025

Жеребцов И. Л., Силин В. И., Цыпанов Е. А. **ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЫТКИН: СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ КОМИ ЯЗЫКА.** Материалы к Международному симпозиуму «Гуманитарная наука в регионах России и государствах постсоветского пространства: трудности становления, осмысление результатов, пути развития в меняющемся мире. (К 190-летию со дня рождения Г. С. Лыткина и 130-летию В. И. Лыткина)» (Сыктывкар, 24–26 ноября 2025 г.). – Сыктывкар, 2025. – 104 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 57).

В работе рассматривается жизнь и деятельность видного коми ученого, просветителя и писателя Георгия Степановича Лыткина. Основное внимание уделено становлению его как ученого и вкладу исследователя в изучение коми языка.

Научный редактор:

доктор исторических наук У. Б. Очиров

Редколлегия:

И. Л. Жеребцов (председатель), И. О. Васкул (зам. председателя), А. Г. Мусанов (зам. председателя), Л. Е. Сурнина (отв. секретарь), Н. А. Волокитина, Н. В. Горинова, Н. М. Игнатова, В. Н. Карманов, П. П. Котов, Ю. А. Крашенинникова, А. М. Мацук, С. А. Сажина, М. В. Таскаев, Е. А. Цыпанов, Ю. П. Шабаев

Рецензенты:

доктор исторических наук Т. С. Садыков (Астана)
доктор исторических наук Е. Ф. Кринко (Ростов-на-Дону)

Печатается по решению Совета Отделения
Российского исторического общества в Республике Коми.

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2025

© И. Л. Жеребцов, В. И. Силин, Е. А. Цыпанов, 2025

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 году исполнилось 190 лет со дня рождения выдающегося коми просветителя, ученого и писателя Георгия Степановича Лыткина. Многие авторы обращались к изучению и популяризации его жизни и творчества. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон в 1896 г. включили в свой энциклопедический словарь статью о Г. С. Лыткине [Лыткин 1896]. Литературное творчество Г. С. Лыткина исследовали, в частности, В. И. Лыткин [Лыткин В. 1926, 1976, 1978; Ванеев, Лыткин, Мартынов 1980], П. Г. Доронин [Доронин 1965], В. И. Мартынов [Мартынов 1991], В. Н. Демин [Демин 1995а, 1995б], А. Е. Ванеев [Ванеев 2000; Ванеев 2001], В. А. Лимерова [Лимерова 2017], И. И. Плосков [Плосков 1999]. Вклад ученого в коми языкознание анализировали В. И. Лыткин, А. И. Туркин, Е. А. Цыпанов, В. М. Лудыкова, И. Н. Костромина [Лыткин В. 1975; Цыпанов 2017; Лудыкова 2010; Костромина 1984, 1985; Туркин 1998 и др.]. А. И. Терюков поставил вопрос о роли Г. С. Лыткина в становлении коми этнографии [Терюков 2011]. Значение деятельности исследователя для калмыковедения осветили А. В. Бадмаев [Бадмаев 1967, 1968, 1969, 1975, 1979; Лунный свет 2003 и др.], В. Н. Авлиев [Авлиев 2015, 2017], А. О. Долеева [Долеева 2023], З. И. Манджиева, С. В. Мирзаева [Манджиева, Мирзаева 2023], Н. Г. Очирова, Бо Менгкай [Очирова 2019; Очирова, Бо Менгкай 2020], В. Б. Сангаджиева [Сангаджиева 2016, 2021] и другие [История калмыцкой литературы 1981, с. 55; Сазыкин 2000; Успенский 2000].

Биографические сведения о Г. С. Лыткине содержатся во многих изданиях [Котылев 2015; Сангаджиева 2012; Жеребцов 2000, 2024; Туркин 1999; Забоев 1971; История Коми 2011 и др.]. В силу неоднократных значительных изменений общественно-политической обстановки в стране в XX веке оценки деятельности Г. С. Лыткина и его значения для науки, литературы, просвещения менялись [Жеребцов 2024], и зачастую коренным образом – так же, как и оценки деятельности его младшего современника, также коми ученого, писателя и просветителя К. Ф. Жакова [Жеребцов 1993]. Сведения, связанные с пребыванием Г. С. Лыткина в Вологодской гимназии, можно почерпнуть из записей выпускников той же гимназии Н. Ф. Бунакова [Бунаков 1909] и К. А. Березкина [Березкин 2014, 2020]. Свои поездки в Калмыкию Г. С. Лыткин описал в дневниковых записях, которые вел во время экспедиций; фрагменты из них, относящиеся к 1858–1859 гг., опубликовала И. Н. Костромина [Труд преодолевает всё 2004]; копии записей 1858–1860 гг. хранятся в Государственном архиве Астраханской области (фонд 1099 «Личный фонд Лыткина Г. С.») [ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2–5]. Некоторые документы, касающиеся учебы Г. С. Лыткина в Санкт-Петербургском университете и его экспедиций в Калмыкию, хранятся в Национальном архиве Республики Коми (фонд 289 «Личный фонд Лыткина Г. С.») [НАРК.

Ф. 289. Оп. 1. Д. 5]. Еще одним источником о жизни Г. С. Лыткина от его детства до 1861 г. являются дорожные записки видного российского историка М. П. Погодина «Астрахань», опубликованные в журнале «Всемирный труд» в мае 1867 г. [Погодин 1867]. Краткие сведения о жизни Г. С. Лыткина, включая его педагогическую деятельность в столичных учебных заведениях, приводит в своем очерке, опубликованном в журнале «Коми му» в 1927 г., директор 6-й гимназии Санкт-Петербурга (в которой работал Г. С. Лыткин) Г. Г. Зоргенфрей [Зоргенфрей 1927]. О своей переписке с Г. С. Лыткиным поведал в своих газетных и журнальных публикациях 1920-х гг. коми поэт, краевед и журналист А. А. Чеусов [Чеусов 1924 и др.]. Различные сведения о жизни и деятельности Г. С. Лыткина (нередко противоречащие друг другу) можно почерпнуть также из других научных работ советского периода и современных исследований.

В УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ (1835–1848)

Г. С. Лыткин родился 25 мая (6 июня)* 1835 г. в г. Усть-Сысольске, уездном центре Вологодской губернии**. Отец, купец 3-й гильдии*** [Погодин 1867, с. 134; НАРК. Ф. 118. Оп.1. Д. 1275. Л. 2об.]. Степан Иванович Лыткин, был весьма состоятельным человеком: «ворочал торговыми делами на полмиллиона тогдашних рублей», как вспоминал позднее сам Г. С. Лыткин [Лыткин В., Демин 1996, с. 353]. В 1812 г. С. И. Лыткин еще состоял в мещанстве, но уже активно занимался торговлей: вместе с тремя другими усть-сысольскими мещанами он заключил с конторой Кажимских заводов договор на поставку тысячи пудов говядины и закупал для рабочих в Усть-Сысольском и Яренском уездах это мясо, а также коровье масло, сукно и холст [Мацук, Шаньгина 1996, с. 121]. Торговля в Усть-Сысольском уезде активно развивалась [См.: Лейман 2019, 2023, 2024 и др.]. По данным

* В журнале «Регион» ошибочно указана другая дата – 26 мая (7 июня) [Владимиров, с. 49]. На сайте Национальной библиотеки Республики Коми [Лыткин nbrkom] также есть неточность: «7 июня (25 мая по старому стилю)». В энциклопедическом словаре школьника «Коми литература» датой рождения указано 22 марта – дата смерти ученого по старому стилю [КЛ, с. 157].

** К «Пермскому краю», упоминаемому в связи с Г. С. Лыткиным в биобиблиографическом указателе «Ученые – исследователи Калмыкии» [Коми литература 1995, с. 157], Усть-Сысольск и другие населенные коми-зырянскими землями никогда отношения не имели. Относительно территории расселения народа коми на Европейском Северо-Востоке в период до создания Коми автономии принято использовать термин «Коми край».

*** А. И. Терюков и вслед за ним журнал «Регион» пишут, что Степан Лыткин был купцом 2-й гильдии [Терюков 2011, с. 296; Владимиров 2020].

историка Л. И. Суриной, С. И. Лыткин* быстро обогатился на транзитной торговле [Сурина 2013, с. 5], которую вел, в частности, через Ношульскую пристань, отправляя товары в Архангельск. Многие купцы, приезжавшие в Ношуль, занимались различного рода благотворительностью (в пользу учебных заведений, учреждений здравоохранения и т. д.). С. И. Лыткин в 1844 г. пожертвовал два рубля в пользу детского приюта в Вологде, об открытии которого (при участии купечества Вологодской губернии) сообщил усть-сысольский земский исправник Волков [Лейман 2020, с. 78]. К слову, это был последний год жизни С. И. Лыткина и, вероятно, последнее его благое дело.

С. И. Лыткин являлся и землевладельцем – в 1840-х гг. он, в частности, приобрел усадьбу в пригороде у р. Човью (20 десятин земли, жилые помещения, хозяйственные постройки, две мельницы) у перешедшего из купечества в мещанство старинного усть-сысольского рода Сухановых, представители которого вынуждены были распродавать часть своего имущества, погашая накопившиеся долги [Сурина 2013, с. 4–5]. С. И. Лыткин сам любил работать на своей земле. Г. С. Лыткин вспоминал о нем: «Будучи уже 70 лет, сам пахал и учил меня, 8-летнего малыша, боронить, пахать и сеять; моя мать была отличный косец, отличная хозяйка» [Лыткин В., Демин 1996, с. 353]. М. П. Погодин (очевидно, со слов Г. С. Лыткина) писал, что С. И. Лыткин «не отличался знанием русского языка и грамоты; жена же его почти не слыхала русской речи. Семейство все жило, как истые зыряне, ничем не отличаясь от обыкновенных крестьян и мещан. Георгий Лыткин детство свое, до 13 лет, провел в родной семье и имел возможность сжиться и полюбить эту жизнь простую, мирную, полную труда: с 6 лет он исполнял уже работы, смотря по силе и возможности; с 9 лет был помощником своим братьям в некоторых мелких торговых оборотах» [Погодин 1867, с. 134–135]. Семья была многодетная – у Георгия было семь братьев и две сестры, старшая Анна и младшая Надежда.

А. И. Терюков сообщает, что Г. С. Лыткин «первоначальное образование получил дома под руководством мамы и старшей сестры» [Терюков 2011, с. 296]. Требуется, конечно, уточнить, что понимать под этим «образованием», учитывая, что ни мать будущего ученого Екатерина Петровна, судя по приведенным выше словам М. П. Погодина, ни сестра Анна русскому языку и чтению русских книг научить его не могли, да и сам Г. С. Лыткин вспоминал, что русский язык до обучения в училище не понимал. Зато от своей матушки он слышал «рассказы о святительских подвигах св. Стефана, просветителя вычегодских и сысольских зырян» [Лыткин 1889,

* В публикации Л. И. Суриной при первом упоминании о Степане Лыткине есть опечатка в фамилии купца: вместо «Лыткин» напечатано «Латкин» [Сурина 2013, с. 5]; в дальнейшем фамилия напечатана правильно – «Лыткин» [Сурина 2013, с. 9].

с. I]. Возможно, что-то (может быть, коми сказки) ему рассказывала и старшая сестра, хотя об этом Г. С. Лыткин не упоминал. А матушкины рассказы побудили его «охотно посещать Божественную Литургию, хотя она была мне и непонятна, так как совершалась на славянском языке» [Лыткин 1889, с. I]. «В детстве я любил посещать богослужение, совершаемое обыкновенно на славянском языке, и горько, горько плакал, что, по незнанию языка, не понимаю того, что так складно поется и читается в церкви» [Лыткин 1889, с. 16]. М. П. Погодин писал, что «семилетнего Лыткина особенно занимало церковное пение и богослужение», и он стал мечтать «о священническом сане, чтоб впоследствии растолковать землякам все на родном языке» [Погодин 1867, с. 135].

После смерти С. И. Лыткина в 1844 г. семейное купеческое дело возглавил старший брат Осип Степанович [Сурина 2013, с. 9]. Семья располагала достаточно солидными средствами и пользовалась уважением в Усть-Сысольске. Осип Лыткин в 1841–1843 гг. избирался городским головой; позднее, в 1847–1849 гг., ту же должность занимал его брат Петр* [Сыктывкар 2020, с. 639]. Родные дали возможность будущему ученому получить образование. Позднее Г. С. Лыткин писал: «Непонимание церковно-славянского и русского языка вызвало во мне желание сделаться священником, чтобы потом объяснять другим то, что поется и читается в церкви; но так как в духовное училище не принимали детей податного сословия, то, ради изучения, по крайней мере, русского языка, я поступил в Усть-Сысольское приходское <...> училище» в 1844 г., а затем в уездное училище [Лыткин 1889, с. I]. Приходское училище – первое светское учебное заведение в Усть-Сысольске – открылось в год рождения Г. С. Лыткина, уездное – пятью годами позже, в 1840 г. В приходском училище обучались два года. Изучали там Закон Божий (его преподавал законоучитель-священник), «чтение по книгам гражданской и церковной печати», письмо (чистописание) и «первые четыре действия арифметики» (все эти предметы преподавал один учитель). В уездном училище изучали Закон Божий, русский язык, чистописание, арифметику и геометрию, всеобщую и русскую историю, географию, черчение и рисование. Работали в нем смотритель, законоучитель и еще четыре учителя [Сыктывкар 2020, с. 116].

Учиться было непросто. Г. С. Лыткин позднее писал: «И в приходском, и в уездном училищах (1844–48 г.) предметы преподавались на русском языке, нам непонятном, русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши почтенные законодатели, родом зыряне, или не могли, или

* Л. И. Сурина писала, что на такую же должность избирался и их брат Николай [Сурина 2013, с. 9], но это не так. Городским головой избирали другого Николая – Николая Максимовича Латкина [Сыктывкар, с. 639].

почему-то находили ненужным давать нам объяснения на родном языке. Не понимая смысла русских слов, на русском языке мы зазубривали: краткую священную историю, краткий катехизис, краткую грамматику русского языка, краткую историю всеобщую и русскую, географию и геометрию. Из 50 с лишком учившихся в приходском училище окончили в уездном только 4, из коих двое были зыряне; остальные товарищи не вынесли непосильной работы и вышли, не кончивши курса» [Лыткин 1889, с. I]. Эта ситуация вызвала у Г. С. Лыткина новую идею («новые мечты на старый лад», как выразился М. П. Погодин [Погодин 1867, с. 135]): стать «учителем русского языка, чтобы потом научить других этому языку» [Лыткин 1889, с. I]. Ради этого он учился изо всех сил, а преподаватели уездного училища поощряли его усилия книгами и похвальными листами.

К завершению обучения в уездном училище Г. С. Лыткин определился с желанием продолжить обучение в гимназии и затем стать учителем русского языка, дабы просвещать зырянских детей. Однако семья это намерение поначалу не поддержала. Тогда, по словам М. П. Погодина, «перед окончанием курса в уездном училище Лыткин на ломаном русско-зырянском языке объяснил Михаилу Ивановичу Михайлову, учителю русского языка, что он желает поступить в гимназию, но что родные не отпускают. Михайлов убедил родных его, вызвался учить его читать по-немецки, по-французски и по-латыни» [Погодин 1867, с. 135]. М. И. Михайлов (1821–1853), выпускник вологодской гимназии, преподававший в усть-сысольском училище с 1840 г. до самой смерти, автор серии краеведческих заметок (публиковавшихся, в частности, в журнале «Москвитянин», издававшемся М. П. Погодиным) и стихотворений «Гений» и «Мечты», напечатанных в столичных журналах [Костромина 2000], стал одним из людей, сыгравших важную роль в жизни Г. С. Лыткина. По данным И. Н. Костроминой, М. И. Михайлов был талантливым учителем, его ученики прекрасно знали предмет, за что в 1845 г. педагогу была выражена благодарность [Костромина 2000].

Г. С. Лыткин в 1848 г. «первым учеником» окончил уездное училище в Усть-Сысольске и в сентябре того же года отправился в Вологду поступать в губернскую гимназию; в самом Коми крае учебных заведений такого уровня не было. 10 лет спустя, 1 сентября 1858 г., находясь в Калмыкии, Г. С. Лыткин записал в своем дневнике: «Сегодня около пяти часов мне минуло ровно десять лет как я выехал из родительского дома <...>. Живое помню свое прощание с родными; мне хотелось остаться дома, хотелось и ехать. Брат Осип, матушка и все родные провожали меня; мне совестно было плакать тогда, хотя слезы просились на волю. Устьсысольский уездный судья Григорий Романович Цепочкин был сделан советником губернского правления; он выехал из Усть-Сысольска первого сентября 1848 года в восьмом часу вечера, я и Боря Хохряков ехали с его семейством до Во-

логды. <...> Помню еще и то, что когда я выехал совсем из своего дома в простой телеге до Цепочкина, против Степан-дядьё стан попались коро-вы, ведомые к реке на водопой; я думал тогда, веруя признаниям матушки, что это добрый признак, что я буду счастлив, буду богат и т. д. <...> Братья провожали только до Зеленца, где мы все ночевали. Оттуда уже я ехал все с Катериной Григорьевной; в нашу повозку попеременно садились, то сам Григорий Романович, то дочь Надежда, то Анненька, с Устюга до Вологды ехала в нашей повозке Мария Федоровна Протопопова, ровесница Катери-ны Григорьевны (14 лет)» [Труд преодолевает всё 2004].

В ВОЛОГДЕ (1848–1854)

Одноклассники Г. С. Лыткина по вологодской гимназии.

Вологодская гимназия действовала с 1804 г. (ее предшественником было главное народное училище, организованное в 1786 г.) и располагалась в здании на углу Парадной площади и улицы Большая Петровка (совр. ул. Галкинская, д. 1). Изначально оно состояло из двух корпусов, соединяв-шихся аркой, но ко времени поступления в гимназию Г. С. Лыткина здание перестроили, соединив оба корпуса воедино. В гимназии для учащихся име-лась домовая церковь Святого Духа и пансион (общежитие). Путь до Волог-ды по рекам Сыsole, Вычегде, Малой Северной Двине, Сухоне и Вологде был долгим. В губернский центр Г. С. Лыткин прибыл только в середине сентября. В 1858 г. он вспоминал: «17 или 18 сентября будет ровно десять лет, как меня привели в гимназию Вологодскую и посадили в первый класс, а потом в понедельник перевели во второй класс». Г. Р. Цепочкин «нас обо-их отдал в гимназию; Хохряков поступил в пансион, а я год жил у Цепочки-на. В это время такое сильное влияние имела на мое образование дочь его Екатерина Григорьевна, ныне Шульц». «Я ходил в Прилуцкий монастырь (в трех верстах от Вологды) с г. Шульц, – урожденной Цепочкина, с мужем ее и с Серафимой Николаевной Засецкой, урожденной Жеребцовой. Эти жен-щины много продвинули мое развитие». «Это время было самое приятное; я строил дивные планы о своей будущей жизни. Тут-то я впервые узнал, что кроме нашей грубой, крестьянско-купеческой жизни есть другая жизнь. Вот где начало моего стремления в жизни вперед, вперед» [Труд преодолевает всё 2004]. Через год Г. С. Лыткин стал снимать комнату в доме Черняевых.

До 1852 г. Вологодской гимназией руководили директор Андрей Ва-сильевич Башинский и инспектор Федор Николаевич Фортунатов (1814–1872). Последний был известен как педагог, автор ряда публикаций по вопросам воспитания и краевед; преподавал в Вологодской гимназии исто-рию, статистику, древнегреческий язык [Агеева 2013; Баев, 2019]. В 1852 г. новым директором гимназии стал Аникита Семенович Власов. Обучались

в гимназии семь лет, но 13-летний Г. С. Лыткин (благодаря его успешной учебе в уездном училище и дополнительным занятиям с М. И. Михайловым) продемонстрировал знания, достойные сразу второго класса, так что его гимназическое обучение заняло шесть лет. «Перескочив» через один год обучения, он затем (в третьем классе) оказался одноклассником видного впоследствии российского педагога, теоретика и практика начального образования Николая Фёдоровича Бунакова (1837–1904) [Бунаков 1906; Лобанова 1997; Лебедев 2012; Елисеев 2013]. Н. Ф. Бунаков поступил в гимназию двумя годами раньше, но, по его собственным словам, «в 3-м классе просидел два года, по лености и малоуспешности». К тому же Н. Ф. Бунаков, по собственному признанию, «отличался живостью, неуговорностью, <...> шаловливостью, <...> непокорностью внешним правилам и требованиям» и попал в разряд вначале «шалунов и дебоширов», а затем (в 4-м классе) «грубиянов» и «дерзких мальчишек», и большинство педагогов его «не терпело» [Бунаков 1909, с. 7].

Н. Ф. Бунаков оставил весьма любопытные «записки» о своей жизни, в том числе и о периоде учебы в гимназии, о некоторых своих одноклассниках, в том числе и о Г. С. Лыткине, а также о преподавателях, которые их учили. Ни в коей мере не ставя под сомнение выдающиеся заслуги Н. Ф. Бунакова в области педагогики, нельзя, однако, не отметить, что его записки исполнены чрезмерной, на наш взгляд, язвительностью, негативом по отношению к абсолютному большинству персонажей, концентрацией на их недостатках. Складывается ощущение, что автор говорит о чьих-то достоинствах как-то через силу и в ряде случаев тут же пытается «компенсировать» достоинства каким-нибудь принижающим человека замечанием. Поневоле думается, что в записках нашла отражение какая-то обида автора на гимназию, на преподавателей, оставивших Н. Ф. Бунакова на второй год, и на одноклассников, получивших награды и признание, которые ему не достались. Да и характер у Н. Ф. Бунакова, как можно предположить, был не самый лучший. Много позднее его супруга Л. Бунакова в предисловии к изданным посмертно «Запискам Н. Ф. Бунакова» написала о нем: «Н. Ф. был человек прямой, честный, свободолюбивый, независимый. <...> Его правдивость и прямота делали его для многих человеком неуживчивым, от которого лучше было держаться подальше. <...> Он не выносил посягательства на свою личность ни в какой форме, если же что-либо подобное случалось, то он <...> приходил в бешенство» [Бунаков 1909, с. II–III]. Сам Н. Ф. Бунаков формулировал эти черты своего характера более откровенно: «Я много терпел и терял от непреодолимой склонности делать только то, что мне любо, и непременно так, как мне хочется, всегда протестовать против всякого насилия, отстаивая свою свободу смело, ино-

гда, может быть, и дерзко или грубо, по неумелости, несдержанности, бестактности» [Бунаков 1909, с. 7].

Любопытно, что сводный брат Н. Ф. Бунакова Кирилл Антонович Березкин (он был семью годами старше), в 1849 г. заканчивавший обучение в Вологодской гимназии (а Г. С. Лыткин учился тогда в гимназии первый год), в январе-сентябре 1849 г. вел дневник [Березкин 2014, 2020, в котором тоже весьма нелицеприятно характеризовал своих преподавателей. Исследователи дневника К. А. Березкина как исторического источника отмечают, что судя по тому, что К. А. Березкин проучился в гимназии 10 лет вместо семи, он трижды оставался на второй год, и прямо указывают на то, что К. А. Березкин («одаренный, но ленивый и взбалмошный человек», «не очень усердный ученик») «не очень успешно сдал экзамены», «в итоге он не получил чина, а только удовлетворился аттестатом, чем <...> был крайне недоволен», причем «главными виновниками этого он считал не себя, а строгого и злого инспектора Ф. Н. Фортунатова и ведомого им директора А. В. Башинского», «винил своих преподавателей в своей не очень успешной учебе» и давал им «негативные оценки»; [Иванова, Баев 2021, с. 74–75]. Сам К. А. Березкин записал в дневнике: «Как я буду жить в свете с таким дрянным характером»; «я ужасно вспыльчив. Проклятое это самолюбие» [Березкин 2014, с. 10]. По-видимому, оба сводных брата, К. А. Березкин и Н. Ф. Бунаков, получили примерно сходное домашнее (недо)воспитание и, обладая несомненными способностями, были не слишком усердны в учебе, не обладали в достаточной мере чувством такта, однако в своих неудачах винили преподавателей. Так что, знакомясь с характеристиками, данными Н. Ф. Бунаковым (а также К. А. Березкиным) преподавателям и одноклассникам, надо иметь в виду пристрастность их авторов.

В одном классе с Г. С. Лыткиным и Н. Ф. Бунаковым завершали обучение еще 10 человек. Н. Ф. Бунаков упомянул некоторых «наиболее памятных» ему товарищей: «Первым учеником в классе был Н. А. Андреев, из мещан г. Кадникова, прилежный и благонравный, но недалекий юноша, ученик-зубряжка. Он впоследствии был, кажется, медиком. Я совершенно потерял его из виду, но думаю, что из него не вышло ничего видного и крупного» [Бунаков 1909, с. 20]. Между тем Николай Агапиевич Андреев (1830–1883) окончил гимназию с золотой медалью, поступил в Медико-хирургическую академию, которую окончил с отличием и золотой медалью, получил степень доктора медицины, стажировался в Германии, стал профессором и заведующим кафедрой в Варшавском университете, написал ряд научных работ по медицине [Терентьев, Гасанов, Кузнецова 2023].

Вторым учеником «был П. А. Протопопов, сын штатного смотрителя уездного училища (сперва Устьысольского или Яренского, потом Во-

логодского), – малый более даровитый, нежели Андреев, но легковесный, где-то выучившийся знаменито ругаться по-русски, самыми отборными не печатными ругательствами, за что все товарищи относились к нему более, чем неодобрительно. Окончив курс в Главном Педагогическом институте, он потом был учителем математики в Вологодской гимназии, а теперь, уже много лет, состоит директором училищ Архангельской губернии. С ним я потом служил в Вологодской гимназии и не скажу, чтобы из него вышел дельный и симпатичный педагог. Движением по службе он был обязан случайности, а не своим личным достоинствам. Не думаю, чтобы это был хороший, дельный и полезный директор училищ» [Бунаков 1909, с. 21]. Павел Алексеевич Протопопов окончил гимназию с серебряной медалью.

С серебряной медалью завершил обучение в гимназии и еще один одноклассник – Матвей Федорович Макаров. Н. Ф. Бунаков вспомнил, что тот – «сын чиновника из города Устюга, сколько помню – юноша симпатичный. Он в нашем курсе был пристальный, потому что остался в 7 классе на другой год. Отправившись на родину, в Устюг, на лодке по р. Сухоне, он дорогой потонул; тогда о паромстве еще и речи не было, а сообщение по рекам в том краю производилось на больших крытых лодках – парусом, веслами и тягой. Это было тогда самое дешевое и убойное, хотя медленное, летнее путешествие» [Бунаков 1909, с. 21]. Г. С. Лыткин, будучи в Калмыкии, в дневнике записал: «Нередко вспоминаю я покойного Матвея Федоровича Макарова, товарища по гимназии, с которым до отъезда его в Устюг мы нередко сходились вместе, мечтали о том, как поступим в университет – я по филологии, а он по медицине; как впоследствии мы сделаем преобразования в жизни зырян. Тогда нам так сладко мечталось!» [Труд преодолевает всё 2004].

В выпускном классе Г. С. Лыткина и Н. Ф. Бунакова учились также Гавриил Беляев (он после гимназии преподавал историю и географию в Грязовецком уездном училище [ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 2304. 39 л.]), Александр Волоцкой, Алексей Неелов, Виктор Образцов, Павел Писцов, Прокопий Фрязиновский и Григорий Сергеевич Холмов. Н. Ф. Бунаков вспомнил только Фрязиновского и Лыткина: «Я наиболее близок был с моим соседом по месту, П. Н. Фрязиновским, и устьсыольским зырянским Юрием (тогда он назывался Егором) С. Лыткиным. Фрязиновский был сын чиновника из города Яренска, юноша необыкновенно скромный и застенчивый, с глубокими и серьезными умом, с громадными математическими способностями, – самый даровитый и многообещающий из нас, по моему мнению. Но к несчастью, он, как говорится, «пропал ни за грош». Вообще говоря, он учился посредственно, но по математике, физике и космографии шел впереди всего класса, удивляя своими успе-

хами и товарищей, и учителей», «был любимцем» учителя математики А. А. Мешкова. «Кроме того, он очень много читал, преимущественно любил серьезное чтение и был очень развит умственно. Так как он имел склонность делиться знаниями, какие приобрел из книг, и собственными мыслями по поводу почитанного, но делиться не громко и публично, не для показа, а втихомолку, в силу внутренней потребности, это соседство его было очень полезно для меня. За ним и я прочитывали и усваивал довольно серьезные сочинения, напр., политико-экономического содержания, в роде теории Мальтуса» [Бунаков 1909, с. 21]. После гимназии П. Н. Фрязиновский работал в уездном суде в Яренске, учился в Главном педагогическом институте в Петербурге, преподавал в Тамбовской гимназии. По словам Н. Ф. Бунакова, в Яренске он «занился больше всего картами и попойками», «в Петербурге, в Яренске или в Тамбове <...> заразился той болезненной привычкой, которая погубила не мало хороших русских людей: он спился и умер в очень молодых летах» [Бунаков 1909, с. 22].

Педагоги гимназии глазами учеников.

До 1852 г. Вологодской гимназией руководили директор Андрей Васильевич Башинский* и инспектор Федор Николаевич Фортунатов (1814–1872). Последний был известен как педагог, автор ряда публикаций по вопросам воспитания и краевед; преподавал в Вологодской гимназии историю, статистику, древнегреческий язык [Агеева 2013, с. 7–15; Баев, 2019, с. 159–163.]. Профессор С. П. Шевырев, встречавшийся с обоими руководителями гимназии в 1847 г., писал: «Никогда не забуду радушного гостеприимства директора А. В. Башинского и инспектора Ф. Н. Фортунатова. С последним я был уже знаком лично, и, кроме того по статьям его, напечатанным в Москвитяине. Приятно было встретиться мыслями с почтенными учеными Вологды и найти здесь полное сочувствие к тому направлению, которому я постоянно следовал в науке и литературе» [Иванова, Баев 2021, с. 75].

А. В. Башинский в описании Н. Ф. Бунакова – «человек старый, ограниченный и малообразованный даже для того времени, в сущности, добрый, но взбалмошный и совершенно подчинившийся, незаметно для самого себя, воле и влиянию инспектора, который играл на нем, как на балалайке, почему и ученики прозвали Башинского “балалайкой”» [Бунаков 1909, с. 8–9]. К. А. Березкин описывает директора так: «Седой старик в очках и в поношенном синем фраке, среднего роста. Старик добрый, но взбалмошный, часто бранит и хвалит, а не знает и сам за что. Человек очень набожный, религиозный, плачет, когда рассказывает проповедь, и дает наставление, у кого увидит, что

* Странно, что и Н. Ф. Бунаков, и К. А. Березкин называют его «Александром Васильевичем» [Бунаков 1909, с. 8; Березкин 2014, с. 92].

длинные на голове волосы, любит чтобы ученик смело и бойко отвечал урок и прямо смотрел в глаза. Часто дает приказания, а забывает их и того чаще» [Березкин 2014, с. 92].

Ф. Н. Фортунатов, согласно Н. Ф. Бунакову, – «человек с большим умом, но ханжа и квасной патриот, душа всей гимназии и самодержавный ее владыка, под прикрытием Башинского. «Прежде всего благонравное поведение, благочестие, смирение, повиновение властям, а науки дело второстепенное». На эту тему инспектор то и дело говорил ученикам речи и проповеди – и в классах, и в гимназическом зале, и в церкви, речи и проповеди красивые и трогательные, с возгласами, с жестами, даже со слезами на глазах. Не знаю, в какой мере искренним был он в своей деятельности, но нельзя было не видеть в этом маленьком и худеньком человечке с желтым лицом большой нравственной силы. В Вологде говорили, что Фортунатов считается одним из умнейших людей в Русской земле. Может быть, это была и правда, но во всяком случае это был ум ложно направленный, с большой долей фанатизма, конечно, не революционного. Башинский тоже тянулся за ним, тоже говорил бестолковые и нескладные речи о преимуществах благонравия перед ученостью, о великом значении православия и самодержавия» [Бунаков 1909, с. 9]. А вот взгляд К. А. Березкина: «Правая рука директора – инспектор Фортунатов, маленький, сухой, чахотный, большой проныра и мнителен до крайности, совершенно управляет директором, скрытен и злопамятен, подозрителен, умен очень и много знает, а светлая, хорошая память удерживает все прочитанное. Тоже религиозен, но не очень добр, это не директор, не выскажет всего, что надумал, а скрывает до случая и тут разом все припомнит. Хитер и любит наущничество, входит во все мелочи» [Березкин 2014, с. 92]. «Ядовитое он создание, иезуит» [Березкин 2014, с. 230]; «гадок инспектор, вздорен директор» [Березкин 2014, с. 182].

Впрочем, Н. Ф. Бунаков заключал, что А. В. Башинский и Ф. Н. Фортунатов «были люди незлобивые, даже добрые по-своему. Они искренно желали добра учащимся и твердо верили, что ведут их самым правильным путем к собственному их благополучию, «Царю и Отечеству на пользу». Но они по-своему понимали пользы отечества и человеческое благо в духе того времени». «Они были не прочь помучить поучениями православно-патриотического содержания тех юношей и отроков, которых считали и называли “паршивыми овцами”, способными заразить и испортить “все стадо”, пожалуй и посечь их “по-отечески”, но редко, сознательно и по своей воле, портили будущность даже этих “паршивых овец”. Посекут с согласия родителей, после предварительного совещания с ними <...>, а все-таки как-нибудь проведут до благополучного конца и выпустят, – если не с правом на чин 14-го класса, то хоть со свидетельством об окончании

гимназического курса. Вообще, дело велось патриархально, по-отечески, – может быть, и не особенно разумно, но человечнее, нежели ведется ныне» [Бунаков 1909, с. 10].

В 1852 г., когда Г. С. Лыткин, Н. Ф. Бунаков и их товарищи учились в 6-м классе, А. В. Башинский и Ф. Н. Фортунатов оставили свои должности (Ф. Н. Фортунатов был назначен директором училищ Олонецкой губернии). Новым директором гимназии стал Аникита Семенович Власов (К. Ф. Бунаков называет его Никитой Семеновичем) – по оценке Н. Ф. Бунакова, «из петербургских учителей словесности, человек начитанный и литературный, с большими претензиями, но черствый, плохой педагог», «кичливый и черствый бюрократ», который «и к ученикам, и к учителям относился свысока» [Бунаков 1909, с. 15–16]. Н. Ф. Бунаков вспоминал, что А. С. Власов будто бы «прямо выражался в лицо ученикам: «Вы думаете, мы работаем ради вас и много заботимся о том, что из вас выйдет, дельные и полезные люди, или чиновники-взяточники? Рыбы вы башки (любимое его ругательство)! Мы работаем ради денег, потому что жалование получаем, а о вас нам заботы мало». Власову вторил и еще более был бюрократом новый инспектор <...> Дм. Ал. Зяблов*, совершенно ничтожная личность. Этот чистенький рыженький человечек, мелочной и вздорный болтун и крикун, с визгливым голосом, без толку бегал по гимназии, зорко наблюдая только за исправностью пуговиц» [Бунаков 1909, с. 16]. Почетным попечителем гимназии в 1854 г. состоял артиллерии подпоручик Платон Дмитриевич Неелов [Справочная книжка 1854, с. 29–30].

В гимназии преподавали закон Божий, русский язык, латинский и древнегреческий языки, «новые» немецкий, французский, английский языки, историю, географию, геометрию, математику, физику, в старших классах – статистику, философию, юриспруденцию, а также учили рисованию, музыке, пению, танцам, военной выправке и маршировке. Н. Ф. Бунаков весьма скептически оценивал большинство гимназических учителей: «Преподавание же в гимназии, у большинства преподавателей, было сухое, состоявшее из задавания и спрашивания уроков по книжке, не возбуждавшее никакого интереса к учению. Большинство учителей отбывали свои уроки, как скучную необходимость, обременительную подневольную повинность, без воодушевления, без любви и к предмету, и к ученикам» [Бунаков 1909, с. 7]. «Ввиду царившей на уроках скуки и вследствие халатности преподавателей, я ровно ничего не делал; лучшим примером для этого были преподаватели; они тоже ничего не делали». «Все только задавали и спрашивали по книжке уроки, да и то не особенно внимательно». «Общий склад и характер воспитательно-учебного дела в гимназии (не знаю, в вологод-

* Коллежский советник Дмитрий Алексеевич Зяблов [Справочная книжка 1854, с. 29–30].

ской ли только, которая была на хорошем счету, или вообще в русской гимназии того времени) был таков, что не возбуждал охоты к учению» [Бунаков 1909, с. 8].

«В классе большинство учителей ничего не объясняло, а только задавало уроки по книжке, и дома нам никто не помогал. Я, например, до сих пор не понимаю, как и у кого научился я читать и писать по-французски и по-немецки. Тогда оба языка были обязательны, оба начинались с 1-го класса, при поступлении, занятия начинались не с обучения чтению и письму, а прямо с заучивания слов, с переводов и некоторых грамматических упражнений. При этом немец Дозе, хоть плохо, но говорил по-русски, а француз, Карл Антонович Блез, только что приехавший в Вологду в год поступления моего в гимназию, ни слова не говорил и не понимал по-русски» [Бунаков 1909, с. 13]. К. А. Березкин в дневнике относительно К. А. Блеза записывал, как правило, что «добренький» «Блез врал разные анекдоты», «француз Блез – удивительно изобретательное воображение – он в четверть часа наговорит столько, что просто ужась», «Блез между разной всякой всячиной болтовни», «от Блеза во французский класс все прослушали его болтовню, вранье и французской ловкости и удивительной находчивости говорит, своей речью и изобретательностью в слове он хоть кого женит» [Березкин 2014, с. 20, 24, 155]. «От Блеза ничего не делали. Какие тут успехи? Вот проходит почти год, а из французского еще ровно ничего сделанного, не начинали делать»; «вот год проходит, а из французского кроме двух глав из еще ничего не переведено, но всякий класс разговоры с Блезом» [Березкин 2014, с. 103, 137].

Особое неприятие Н. Ф. Бунакова вызывал «учитель немецкого языка <...> Иван Иванович Дозе, почему-то слывший за великого педагога, которого ученики считали своим бичом и ненавидели от всей души. Может быть, в этой ненависти и была доля несправедливости, но Дозе, действительно, вносил в гимназическую жизнь столько ужаса и страданий, что не мог ожидать любви к себе даже со стороны самых благонаравных и безличных мальчиков. Небольшой лысый человечек с кошачьей походкой, с деланно-медовой речью, сильными костлявыми пальцами, которыми он удивительно умел крутить ученические уши до нестерпимой боли, он одним своим появлением наводил и ужас, и озлобление: оно всегда имело в глазах учащихся какой-то зловещий смысл. Собственное дело преподавания немецкого языка Дозе вел плохо, без знания, скучно и безрезультатно, но «благонаравие» гимназии почему-то особенно озабочивало его. Он выслеживал всякие шалости, проделки и провинности учеников и доносил обо всем начальству. Он, по доверию начальства, производил все дознания и допросы и устраивал очные ставки и т. п. Он вел переговоры с родителями провинившихся, если в этом была надобность, относительно приличного

наказания их» [Бунаков 1909, с. 9–10]. «Как, помню, страшен был для меня <...> Ив. Дозе», записал в дневнике К. А. Березкин [Березкин 2014, с. 182]. «Учитель немецкого языка, Роман Иванович Альтдорф, заменивший Дозе, после своего предшественника, казался очень хорош, хотя не отличался ни талантами, ни педагогическим искусством. Все-таки его преподавание было не одной бестолковой зубристикой, гораздо живее и содержательнее, нежели монотонные уроки Д. Он даже делал попытки знакомить учеников с поэзией Шиллера» [Бунаков 1909, с. 15].

По словам Н. Ф. Бунакова, «учитель латинского языка Федор Иванович Польнер просто спал, склонившись над столом на обе руки» [Бунаков 1909, с. 8] («ужасен Польнер», – отметил в дневнике К. А. Березкин [Березкин 2014, с. 182]). К. А. Березкин упомянул в дневнике еще двух учителей латыни. Один – поляк Фаддей (Фадей) Игнатьевич Яржинский, «довольно умный, знает хорошо свой предмет, но на русский переводит нехорошо, большой весельчак, и от него в классе сидеть весело, шутит и врет всякий вздор»; второй – Сергей Чихачев, «чудесный учитель, умен и образован» [Березкин 2014, с. 92–93]. Упомянут Н. Ф. Бунаковым также «учитель греческого языка <...> Александр Григорьевич Попов, глуповатый и толстый, слоноподобный добряк из семинаристов» [Бунаков 1909, с. 14]. «Древние языки преподавались так же плохо, как и математика, которая считалась совсем не важным предметом да еще не для всякого доступным, а только для прирожденных математиков, т. е. людей не совсем нормальных, способных ради цифр забыть весь мир» [Бунаков 1909, с. 9].

Между тем, в гимназии с 1836 по 1850 г. работал математик Александр Иванович Иваницкий (1812–1850) – автор «Собрания арифметических задач», выдержавшее с 1850 г. 11 изданий; изобретатель, придумавший прибор для измерения силы направления и продолжительности ветра; писатель, опубликовавший несколько повестей; краевед, проводивший исследования в области ботаники, зоологии, метеорологии, климатологии. В выпускном классе математику, физику и космографию Г. С. Лыткину и его одноклассникам преподавал Андрей Алексеевич Мешков – «превосходный учитель», «чрезвычайно живой и талантливый человек, знавший и любивший свой предмет и мастерски преподававший» [Бунаков 1909, с. 21]. О высоком уровне преподавания математики в гимназии говорит тот факт, что ее с золотой медалью в 1853 г. (годом раньше Г. С. Лыткина) окончил Александр Николаевич Коркин (1837–1908) – будущий заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета, математик, специалист по дифференциальным уравнениям.

Одним из главных предметов считался Закон Божий. Но, по словам Н. Ф. Бунакова, это не означало, что по нему «необходимо было хорошо учиться и работать. Совсем нет. По Закону Божьему <...> мало кто хоть

сколько-нибудь учился, хотя все преуспевали, т. е. имели отличные баллы и за год, и на экзаменах. Законоучитель, видный и важный на взгляд протоиерей о. Петр*, был очень добрый, но совершенно невежественный и крайне ограниченный человек. Он всегда и всем ученикам ставил хорошие баллы, снисходительно относился и к подсказыванию, и к чтению урока по книжке, и к очевидному вранью иного бойкого на слово мальчугана, и пометкам билетов для экзамена, и ко всяким ученическим плутням, даже к шуткам, насмешкам и дерзким выходкам учеников. Ходит он себе по классу мелкими шажками (такая уж у него была походка, несмотря на высокий рост и осанистый вид), да расчесывает гребешком свою широкую бороду, а вызванный ученик читает урок по книжке, или врет, что Бог на душу положить; находились наглецы, которые вклеивали в свой ответ обидная фразы про самого законоучителя... “Я кончил, о. Петр”... – Ну, хорошо, очень хорошо; садись, я тебя пятерку поставлю... – И вызывает другого. Прочие ученики заняты своим делом: кто книжку читает, кто другой урок готовит, кто сочинение пишет, кто в “стречки” играет; по законом Божьим не занимается никто, даже ни у кого и мысли нет о закон Божьим» [Бунаков 1909, с. 11]. К. А. Березкин отметил в дневнике: «Отец Петр принес примерные билетики, превосходный он просто человек удивительно доброй души, никому не сделает зла и невольно заставил вот приготовиться, он удивительно прост» [Березкин 2014, с. 155].

В сравнительном почете в гимназии была история, которая, вспоминал Н. Ф. Бунаков, «ценилась, как удобная арена для упражнений в официальном патриотизме». По его словам, Ф. Н. Фортунатов преподавал русскую историю <...> по собственным рукописным запискам, представлявшим довольно бледное и бедное, но красноречивое извлечение из «Историй Государства Российского» Карамзина. <...> В гимназии, по преимуществу, ценилась русская история, а проходила она в официально-патриотическом духе по «Устряльчику», т. е. учебнику профессора Н. Г. Устрялова, плохому, но не проще современного Иловайского, который дополнялся чтением Карамзина» [Бунаков 1909, с. 12–13]. «Учитель истории, Константин Иванович Лебединский, был тихий, безобидный человек, с тоненьким голоском, знающий свой предмет. Дело преподавания он вел не блестяще, но старательно и толково» [Бунаков 1909, с. 15]. К. А. Березкин записал в дневнике: «Лебединский – это маленький человечек с тихим птичьим голоском, прошедшего года приехал из университета на место учителя истории, хитер и немного глуповат, любит поспорить, но никогда не доводит до большой ссоры, все как-то увертывается» [Березкин, с. 93]; «учителя все добренькие: Лебединский, отец Петр, Блез» [Березкин 2014, с. 127].

* Протоиерей Предтеченской городской церкви Петр Васильевич Васильевский [Справочная книжка 1854, с. 29–30].

В 1850 г. учащихся гимназии разделили на два факультета: филологический, с одним латинским языком, и юридический, с законоведением; введено было для всех естествознание. Н. Ф. Бунаков писал: «Это преобразование еще затруднялось тем обстоятельством, что не было ни учебников, ни преподавателей, – и пошла чистая кутерьма» [Бунаков 1909, с. 13]. «Учитель греческого языка, упраздненного реформой, <...> был, по манию начальства, превращен в натуралиста». «Он явился в 4-й класс с толстой “Ботаникой” Декан-доля и начал читать нам ее, ровно ничего не понимая в ней сам. Так открылись у нас занятия естествознанием, заменившим греческий язык. Понятно, что у этого импровизированного натуралиста никто не учился, да и невозможно было ничему научиться» [Бунаков 1909, с. 14]. Позднее, впрочем, появились учебники по естествознанию (зоологии, ботанике, минералогии) и по законоведению, в 1853 г. пришли в гимназию натуралист Михаил Николаевич Яблонский (из Динабургской гимназии, совр. Даугавпилса [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 9. Д. 47; ГАВО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 451. 33 л.; Ф. 438. Оп. 3. Д. 3817. 3 л.]) и юрист Владимир Николаевич Елецкий. «Оба преподавали скучно, сухо, не умея заинтересовать учеников своим предметом; но люди они были мягкие, благовоспитанные, относились к учениками хорошо, и дело, с внешней стороны, шло гладко и прилично, но <...> без всякой пользы для учащихся» [Бунаков 1909, с. 15]. М. Н. Яблонский позднее, в 1859 г., выпустил иллюстрированную книжку «Мир в картинах, или Краткое изображение и описание главнейших предметов из домашнего быта, царств: животного и растительного» [Яблонский 1859], переиздававшуюся в 1866 и 1875 гг.

Существенно важным предметом в младших классах считался русский язык [Бунаков 1909, с. 9]. М. П. Погодин писал, что «во время учения в вологодской гимназии Лыткин занимался преимущественно изучением русского языка и истории» [Погодин 1867, с. 138] и «особенно уважал младшего учителя гимназии, почтенного Николая Петровича Титова, преподававшего географию и русский язык. Влияние этого наставника, отличавшегося большим педагогическим тактом и снисходительностью к своим маленьким друзьям-ученикам, было весьма благотворно для развития г. Лыткина» [Погодин 1867, с. 136]. В год окончания Г. С. Лыткиным гимназии Н. П. Попов завершил свою 30-летнюю работу в ней. Весной 1859 г. группа выпускников Вологодской гимназии – студентов столичных вузов (Г. С. Лыткин, П. Н. Фрязиновский, Н. А. Андреев, Л. Ф. Пантелеев и др.) отправила Н. П. Титову свой коллективный фотопортрет и письмо, в котором, в частности, говорилось: «Добрый, многоуважаемый наставник, Николай Петрович! Счастливая и благая мысль выразить видимым знаком питаемую к вам признательность за добрые семена, посеянные вашим нравственным влиянием на нас в детстве, ныне приведена нами в исполнение. Посмотрите на

эти личности не с количественной стороны, но как на видимое возможное выражение того юного поколения, которое прошло сквозь ваши руки и рассыпалось по лицу родной России служить общественной пользе. В лице вашем, как Несторе между учителями вологодской гимназии, мы благодарим и всех наших наставников, у которых еще много интересов в настоящем, между тем как вам остается воспоминанье о вашем добром прошедшем с его благотворною деятельностью». Н. П. Титов в ответ писал 17 апреля 1859 г.: «Я искренно желал добра каждому из вас, как и ныне от души желаю, и радуюсь, что вы теперь на прекрасном пути просвещения и что впереди перед вами еще лучшее поприще пользы и чести. Да поможет вам Бог благоуспешно подвигаться для блага отечества!» [Погодин 1867, с. 136].

Н. Ф. Бунаков также отзывался о Н. П. Титове с уважением: «Человек живой, исполнявший свое дело с любовью и огоньком. Старый холостяк, совершенно одинокий, но с любящим сердцем, он всю любовь свою положил в дело преподавания. У него учились охотно, внимательно сидели в классе и кое-чему научились даже отпетые лентяи и шалуны, даже неспособные тупицы. Всех увлекало его воодушевление; всем нравились его интересные географические рассказы, дополнявшие и иллюстрировавшие сухой учебник Ободовского; всем нравились и те устные и письменные словесные упражнения, которые составляли самую суть дела в его уроках по русскому языку; всех будил и расшевеливал его способ преподавания – работа не с единичными личностями, а с целым классом, причем его вопросы рассыпались по всему классу, не обходя никого, а его зоркий глаз не упускал из виду ни одного ученика, отвлекавшегося от дела; всех трогало и возбуждало не быть праздным его любовное, отеческое, хотя подчас довольно строгое и всегда серьезное, отношение и к делу, и к ученикам. Сколько неприятной отеческой скорби было в его умных больших глазах, в его голосе, когда он обращался с упреком к какому-нибудь отчаянному шалуну и лентяю. Сколько снисхождения, ласки и заботы обнаруживал он по отношению к способному мальчику, если неугомонная живость природы отвлекала его от дела и толкала на баловство. Недаром этого старого холостяка, учителя по призванию, учителя-педагога по натуре, все его ученики любили и уважали, как отца. Недаром всякий ученик и через много лет после выхода из гимназий, считал приятным долгом, приезжая в Вологду, посетить скромную холостую квартиру своего бывшего учителя у Власья, поделиться с ним своими успехами и радостями, своими неудачами и бедами, выслушать от него или сердечное слово поддержки и утешения, или отеческий совет. А впоследствии точно так же его ученики посещали на Вологодском кладбище одинокую и скромную могилку, с простым деревянным крестом, чтобы поклониться праху своего любимого учителя. Хороший, умный, любящий и честный был человек» [Бунаков 1909, с. 7–8].

В старших классах Вологодской гимназии главным предметом была словесность. Г. С. Лыткину и его одноклассникам ее преподавал Николай Петрович Левицкий (1823–1898) – уроженец Вологды, выпускник гимназии и петербургского университета. Н. Ф. Бунаков вспоминал о нем: «Человек с большим литературным и художественным вкусом, знаток и поклонник Пушкина, Гоголя и Белинского, горячо любящий литературу, он стремился и умел посеять в своих учениках любовь к чтению и литературный наклонности, умел развивать в них способность толково читать и уметь владеть языком, критически относясь к своему изложению и тщательно обрабатывая его, – и большое ему спасибо за это! Ученики не особенно уважали его за уклончивый характер и постоянное (может быть, – и вынужденное, но все же несимпатичное) поддакивание начальству, но уроки его любили и хорошо понимали полезность их» [Бунаков 1909, с. 14–15]. К. А. Березкин, время от времени конфликтовавший с Н. П. Левицким («чуть-чуть с Левицким опять сегодня не побранился, но так довольно мирно разошелся, слава Богу» [Березкин, с. 137]), писал о нем в дневнике: «Дубина какой-то, но, по справедливости сказать, хороший человек и добрый, но высоко и гордо держит себя пред учениками, чем держит уважение к себе» [Березкин, с. 92].

По словам Н. Ф. Бунакова, «словесность процветала в вологодской гимназии еще при Бажинском и Фортунатове, а при Власове тем более, впрочем, преимущественно благодаря Н. П. Левицкому и только отчасти Власову». «Как словесник, Власов особенно налегал на занятия словесностью. По существу дела, его вмешательство в это дело было мало полезно: отнимая уроки у Н. П. Левицкого, <...> Власов больше всего был занят самим собой, ломался, рисовался, выставлял на вид свои познания, свое остроумие, ругая учеников, унижая, по возможности, в их глазах преподавателя, произнося фразистые речи без значительного содержания. Но это вмешательство директора в занятия словесностью еще более усилило то литературное направление гимназии, которое замечалось в ней и раньше» [Бунаков 1909, с. 15–16].

В год выпуска Г. С. Лыткина (1854) в Вологодской гимназии трудился директор надворный советник Аникита Семенович Власов, инспектор гимназии коллежский советник Дмитрий Алексеевич Зяблов, законоучитель протоиерей Предтеченской городской церкви Петр Васильевич Васильевский, старшие учителя коллежские советники Иван Львович Игнатъев, Фаддей Игнатъевич Яржинский, коллежский ассесор Николай Петрович Левицкий, титулярный советник Константин Иванович Лебединский, «состоящие в IX классе» Владимир Николаевич Елецкий, Андрей Алексеевич Мешков и Михаил Николаевич Яблонский, младшие учителя надворный советник Николай Петрович Титов, «состоящие в X классе» Михаил Гера-

симович Николенко, Карл Оттович Блез и Николай Алексеевич Федоров, надзиратели коллежский секретарь Лев Андреевич Воскресенский, губернский секретарь Николай Федорович Решетов, коллежские регистраторы Александр Петрович Зарубин и Карл Петрович Вигант [Справочная книжка 1854, с. 29–30].

Круг чтения и творчество гимназистов.

По воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева (1840–1919), выпускника гимназии 1858 г., набор художественной литературы в ней был довольно скуден: «Было две библиотеки, одна пансионская, всего с десятком книг: «Робинзон Крузе», «Путешествие Дюмон-Дюрвиля», «Часы благоговения» и еще что-то в этом роде. В гимназической библиотеке был запечатанный шкаф, в котором красовались «Отечественные записки» за время Белинского. Новых книг в библиотеке было очень мало; чтение не поощрялось, и получение книг из гимназической библиотеки (и то с четвертого класса) было нелегко» [Пантелеев 2015, с. 497]. Тем не менее гимназисты много читали: русских писателей, причем не только признанную классику, но и произведения молодых авторов, включая «Обыкновенную историю» Гончарова, «Бедных людей» Достоевского, первые рассказы Тургенева, Григоровича, Писемского, Льва Толстого, переводы произведений Шекспира Гете, Диккенса, Байрона и др., «критические статьи Белинского и Валериана Майкова публицистику Герцена. Н. Ф. Бунаков считал, что учащиеся гимназии «основательно и полно были знакомы с русской литературой». «Чтение учеников тоже шло под руководством Левицкого, который состоял библиотекарем и выдавал ученикам книги для домашнего чтения. Тогда чтение учащихся в гимназии было гораздо свободнее, нежели в нынешнее время, а потому оно, действительно, имело большое развивающее значение» [Бунаков 1909, с. 16–17]. Г. С. Лыткин был в числе самых «читающих» гимназистов. Н. Ф. Бунаков вспоминал: «Он покупал книги и даже выписывал «Современник», который в то время (52, 53, 54 [годы]) был лучшим русским журналом. «Современником» и книгами он снабжал и меня [Бунаков 1909, с. 22]. Неудивительно, что Г. С. Лыткин тесно контактировал с Н. П. Левицким и продолжал поддерживать с ним контакты и десятилетия спустя [Лыткин 1889, с. I–II].

Впрочем, далеко не все гимназисты могли похвастаться широким кругом чтения. Л. Ф. Пантелеев признавался: «Имя Тургенева мне было мало знакомо, в гимназии я читал какую-то повесть его, но она не произвела на меня впечатления, да еще читал критическую статью в «Отечественных записках», где его за что-то порядочно разносили. Ни от кого в Вологде не слышал о нем как о выдающемся таланте; да и вообще о литературе после Гоголя и Лермонтова имел крайне смутное понятие» [Пантелеев 2015, с.

120]; «в гимназии из поэтов мы знали только Пушкина и Лермонтова, а из остальных лишь отрывки по хрестоматии» [Пантелеев 2015, с. 126]. По-ведал Л. Ф. Пантелеев и еще о двух выпускниках вологодской гимназии, поступивших в столичный университет, Н. В. Шошине и Н. Ф. Остолопове (гимназистам рекомендовали даже «всегда иметь их в виду как пример, достойный подражания» [Пантелеев 2015, с. 116]. Про Шошина Пантелеев написал так: «О чем его ни спроси современном – никакого понятия не имеет; журналы знал только по имени. Раз, увидав у меня в руках “Записки охотника”, сказал: “Ах, Ивана Сергеевича Тургенева!” Но оказалось, что он их не читал и не поинтересовался прочесть, хотя я ему и предлагал книгу» [Пантелеев 2015, с. 116–117]. Н. Ф. Остолопов, по словам Л. Ф. Пантелеева, «ни в какие книжки не заглядывал; иногда еще можно было видеть в его руках какой-нибудь роман, который он обыкновенно и читал чуть не целых полгода» [Пантелеев 2015, с. 117].

Пользовались популярностью у гимназистов работы историков – в частности, «статьи молодых русских ученых Кавелина, Соловьева, Грановского» [Бунаков 1909, с. 17]. Г. С. Лыткин заинтересовался также трудами видных ученых А. Шёгрена и М. А. Кастрена по финно-угорским языкам, И. И. Срезневского по истории русского языка [Лыткин В. 1926, с. 12; Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 75; Лыткин В., Демин 1996, с. 253], устным народным творчеством коми, во время каникул записывал коми народные произведения* (загадки, пословицы, поговорки и др.; некоторые из них он позднее опубликовал), стал исследовать коми язык [Доронин 1965, л. 83]. М. П. Погодин со слов самого Г. С. Лыткина писал, что тот «собирал с 1848 по 1856 год зырянские песни, сказки, пословицы, загадки, записывал разные зырянские сказания» [Погодин 1867, с. 139].

Возникновение у Г. С. Лыткина интереса к науке, истории и культуре коми не было случайным. В первой половине XIX в. в культурном развитии региона произошли большие изменения. Коми край посетили крупные российско-финляндские (напомним, что Великое княжество Финляндское являлось тогда частью России) ученые-гуманитарии А. Шёгрэн и М. А. Кастрен, один из руководителей Императорского русского географического общества археолог, историк, этнограф, лингвист П. И. Савваитов и другие

* А. И. Терюков пишет, что «к сбору материалов по этнографии и фольклору коми Г. С. Лыткин начал проявлять интерес в студенческие годы», «во время каникул в 1856 г.» [Терюков 2011, с. 299]; что касается фольклорных материалов, то это произошло не в студенческие, а еще в гимназические годы, когда Г. С. Лыткин готовил свое сочинение о коми загадках. Есть даже предположение, что у Г. С. Лыткина «увлечение устным народным творчеством коми народа проявляется еще в школьные годы, когда любознательный юноша записывал у своих земляков предания старины, истории родов, сказки и песни» [Сангаджиева 2021а, с. 22].

исследователи. Под их влиянием к участию в исследовательской работе стали подключаться местные жители [Жеребцов, Рожкин 2006]. Весьма существенную роль в развитии краеведения играло появление в 1838 г. газет «Вологодские губернские ведомости» и «Архангельские губернские ведомости». На их страницах печатались, в частности, произведения коми фольклора («Яг-морт» и др.), очерки и заметки об истории Усть-Выми и Стефана Пермском, об основании Усть-Сысольска, обычаях коми народа, происхождении коми-зырян, истории и культуре ижемских коми и др. Вполне вероятно, что Г. С. Лыткин был знаком со многими (если не со всеми) из этих публикаций, тем более что в числе авторов был и учитель Усть-Сысольского уездного училища М. И. Михайлов (Его перу принадлежат «Заметки о зырянах», «Зима в Усть-Сысольске и северное сияние», «Домашний и семейный быт зырян» и др.) [Костромина 2000]. Главный труд, посвященный истории Усть-Выми, Стефану Пермскому и его преемникам, был издан в Вологде в 1851 г. отдельной книгой [Михайлов 1851].

Разумеется, первые авторы из числа жителей Коми края являлись не профессиональными учеными, а энтузиастами, любителями, от случая к случаю занимавшимися изучением (а чаще – описанием) тех или иных сторон жизни коми. Но их работа создавала общую атмосферу интереса к этой проблематике среди, в первую очередь, более состоятельных и образованных слоев населения. И в конечном итоге в такой атмосфере не могли не появиться те, кто не просто сделал науку своей специальностью, но и добился в ней крупных успехов. Первым таким человеком и стал Г. С. Лыткин. По словам М. П. Погодина, именно «труды Шёгрена и Кастрена побудили Лыткина изменить своей прежней мысли быть учителем устьсысольского уездного училища и заставили думать о гельсингфорском университете, где читались финские языки» [Погодин 1867, с. 139].

Н. Ф. Бунаков писал, что в гимназии «в усердных заботах о насаждении “благонравия” научное образование почти совсем упускалось из виду». «Начальство всего менее заботилось о научных занятиях и о действительных успехах учеников в науках. Больше всего оно заботилось о хорошей нравственности учащихся в условном и весьма узком смысле: внешняя религиозность, формальное благочестие, официальный патриотизм, смирение ума, чувства и воли, вот составные части того идеала, который имелся в виду у этих педагогов “николаевских” времен, руководимых попечителем Петербургского округа Мусиным-Пушкиным» [Бунаков 1909, с. 8–9]. (Образовательные заведения Вологодской губернии, в том числе и Вологодская гимназия, относились к Санкт-Петербургскому учебному округу, которым руководил попечитель округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862), видный государственный и общественный деятель, участник Отечественной войны 1812 г. [Галиуллина 2012, с. 181–192] сы-

гравший важную роль в судьбе Г. С. Лыткина). Вместе с тем Н. Ф. Бунаков признавал, что гимназисты «дельно и не без изящества писали сочинения довольно серьезного характера»; «между сочинителями учеников 6-го и 7-го классов попадались труды весьма серьезные и солидные, требовавшие изучения и большого умственного напряжения. Рассматривались вопросы литературные, исторические, юридические, эстетические» [Бунаков 1909, с. 16–17].

Лучшие сочинения гимназистов двух старших классов читали и разбирали на литературных беседах. Директор А. С. Власов руководил литературными беседами, «назначая от себя темы для особых сочинений» [Бунаков 1909, с. 16]. Н. П. Левицкий вел своего рода протокол дискуссии: записывал «на особом столике все возражения учеников» [Березкин 2014, с. 92]. Г. С. Лыткин, по сообщению М. П. Погодина, четыре раза выступал на литературных беседах со своими сочинениями: 1) О происхождении слов *коми* и *зырянин*; 2) О происхождении слова *морт* («человек; *му* земля, *орта* дух, *душа*; земной дух, земная душа; душа, облекшаяся в форму»); 3) О зырянских загадках, «выражающих воззрение зырян на мир внешний и внутренний»; 4) О значении слов *ур* и *шайт* («*ур* белка, потом копейка, *шайт* палочка тоненькая, но длинная, потом рубль») [Погодин 1867, с. 138]. Г. Г. Зоргенфрей также сообщал о сочинениях Г. С. Лыткина, касавшихся зырянских загадок, происхождения зырянских слов «коми» – зырянин, «морт» – человек, значения слов «ур (белка, копейка) и шайт (длинная палочка, на которую нанизывалось сто белок, что соответствовало 1 рублю времени Двинской грамоты великого князя Василия Дмитриевича)» [Зоргенфрей 1927, с. 47]. «Лучшие ученические сочинения... потом отправлялись в Петербург к попечителю округа», и оттуда столичное начальство «возвращало их с обстоятельными рецензиями» [Бунаков 1909, с. 12, 17]. По словам М. П. Погодина, сочинения Г. С. Лыткина «удостоились благосклонного отзыва» попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина [Погодин 1867, с. 138; Зоргенфрей 1927, с. 47].

В Вологодской гимназии поощрялось и художественное литературное творчество учащихся. Как вспоминал Н. Ф. Бунаков, словесность ценилась главным образом «в смысле “сочинительства”». Литературные упражнения поощрялись и в Петербурге, и на месте, и в прозе, и в стихах. Последние пользовались особым почетом, потому что стихотворство в то время еще считалось особенным даром небес и было особенно удобно для выражения благочестивых и патриотических чувств и идей». «Правда, от учеников требовались сочинения <...> в известном направлении, отражающие “благонравие” гимназии, ее православный и патриотический дух. Но все-таки в учениках возбуждались литературные наклонности, любовь к литературе, умение владеть языком и пером, потребность чтения, литературный вкус,

особенно благодаря тому обстоятельству, что тогдашний учитель словесности, по большей части, был самый развитой, многосторонне образованный и влиятельный из учителей» [Бунаков 1909, с. 12]. «Все это давал ученикам исключительно Н. П. Левицкий», который, по словам Н. Ф. Бунакова, «обладал отличным литературным и художественным вкусом» [Бунаков 1909, с. 16–17]. Среди гимназистов «были и поэты, вернее – стихотворцы, бойко владевшие стихом. <...> Большинство обладало литературным вкусом» [Бунаков 1909, с. 16].

Г. С. Лыткин тоже начал в гимназии заниматься литературным творчеством – писал стихи (на коми языке) [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 8] и очерки (на русском) [Доронин 1965, л. 83; Лыткин В., Демин 1996, с. 353]. И это тоже появилось не на пустом месте. Разумеется, очень важным явилось стимулирование литературного «сочинительства». Но надо иметь в виду опять-таки и общую «литературно-культурную» обстановку в регионе. О разнообразных очерках, посвященных Коми краю и его жителям, публиковавшимся в периодической печати, уже было сказано выше. Кроме того, в первой половине XIX в. некоторые жители Коми края (в основном, представители духовного сословия) стали заниматься стихосложением, обращаясь к знакомым им с детства образам устного народного творчества, к библейским сюжетам; некоторые стихотворные произведения получили определенную известность в кругах, интересовавшихся коми словесностью. К тому же устьсысольское «образованное общество» было не чуждо любительских литературных упражнений типа стихотворных поздравлений с праздниками и юбилеями и поэтических записей в девичьих альбомах [Сыктывкар 2020, с. 134]. Конечно, от этих газетных очерков и любительских виршей до создания коми литературы было еще далеко, делались лишь начальные, робкие и неуклюжие шаги на этом пути. Но литературное движение началось, и Г. С. Лыткин своим творчеством задал ему правильное направление. Отметим, что литературовед В. И. Мартынов именно Г. С. Лыткина называл автором первых стихотворений на коми языке [Мартынов 2000, с. 101]. М. П. Погодин писал, что «в 1854 и 1855 годах Лыткин написал много стихотворений на зырянском языке» [Погодин 1867, с. 139]. Лучшие сочинения читались на торжественном заседании, проходившем в гимназии перед Рождеством «в присутствии всего местного общества» [Бунаков 1909, с. 12]. В 1853 г. в этом заседании участвовал и Г. С. Лыткин [Лимерова 2015, с. 51].

Во время учебы Г. С. Лыткина в гимназии, в 1853 г., в столичном журнале «Лучи» напечатали его очерк о городе Тотьме «Тотьма: Путевые замечания в трех письмах», подписанный И. С. Л. Зырянин [Зырянин 1853, 2010]. Этот журнал для воспитанниц старших классов женских учебных заведений выпускала при поддержке императорской семьи известная рос-

сийская детская писательница А. О. Ишимова, в юности* некоторое время проводшая в Усть-Сысольске, куда был сослан ее отец [Сыктывкар 2020, с. 112, 128]. Первые три буквы псевдонима – инициалы Г. С. Лыткина. Но вместо «Георгий» он использовал имя «Егор» (так его тоже называли) в его коми варианте – Ёгор, Йогор (в 1920-х гг. в коми изданиях его имя писали также в варианте Йогор [Лыткин В., 1926]). Г. С. Лыткин написал этот очерк в декабре 1852 г. В нем описана часть поездки Г. С. Лыткина из Вологды в Усть-Сысольск во время каникул летом 1852 г. (о том, что описывалось путешествие именно в Усть-Сысольск через Тотьму и Устюг, а не в обратном направлении, говорит такая строка очерка: «лодка наша неслась в 5 верстах от Тотьмы к Устюгу по зеркальной поверхности Сухоны» [Зырянин 1853, № 7, с. 8]). Литературоведческая характеристика очерка дана литературоведом В. А. Лимеровой [Лимерова 2015]. В 1854 г. во влиятельной газете «Северная пчела» (ее выпускал писатель, литературный критик и журналист Ф. В. Булгарин) были напечатаны «Письма о городе Усть-Сысольске и о зырянах», также подписанные И. С. Л. Зырянин [Погодин 1867, с. 139].

Кроме науки и литературы, Г. С. Лыткин размышлял и о просветительстве, высказывал желание заниматься просветительной работой в Коми крае, хотя от идеи стать учителем отказался, склонившись в сторону научной работы [Демин 1995б, с. 157; Погодин 1867, с. 139]. Позднее он писал: «И в Вологодской гимназии и в С.-Петербургском университете, при изучении Восточных языков не покидала меня мысль – быть когда-нибудь полезным подрастающему поколению Зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде» [Лыткин 1889, с. I]. **Н. Ф. Бунаков вспоминал, что зырянин Лыткин «был солидный и трудолюбивый молодой человек, лет на пять постарше меня**». Не скажу, чтобы он был одарен особенным значительным умом и отличался даровитостью. Напротив, в нем замечалось тугое понимание, слабая восприимчивость, некоторая тяжеловатость мысли. Но в нем была одна замечательная черта, которая ставила его выше всего класса, в особенное, исключительное положение, и привлекала к нему: это его зырянофильский идеализм. Он мечтал и толковал о просвещении своего народа, к которому относился с преувеличенной, но трогательной верой в его способность к развитию и к исторической роли, как настоящие зырянский**

* Этнограф А. И. Терюков пишет, что в период написания очерка Г. С. Лыткин познакомился с А. О. Ишимовой, «проживавшей в то время в Усть-Сысольске со своим отцом» [Терюков, с. 296]; на самом деле Ишимовы находились в Усть-Сысольске задолго до этого, в 1819–1821 гг. [Сыктывкар 2020, с. 112, 128].

** На самом деле на два года.

патриот. И на свое образование он смотрел, как на средство для просвещения зырян, рано поставленного им целью своей жизни. Это был в своем роде Инсаров Тургенева. У нас немногие понимали его, большинство подсмеивалось над этим зырянофильством, над этим неуклюжим и добродушным, но страшно упорным и настойчивым зырянским патриотом. Но все невольно любили и уважали Лы[тки]на» [Бунаков 1909, с. 22].

Таким образом, в гимназии Г. С. Лыткин стоял на распутье между наукой, литературой и просветительством. Первым его выбором стало финно-угроведение. Позднее, 30 января 1859 г., будучи студентом 4-го курса Санкт-Петербургского университета, Г. С. Лыткин писал: «Исторический ход развития духовной природы, духовных сил зырян и других им родственных племен занимал меня еще на гимназической скамье; тогда же явилось сознание в необходимости изучения их языков, которые одни в состоянии открыть эту тайну, не внесенную в письменные сказания» [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 54].

Учились гимназисты шесть дней в неделю. «Классные уроки начинались в девять часов, и в каждом классе было только по четыре урока, считая в том числе чистописание и рисование в низших классах. Всякий урок продолжался один час десять минут, так как между первым и вторым, третьим и четвертым уроками были перемены в десять минут, а между вторым и третьим – в тридцать минут» [Пантелеев 2015, с. 497]. «Никаких ранцев и различных теперешних ученических аксессуаров тогда и в помине не было; даже не справлялись, имеются ли у ученика необходимые учебники. В действительности у многих из приходящих их и не хватало, а потому ходили друг к другу готовить уроки. Я из-за недостатка учебников лишней год пробыл в гимназии», – вспоминал Л. Ф. Пантелеев [Пантелеев 2015, с. 497]. «Учебными пособиями наша гимназия была обставлена крайне плохо; например, по географии 497 имелась карта Европы до такой степени истрепанная, что на ней ничего нельзя было разобрать; для остальных частей света были немые карты, и ничего больше. По физике было несколько приборов, но они стояли в шкафах и самое большее, что раз в году показывался какой-нибудь незамысловатый опыт, не всегда удававшийся, как, например, с Атвудовой машиной» [с. 497–498].

Воскресенье было выходным днем. Не учились и по праздникам. По словам Л. Ф. Пантелеева, к началу 1850-х гг. «относится сильно огорчившее всех школьников, да, вероятно, и весь педагогический персонал, сокращение праздников. Опале подверглись почти все двенадесятые праздники; на Рождество, не считая кануна, полагалось только три дня; кажется, была урезана и Пасха» [Пантелеев 2015, с. 494]. «Ни по случаю сильных морозов (они в Вологде доходят до 30° R), ни по случаю каких-нибудь эпидемий уроки в гимназии не останавливались» [Пантелеев 2015, с. 495].

В гимназии давались спектакли, цирковые выступления и другие представления. Например, в январе 1849 г. К. А. Березкин записал в дневнике: «Возвратился с представления Гейнрита, которое было сегодня, кажется, уже в последний раз. <...> Сегодня немного было фокусов, что делал лениво, вышел в костюме Рудольф Гейнрит, стал играть шариками, тут кольцами, кинжалами, ножами, но все это как-то плохо, на столбе вниз головой, показал здесь всю силу рук. Неудивительно, и это потому, что с малых лет упражнялся в гимнастике, так и получил навык ко всему этому. Началась фантасмагория, погасили все свечки, стало довольно темно в зале: одна только лампа в антракте между картинами освещала ярким светом середину залы. Это мне понравилось лучше представления, вся середина народа освещена светлым огнем лампы, а по обеим бокам в тени и полусвете зрители. Так бы, кажется, и срисовал эту картину фантасмагории или картины в тумане, или попросту волшебный фонарь. Это на белой плоскости, то есть на натянутом полотне, явились картины, разные рожи, карикатуры, некоторые движущиеся, несколько непонятных царей. Все это мне очень не понравилось, жаль очень полтинника, и вечер провел как-то, можно сказать, сумасбродно. Подлецы после этого все эти фигляры» [Березкин 2014, с. 41–42].

Гимназисты и сами устраивали спектакли. Один из них поставили на квартире, где жил Г. С. Лыткин. Н. Ф. Бунаков вспоминал: «Не помню, почему и когда именно я сошелся с ним особенно близко. <...> Я часто бывал у него, в его маленькой и низенькой комнатке, в доме Черняевых, существующем и теперь, где он прожил все годы своего гимназического учения. Приходили к нему и другие товарищи. Мы пили чай, спорили, и незаметно пролетали целые вечера. У него же на квартире мы задумали устроить спектакль, вознамерившись изучить и играть “Ревизора”. У него производились считки и репетиции. Для спектакля наняли недорогое помещение и принялись за изучение ролей, причем женские роли были поручены женоподобным мальчикам-гимназистам, близнецам Образцовым. Мне досталась роль Хлестакова. Вообще говоря, спектакль сошел сносно, не больше; но “Ревизора” мы, действительно, изучили основательно. Лучше всех был городничий, наш товарищ Григорий Сергеевич Холмов, <...>. Недурен был и Осип, которого изображал Протопопов. Лы[тки]н не играл, но принимал живое участие в спектакле, а может быть, и он исполнял какую-нибудь роль из уездных чиновников, не помню. На спектакле присутствовал и Власов; потом он зло раскритиковал исполнение и обругал нас за выбор пьесы: по его мнению, следовало выбрать какие-нибудь легонькие водевильчики» [Бунаков 1909, с. 22–23].

Прошли годы гимназической учебы, были сданы экзамены, настала пора прощаться с одноклассниками. Н. Ф. Бунаков вспоминал: «По окон-

чании выпускных экзаменов все товарищи сошлись на пирушку, устроенную складчиной, пили чай с ромом, а также скверное вино, толковали о будущем, кричали, пили, – и разошлись в разные концы города, а вскоре и разъехались в разные стороны» [Бунаков 1909, с. 20]. Г. С. Лыткин в своем калмыцком дневнике в 1858 г. записал о расставании с гимназией: «Сидя на палубе, беседовал с Макаровым, Павлом Кокшаровым (сыном устьысольского протопопа), Яковом Эдуардовичем Поппеном (сын устьысольского офицера водных сообщений), Максимилианом Георгиевским*. Все эти люди близкие мне; мне был постоянно самый большой почет от товарищей, начиная с поступления в гимназию, т. е. с 18 сентября 1848 года. В этот раз спешили все высказывать свои мысли обо мне, всех благодарил и дал слово быть постоянно таким же, каким был в гимназии и трудиться в пользу науки отечественной. Против этого обещания я еще до сих пор не переступал. Давно расстался с товарищами, но память о них все еще свежа [Труд преодолевает всё 2004].

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1854–1858)

После окончания гимназии в 1854 г. Г. С. Лыткин решил продолжить образование в Гельсингфорском (Хельсинки) университете, где изучались финно-угорские языки (к числу которых принадлежит и коми язык). Он рассчитывал на поддержку семьи. Но финансовые дела семьи складывались не самым лучшим образом. С 1850 г. тянулось судебное разбирательство по иску ярославских купцов Лопатиных, которым покойный С. И. Лыткин немало задолжал. Да и между братьями Лыткиными тоже шли раздоры из-за наследства. В конечном итоге решено было продать недвижимость: четыре дома с земельными участками и пустовавший участок для строительства в Усть-Сысольске, а также земельные участки близ города и в Кайтановской волости (Прилузье). Усадьба у р. Човью, в свое время купленная С. И. Лыткиным у Сухановых, была продана купцу Кузьбожеву (между прочим, события, произошедшие в этой усадьбе в июне 1918 г., дали старт «большевизации» уездной власти [Жеребцов, Таскаев 2001]). Лыткины перешли из купеческого сословия в мещанство [Сурина 2013, с. 9].

По дороге в Финляндию Г. С. Лыткин побывал в Москве, где общался с видным историком М. П. Погодиным [Погодин 1867, с. 139], и в Санкт-Петербурге, где встретился с членами Императорской Санкт-Петербургской академии наук А. Шёгреном и И. И. Срезневским (по словам М. И. П., «был радушно принят академиками»), вступил в переписку с Ф. И. Видеманом,

* Одноклассник Г. С. Лыткина М. Ф. Макаров, выпускник 1855 г. Павел Кокшаров, выпускник 1857 г. Яков Эдуардович Поппен, выпускник 1858 г. Максимилиан Георгиевский [Столетний юбилей... 1866].

жившим тогда в Ревеле (Таллин). Но до Гельсингфорса Г. С. Лыткин не добрался – будучи в столице, он получил известие, что его родные более не в силах помогать ему финансово [Погодин 1867, с. 139; Лыткин 1926, с. 12; Лыткин В., Демин, с. 353]. Жить и учиться в Финляндии без денежного подспорья из дома было бы невозможно. Г. С. Лыткин решил (возможно, по совету ученых, с которыми он общался) поступить в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет.

Вполне возможно, сыграл свою роль и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин, уже знакомый с ученическими сочинениями Г. С. Лыткина, в том числе, вероятно, и с его публикацией в журнале «Лучи». Следует иметь в виду, что «Лучи» и второй издававшийся А. О. Ишимовой детский журнал «Звездочка» предназначались «благородным воспитанницам институтов ее императорского величества» и финансировались императорской семьей, активно использовались в учебных заведениях, в популярной форме знакомя подрастающее поколение с историей и географией России и другими научными сведениями, литературой. Поэтому М. Н. Мусин-Пушкин с присущим ему стремлением держать под всеобъемлющим контролем вверенные ему учебные заведения, нравственность их воспитанников и содержание учебных процессов [Галиуллина 2009], надо полагать, просматривал и эти журналы, мог обратить внимание на публикацию «Зырянина» и поинтересоваться, кто скрывается под псевдонимом.

Как бы то ни было, в июле 1854 г. [Зоргенфрей 1927, с. 47] М. Н. Мусин-Пушкин определил: «Зачислить купеческого сына Г. Лыткина на I курс юридического факультета и разряда с 1 августа с. г., с тем, чтобы он выдержал приемные испытания по математике в декабре месяце 1854 г. Г. Лыткину немедленно представить деньги за слушание лекций в текущем сезоне» [Терюков 2011, с. 296]. До декабря 1854 г. Г. С. Лыткин учился на юридическом факультете*, одновременно посещая лекции на историко-филологическом факультете [Терюков 2011, с. 296; Погодин 1867, с. 139], преимущественно лекции И. И. Срезневского, историка литературы А. В. Никитенко, литературоведа М. И. Сухомлинова, специалиста по античной литературе Н. М. Благовещенского, историка-эллиниста М. С. Куторги, специалиста по всеобщей истории М. М. Стасюлевича, читал М. А. Кастрена, часто посещал Румянцевский музей и публичную библиотеку, «собирал повсюду сведения о зырянах, вотяках, вогулах и мордве,

* В некоторых публикациях говорится, что Г. С. Лыткин поступил на историко-филологический факультет [Лыткин В. 1926, с. 12; Зоргенфрей 1927, с. 47, Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 75; Лыткин В., Демин 1996, с. 353; Лимерова 2017] или на филологический факультет [Лыткин Георгий Степанович 2006, с. 131; Сангаджиева 2021а, с. 22].

вообще о северо-восточном крае европ[ейской] России» [Погодин 1867, с. 139], изучал карельский, мордовский, марийский языки [Лыткин В. 1926, с. 12; Туркин 1998, с. 243; Демин 1995б, с. 157–158], т. е. придерживался финно-угорского направления. Однако, познакомившись с трехтомным трудом немецкого и российского филолога О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (*«Über die Sprache der Jakuten»*) (Санкт-Петербург, 1848–1851 гг.), в котором автор, будущий академик Петербургской академии наук, впервые применил сравнительно-исторический метод к изучению тюркских языков, Г. С. Лыткин заинтересовался восточными языками и в декабре 1854 г. перешел на разряд восточной словесности историко-филологического факультета, слушал лекции востоковеда, историка, фольклориста А. О. Мухлинского по арабскому языку, стал изучать татарский, калмыцкий и некоторые другие языки [Погодин 1867, с. 140]. В это время уже было известно, что в следующем году на базе разряда восточной словесности и востоковедов Казанского университета в Санкт-Петербургском университете откроется факультет восточных языков (Николай I подписал указ об этом 22 октября (3 ноября) 1854 г.). Произошло это, вероятно, по инициативе М. Н. Мусина-Пушкина: он, руководя Казанским учебным округом, большое внимание уделял факультету восточных языков, на котором стали преподавать монгольский, китайский и другие языки [Галиуллина 2009].

Учась в университете, Г. С. Лыткин не оставлял литературного творчества. Предполагают, что наиболее активно он занимался стихосложением в 1854–1855 гг. [Лыткин В. 1926, с. 13; Доронин 1965, л. 83] (как уже говорилось, М. П. Погодин также сообщал, что именно в эти годы Г. С. Лыткин написал «много стихотворений на зырянском языке [Погодин 1867, с. 139]). Г. С. Лыткину первым из коми литераторов довелось увидеть свои произведения опубликованными: 17 марта 1855 г. в Петербурге в типографии И. И. Глазунова [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 76] в виде листовок (на отдельных листках) были напечатаны два его небольших стихотворения (каждое – на коми языке с авторским подстрочным переводом на русский), посвященные смерти императора Николая I («Коми бѳрдкыв Николай Мудрый кулѳм вылѳ» / «Зырянское слѳзное слово на смерть Николая Мудрого», написанное в форме народного причитания), и воцарению Александра II («Коми кыввор Александр Николаевич сарство пуксьѳм вылѳ» / «Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича», в основе которого также лежит мотив коми фольклора). Стихотворения были написаны в день смерти Николая I **18 февраля (2 марта) 1855 г. и подписаны «студент 1-го курса историко-филологического факультета разряда восточной словесности Георгий Лыткин»**. За эти сочинения автор «получил монаршую признательность» [Погодин 1867, с. 139].

Советские исследователи невысоко оценивали эти произведения [Доронин 1965, л. 83–85; Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 74]. Фольклорист А. К. Микушев в 1961 г. в соответствии с принятой тогда методологией писал об этих «фольклорных стилизациях»: «“Слово” – образец полнейшего искажения народного причитания, беззастенчивая попытка протащить в народной форме антинародные идеалы». «Автор в примечании указывал на будто бы фольклорное происхождение этих образов, но выхолащивал их смысл, подменял его идеями верноподданнической любви к государю-императору» [Микушев 1961, с. 11–12]. Но издание стихов на языке одного из нерусских народов (к тому же относительно немногочисленного) в столице империи было для того времени уникальным явлением. Кроме того, в 1855 г. в журнале «Лучи» были напечатаны (за подписью «И. С. Л. Зырянин») его очерки «Сухона» и «О Яренском девичьем училище» [Погодин 1867, с. 139; Зоргенфрей 1927, с. 47; Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 75; Лыткин В., Демин 1996, с. 353].

За обучение в университете надо было вносить плату. Деньги требовались и на жизнь в столице. Немного удавалось подзаработать на сочинениях, заданных богатым учащимся, ленившимся (или неспособным) писать их самостоятельно. Особенно тяжело пришлось в январе-августе 1855 г.: в течение этих восьми месяцев Г. С. Лыткин не мог платить за жилье, одежда изнасилась, не было денег на еду. Он через день ходил к знакомым, которые поили его чаем с булками; это и спасало от голодной смерти. (М. П. Погодин писал об этом так: «С января по август Лыткин не обедал ни одного раза; все время не платил за квартиру. Через день посещал товарищей, которые подчивали чаем с булками, чем поддерживал свое существование; одежда была в самом дурном состоянии» [Погодин 1867, с. 140]. Оплатить слушание лекций во втором семестре 1854–1855 академического года (25 рублей серебром) Г. С. Лыткин не смог и был отчислен из университета [Погодин 1867; Лыткин В. 1926, с. 13].

В этот период (13 августа 1855 г.) Г. С. Лыткин написал на коми языке весьма минорное стихотворение «Менам олан-вылан туйбй» («Дорога моего житья-бытья») [Плосков 1999, с. 79], известное также под названием «Олан-вылан туйбд» («Дорога житья-бытья») [Лыткин В. 1926, с. 13–14], «Ном» («Комар») или «Арся ном» («Осенний комар») [Ёгуш 1926]. М. П. Погодин в 1867 г. опубликовал сделанный Г. С. Лыткиным «буквальный перевод» этого стихотворения на русский язык под названием «Моя жизнь» [Погодин 1867, с. 141].

*Однажды вечером на дворе
Воздух былъ весьма прохладный –
В это время у окна
Сиделъ я грустно-печален.*

*Подул северный ветер, в мою комнату
Влетел, пел бедный комар,
Пел он, пел и в темноте
Скоро пропал его конец.
Не таково ли и житье-бытье,
Когда далеко от дому (родных) оторвешься
И один грустишь, тоскуешь, поешь.
И по земле тащишься совершенно жалкий.
Бог наверно, благословил жить,
Вперед идти, как только можешь;
Когда же счастье скажет: «остановиться»
Между людьми потеряешься, как комар.*

Авторы «Истории коми литературы» полагали, что в этом стихотворении «нашли отражение сомнения и колебания разночинца, не имеющего твердой жизненной позиции» [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 76]. Исследователь П. Г. Доронин в оставшейся неизданной работе о дореволюционной коми литературе рассудил намного проще, полагая, что образ комара, нашедшего свой конец в чужом ему помещении, был продиктован вполне конкретной неудачей Г. С. Лыткина – отчислением его из университета и, казалось, рухнувшими надеждами на научную карьеру [Доронин 1965, л. 85]. Литературовед В. А. Лимерова характеризует это произведение и написанное в то же время (4 августа 1855 г. [Плосков 1999, с. 79]) стихотворение «Сьбӧлм пессьбӧм» («Беспокойство сердца») как важнейшие образцы коми поэзии середины XIX в., свидетельствующие о ее переходе от устно-поэтической к литературно-элегической образности [Лимерова 2017]. На коми языке они были напечатаны в 1926 г.

За талантливого студента вступился М. Н. Мусин-Пушкин (не зря студенты Казанского университета вспоминали, что когда тот был попечителем Казанского учебного округа, то всегда заступался за них: «горой стоял за своих» [Андреев, Цыганков 2015, с. 91]). Он обратился в Усть-Сысольск, и городские власти прислали свидетельство «о несостоянии Лыткина вносить плату за слушание лекций». Г. С. Лыткина восстановили в университете, освободили от платы за обучение и дали возможность сдать экзамены за первый курс, после чего М. Н. Мусин-Пушкин даже назначил ему стипендию (семь рублей серебром в месяц) [Погодин 1867, с. 140; Лыткин 1926, с. 13]. Три с лишним года спустя, 2 сентября 1858 г., в Калмыкии Г. С. Лыткин записал в своем дневнике: «Бывали тяжкие опыты – благодарен им, перенес, не ропща»; несомненно, одним из этих «тяжких опытов» было отчисление из университета [Труд преодолевает всё 2004].

Летом 1855 г. Г. С. Лыткин ездил на родину, записывал коми фольклорные произведения. По дороге (возможно, вспомнив свое пребывание в Тотьме в 1852 г. и написанный об этом очерк – свою первую публикацию) он побывал в Тотьме у жившего там Н. Ф. Бунакова. Тот позднее вспоминал: «В Тотьме один раз, совершенно неожиданно, меня посетил мой товарищ по гимназии – зырянин Лыткин, тогда студент с.-петербургского университета. Он отправился на родину на летние каникулы, в свой Усть-Сысольск. Крытая лодка, на которой плыл он по Сухоне, остановилась в Тотьме на несколько часов, и Лыткин нашел мою квартиру. Мы протолковали с вечера до раннего утра. Его рассказы о Петербурге, об университете, о товарищах, о его работах и планах, оставили меня в самом возбужденном состоянии» [Бунаков 1909, с. 35].

27 августа (8 сентября) 1855 г. в Санкт-Петербургском университете торжественно открыли факультет восточных языков. Студенты бывшего разряда восточной словесности стали обучаться на одном из пяти разрядов нового факультета: арабско-персидско-турецко-татарском, монголо-калмыцком, китайско-манчжурском, грузино-армянском и арабско-еврейском. По словам М. П. Погодина, «открытие кафедр монголо-калмыцких обрадовало Лыткина до такой степени, что вызвало его на выражение мыслей и чувств в стихах на зырянском языке, которые в переводе на русский язык были одобрены министр[ом] народ[ного] просв[ещения] А. С. Норовым» [Погодин 1867, с. 142].

Г. С. Лыткин надеялся, что в учебную программу войдут и финно-угорские языки, но этого не произошло. М. П. Погодин писал: «Лыткину было одного жалко, что финские языки не вошли в программу; при открытии восточного факультета он думал, что с открытием кафедр восточных языков начнется дельное изучение языка, быта, истории и литературы иногородцев*, обитающих в России, что с ними начнется просвещение иногородцев; открытие кафедр с другою, политическою целью он не мог допустить. Как иногородец (зырянин) Лыткин сознавал необходимость новой лучшей нравственной жизни русских иногородцев, и полагал, что такова цель и правительства» [Погодин, с. 142].

Тогда он остановил свой выбор на монголо-калмыцком разряде, поскольку, во-первых, М. А. Кастрен и О. Н. Бётлингк писали о родстве монгольских и финно-угорских языков. Свою роль сыграли также «открытая физиономия, благородно и симпатично произнесенная» при открытии факультета речь профессора А. В. Попова, посвященная истории изучения восточных языков в России [Погодин 1867, с. 143–144]. На монголо-калмыцком разряде, кроме Г. С. Лыткина, учились еще четыре студента, все из Казани, уже довольно хорошо знавшие калмыцкий язык – а Г. С. Лыткин

* Так в тексте. Очевидно, имелись в виду «иногородцы», «инородец».

«слушал и ничего не понимал», поэтому первые месяцы охотнее сам по себе занимался не калмыцким и монгольским, а финно-угорскими языками – составлением словаря и грамматики мордовского языка («имея в руках только евангелие на мордовском языке» [Погодин 1867, с. 143]), а также дальнейшим сбором материалов о зырянах и пермяках (им задумана была статья для студенческого журнала) [Погодин 1867, с. 143].

М. Н. Мусин-Пушкин озаботился тем, чтобы увлечь учебой на новом факультете талантливых студентов (надо сказать, что он, несомненно, придавал большое значение наукам и подготовке будущих ученых; не случайно его избрали почетным членом Академии наук). Г. С. Лыткину как проявившему свои несомненные способности к наукам (и к восточным языкам, в частности) М. Н. Мусин-Пушкин в конце ноября 1855 г. предложил ежегодную стипендию (300 руб. серебром) с тем, чтобы он для пополнения базы знаний монгольских языков вернулся снова на 1-й курс, а после окончания университета в течение шести лет трудился в системе Министерства народного просвещения. При этом следовало бы всецело сосредоточиться на восточных языках, а про финно-угорские на время забыть. Г. С. Лыткин некоторое время раздумывал, но затем согласился – не без участия И. И. Срезневского, лекции которого – читавшиеся старшекурсникам – он посещал. М. П. Погодин описывает эту ситуацию так: «Лыткин был на лекции проф. Срезневского, читавшего студентам 4-го курса; явился на лекцию и г. попечитель. По окончании лекции г. попечитель подошел к Лыткину и спросил его: „ну что – согласен?“ Лыткин понял вопрос, но еще не решил и потому колебался. Г. Срезневский повторить вопрос г. попечителя, который и сам снова повторил. “Согласен”, вырвалось с языка. Попечитель ту же минуту приказал написать прошение и отдать г. инспектору для передачи ему. Все это было кончено в пять минут» [Погодин 1867, с. 143–144]. Можно считать, что именно тогда Г. С. Лыткин сделал выбор в пользу востоковедения. Как писал он 30 января 1859 г., «по открытии в 1855 году при нашем университете кафедры монголо-калмыцкой словесности изучение языка монголов и ойратов стало предметом моих занятий» [НАРК. Ф. 289. Д. 5. Л. 54–55].

Вместе с тем в течение первого года обучения на факультете восточных языков Г. С. Лыткин продолжал интересоваться финно-угорской тематикой, заниматься поэзией. В мае 1856 г. он отправился на родину, прибыв в Усть-Сысольск «за несколько дней до закладки церкви <...> во имя просветителя зырян Стефана великопермского» [Погодин 1867, с. 144], собирал фольклорные материалы, побывал в Кажиме, а на обратном пути в столицу посетил Вятскую и Нижегородскую губернии, где «собрал довольно много материалов» о коми, коми-пермяках, мордве, удмуртах, марийцах (фольклоре, языках). По словам М. П. Погодина, Г. С. Лыткин «убедился,

что пермяки – те же зыряне, и что отличие только в оттенках языка и быта, что зависит от местности и соседства», а вотяки (удмурты) от коми «удалились гораздо более» [Погодин 1867, с. 144]. Еще в Усть-Сысольске «неприятности домашние и болезнь брата подействовали неблагоприятно на его дух и здоровье», а в дороге (дело было в сентябре) он сильно простыл [Погодин 1867, с. 144]. В конечном итоге эта поездка закончилась полной катастрофой: в Нижнем Новгороде у Г. С. Лыткина похитили чемодан, в котором лежали почти все рукописи его литературных произведений, написанных в гимназии и университете, и многие фольклорные материалы; он жаловался в полицию, но безрезультатно [Лыткин В. 1926, с. 15; НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Доронин 1965, л. 83; Терюков 2011, с. 299; Демин 1995б, с. 158; Погодин 1867, с. 144]. В результате до нас, к сожалению, дошли очень немногие произведения Г. С. Лыткина. Кроме уже названных публикаций, известны стихотворения на коми языке «Кутш, каля, курӧг» («Орел, чайка и курица», 29 августа 1855 г.), «Войпом коми йӧзлы» («Хватит спать, коми люди» или «Униженным коми людям», ноябрь 1855 г.) [Лимерова 2017; Плосков 1999], «Буркыввор коми йӧзлӧн» («Голос зырян») и «Ыджыд вӧт» («Большой сон», 27 августа 1855 г.), известное также как «Вӧт кӧд» («Сон в руку»), рукописи которых сохранились в фонде И. И. Срезневского [Плосков 1999]. После катастрофы 1856 г. Г. С. Лыткин уже не занимался поэзией (кроме переводов на коми язык стихотворений А. С. Пушкина). С братьями он в дальнейшем отношений тоже практически не поддерживал, общался (переписывался) с матерью и сестрами. (Старшая сестра Анна была замужем и носила фамилию Забоева. Ее сын Алексей в 1858 г. учился в 3-м классе Архангельской гимназии (он переписывался с Г. С. Лыткиным, который отметил в калмыцком дневнике; «приятно было прочесть несколько слов по-зырянски, за что сказал спасибо»), а в 1858 г. родился еще один сын Александр. Младшая сестра Надежда вышла замуж за Алексея Семеновича Стенина [Труд преодолевает всё 2004]).

Масштаб дарования Г. С. Лыткина как писателя чрезвычайно трудно по достоинству оценить, учитывая утрату большей части его литературного наследия. Коми поэт, а в будущем – выдающийся финно-угровед В. И. Лыткин в газете «Югд туй» 26 февраля 1926 г. писал, что Г. С. Лыткин – «первый коми поэт, дедушка коми литературы, положивший основание коми литературному языку». В 1920-е гг. высоко оценивали значение Г. С. Лыткина в создании коми литературы профессор А. Н. Грен [Грен 1927] и краевед и журналист А. А. Чеусов [Чеусов 1924а, 1924б]. Ну, а о литературном критиканстве (правильнее было бы сказать – хулиганстве, а то и бандитизме) 1930-х гг. не стоит и упоминать [см. об этом: Жеребцов 2024].

Вернувшись осенью 1856 г. в Петербург, переживший тяжелую психологическую травму из-за утраты своих материалов Г. С. Лыткин тяжело заболел и смог вернуться к занятиям лишь в январе 1857 г., да и то не в полной мере: врач требовал больше находиться на воздухе, а не в аудиториях университета. Как писал М. П. Погодин, поскольку в Нижнем Новгороде «всё, что было дорогого для Лыткина, было потеряно», то «оставалось приняться исключительно за монгольский и калмыцкий языки», которыми он не занимался более полугода, с мая 1856 г. [Погодин 1867, с. 144]. Надо было наверстывать упущенное, и Г. С. Лыткину очень сильно помог профессор А. В. Попов, который читал некоторые лекции по монгольскому языку специально для одного Лыткина, многое ему объяснял и направлял размышления студента; «Лыткин видел в Попове личность почтенную, откровенную, сочувствие к стремлениям и желание способствовать изучению языка, истории и литературы монголов» [Погодин 1867, с. 144]. Их общение продолжилось и на следующем курсе (1857–1858 гг.), что немало способствовало обогащению лингвистических познаний Г. С. Лыткина. Багаж знаний вырос настолько, что для второго выпуска сборника студенческих научных работ (в первом, вышедшем осенью 1857 г., Г. С. Лыткин не участвовал, поскольку все его материалы, собранные для статьи, пропали в Нижнем Новгороде*) он написал статью «Дополнение к статье “Новое предприятие студентов восточного факультета”», изложив свое видение состояния исследованности монгольского и калмыцкого языков в России и методов изучения восточных языков (это был критический разбор статьи Ю. Богушевича «Новое предприятие студентов восточного факультета», опубликованную в первом студенческом сборнике) [Погодин 1867, с. 145].

На факультете восточных языков с самого его открытия работал в должности адъюнкт-профессора Константин Федорович Голстунский (1831–1899), приехавший в столицу империи из Казани, где он после окончания Казанского университета преподавал монгольский язык в 1-й гимназии (преподавание этого языка в гимназии, кстати, ввели при М. П. Мусине-Пушкине [Галиуллина 2009]). В Петербургском университете К. Ф. Голстунский преподавал монгольский и калмыцкий языки, работал над составлением русско-калмыцкого и калмыцко-русского словарей [Решетов 2001]. Этому человеку тоже довелось сыграть важную роль в жизни

* Между прочим, в «Студенческом сборнике» 1857 г. опубликована первая научная работа упоминавшегося выше выпускника Вологодской гимназии А. Н. Коркина «О наибольших и наименьших величинах». Он одновременно с Г. С. Лыткиным в 1854 г. поступил в столичный университет (на физико-математический факультет). За эту работу, написанную в 1856 г., его наградили золотой медалью, а в 1858 г. А. Н. Коркин окончил университет со степенью кандидата. Возможно, это навело Г. С. Лыткина на мысль пойти тем же путем.

Г. С. Лыткина. В 1856 г. он со студентом Енгальчевым [НАРК. Д. 5. Л. 40] ездил в кочевья Астраханской и Ставропольской губерний для ознакомления с языком калмыков. Во время этой командировки, по информации словаря Брокгауза и Ефрона, К. Ф. Голстунский «приобрел много калмыцких рукописей, собрал богатые материалы для изучения простонародной калмыцкой речи» [Голстунский, Константин Федорович 1993]. В более подробном варианте словаря есть примечательное дополнение: во время поездки К. Ф. Голстунский «открыл, что разговорный язык калмыков вовсе не тот, на котором написаны их книги» [Голстунский, Константин Федорович 1893]. Рукописи, поступившие в библиотеку восточного факультета в результате экспедиций К. Ф. Голстунского, составили отдельную и весьма ценную коллекцию [Успенский 2014, с. 145–146].

В КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ (1858–1861)

Первая экспедиция.

Для дальнейшей работы над словарем К. Ф. Голстунский был заинтересован в новых экспедициях в Калмыкию. Его интересы совпали с интересами Г. С. Лыткина, который, вернувшись в 1856 г. в Петербург, отдал все свои силы учебе и научной работе в области востоковедения. Однако, как самокритично заметил Г. С. Лыткин в начале 1859 г., поначалу «успехи не были удовлетворительны», и «желание доискаться исторического хода развития духовных сил ойратов в их слове, хранилище жизни народа <...> побудило меня и даровитого товарища моего А. Михайлова совершить поездку <...> в степи астраханские к приволжским ойратам, чтобы было сознательно и осязательно наше изучение языка ойратов, их быта, интересов жизни, верований и душ» [НАРК. Д. 5. Л. 55]. Вероятно, инициатива этой поездки принадлежала именно К. Ф. Голстунскому.

29 января 1858 г. (здесь и далее даты по старому стилю) студенты 3-го курса Георгий Лыткин и Александр Михайлов (оба – стипендиаты Министерства народного просвещения; А. Михайлов начал заниматься монгольским и калмыцким языками еще во время учебы в казанской гимназии) подали руководству факультета «покорнейшее прошение», в котором говорилось, что они, стипендиаты, «обязаны изучать языки восточных народов, вникнуть в народный дух, нравы, обычаи и самое их вероучение, чтобы, по окончании университетского образования, ...могли с знанием дела исполнять обязанности, которые Министерству благоугодно будет поручить им». Студенты считали, что «наступающим летом» было бы «полезным совершить поездку в калмыцкие степи для того, чтобы теоретические свои познания в калмыцком языке» проверить «на месте в живом говоре калмыков», а также «видеть на месте быт народа и разведать его задушевные

интересы» и вдобавок «поправить здоровье для будущих занятий» [НАРК. Д. 5. Л. 39–40]. Г. С. Лыткин и А. С. Михайлов как на прецедент ссылались на командировку студента Енгальчева 1856 г. и просили факультет «исходатайствовать» им «выдачу стипендий за четыре месяца вперед», «открытый лист для свободного путешествия по калмыцким улусам и казенную подорожную», дать инструкцию, по которой студенты «могли бы сосредоточить... внимание на изучении языка и быта калмыков» и «дозволить... сдать годовые экзамены не позже 25 апреля», чтобы студенты «могли прибыть на место к 10 мая и могли видеть празднества калмыков по случаю наступления весны и пробуждающуюся деятельную жизнь их в начале летних перекочевок» [НАРК. Д. 5. Л. 40].

Факультет прошение поддержал и сверх того ходатайствовал о выделении студентам пособия – по 50 руб. на человека (кроме того, Г. С. Лыткин и А. С. Михайлов взяли еще взаимнообразно по 50 руб., которые следовало вернуть; с этим долгом Г. С. Лыткин не расплатился даже весной 1859 г. [Погодин 1867, с. 148]). Совет университета 11 марта 1858 г. сделал соответствующее «представление» правлению университета, и 14 марта 1858 г. было принято решение допустить студентов к экзаменам до 25 апреля, выдать стипендии за май–август и пособия и командировать их «в калмыцкие степи с целью изучения практики калмыцкого языка» с 25 апреля по 1 сентября 1858 г. 21 марта 1858 г. ректор университета сообщил декану факультета о своем согласии с командировкой студентов [НАРК. Д. 5. Л. 1–2, 43]. 17 апреля 1858 г. «гг. студентам Лыткину и Михайлову, отправляющимся в калмыцкие степи», была вручена подготовленная днем раньше инструкция, согласно которой они «сперва должны ехать в Астрахань», «оттуда отправиться в летние кочевья Хошоутовских калмыков, расположенные недалеко от Замьянской станицы». «Все время своего пребывания в степях» Г. С. Лыткин и А. С. Михайлов обязаны были «пробыть в кочевьях этого улуса, где, при содействии князя Цэрэнджаба Тюменева*, могут иметь более средств к своим занятиям, разъезды же по улусам не могут принести пользы». А занятия должны были заключаться «в чтении народных произведений, как то: сказок, песен, в подслушивании народного говора и записывании фраз, взятых из живой речи народа, с объяснением значения слов, входящих в них». Студенты обязаны были «вести дневник,

* Подполковник князь Церен-Джаб Тюмень, командир 2-го полка Астраханского казачьего войска. Учился в Казани у профессора А. В. Попова, служил в Петербурге и Варшаве. [См. о нем: Гиляшаева 2007; Четырова 2014 и др.]. М. П. Погодин в 1860 г. написал о князе (со слов Г. С. Лыткина): «Он много заботится об улучшении быта своих подвластных; он завел поселение (до 40 домов), где калмыки начинают привыкать к оседлому хозяйству (об этом будут статьи Лыткина в Астр. Губ. Вед. нынешнего 1860 года)» [Погодин 1867, с. 149].

в который должны вписывать все, что только наглядным образом будет ими подмечено об образе жизни, нравах, обычаях и обрядах богослужения», а также «под руководством духовенства» заниматься «чтением буддийских и других сочинений, писанных языком книжным, которыми так богаты Хошоутовские калмыки». По возвращении студентам надлежало «представить в факультет свой дневник, собрание сказок, песен и записанных ими фраз» и «указать на сочинения, которые были ими там переводимы» [НАРК. Д. 5. Л. 45–46, 49].

Общее руководство экспедицией, вероятно, должен был осуществлять К. Ф. Голстунский, которому разрешалось «для пополнения составляемого им русско-калмыцкого словаря и грамматических заметок о составе живой калмыцкой речи и для других наблюдений отправиться в калмыцкие степи тотчас по окончании экзамена... его предмета» [НАРК. Д. 5. Л. 10]. Впрочем, руководство было, видимо, чисто номинальным, каждый участник экспедиции работал в значительной мере самостоятельно. По крайней мере, в своем дневнике* Г. С. Лыткин 21 июня 1858 г. записал: «Здесь Голстунский и Михайлов – цели и задачи у всех различные» [Труд преодолевает всё 2004].

Тем не менее, поскольку Г. С. Лыткин привык трудиться в одиночестве, самостоятельно, то необходимость как-то согласовывать общие планы исследований не доставляла ему удовольствия. В дневнике он записал: «Одна неприятность – я все-таки должен делать не всегда так, как хотелось бы. А причина очевидна: я стеснен тем, что занятия мои на виду моего товарища Михайлова. В занятии я не люблю товарищей, т. к. они стесняют мои планы. Когда я занимаюсь, чтобы все занимались тем, чем я, и все шло спокойно, в порядке. Если когда-нибудь мне случилось свершить путешествие с целью научной, я не взял бы товарища по занятию, тогда разъединили бы цель и достижение цели». «Мне веселее ходить одному пешком, думать, обдумывать свои поступки» (записи 21 июня). «Люблю быть один», «чувствую, что при людях невозможно предаться одной какой-то думе» (запись 12 июля) [Труд преодолевает всё 2004].

Впрочем, в том же дневнике Г. С. Лыткин отметил помощь, которую не раз оказывал ему К. Ф. Голстунский во время экспедиции: «Во многих самостоятельных случаях К. Ф. Голстунский помогал мне, разрешал мои недоумения, я весьма за то ему благодарен. Переписал с рукописи К. Ф. Голстунского калмыцкие песни». Об А. С. Михайлове Г. С. Лыткин в дневнике тоже отзывался вполне по-товарищески: «с А. С. Михайловым мы вспоминали о добрых Кукушкиных в Симбирске – я читал ему свои заметки

* Очевидно, кроме общего экспедиционного, Г. С. Лыткин вел и отдельный собственный дневник, в который записывал свои размышления не только о работе, но и различные личные впечатления и воспоминания.

о них... Симбирск на обоих оставил самое приятное впечатление... Михайлов способностями меня превосходит, но не умеет владеть ими, – я тоже не лишен способностей, но во мне нет живости восприятия» (запись 20 августа) [Труд преодолевает всё 2004].

В своем «донесении» (отчете) факультету Г. С. Лыткин позднее сообщал о работе в экспедиции: «Занятия мои начались записыванием фраз живого говора» [НАРК. Д. 5. Л. 61]. А в дневнике 21 июня 1858 г. он записал иначе: «Прежде всего я занимался чтением грамматики Бобровникова и Попова. Теперь пора начинать знакомиться с бытом калмыков и языком живым» [Труд преодолевает всё 2004]. (Преподававшего в Петербургском университете востоковеда А. В. Попова Г. С. Лыткин характеризовал в дневнике как «достопочтенного профессора», «знатока быта и языка калмыков», переводчика богослужебных книг, человека справедливого и откровенного, деятельного и энергичного. Востоковед А. А. Бобровников был последователем А. В. Попова, автором «Калмыцкой грамматики» [Труд преодолевает всё 2004]). Кроме названных грамматик, Г. С. Лыткин изучал и другие научные публикации различных ученых, касавшиеся калмыковедения (Н. Я. Бичурина, И. Э. Фишера, Г. Ф. Миллера, Я. И. Шмидта) [Лыткин Георгий Степанович 2006, с. 132]. Что касалось «живого говора», то 12 июля Г. С. Лыткин записал в дневнике: «А. С. Михайлов начинает смеяться разговорный язык, а я не могу ничего расслышать: у меня ухо ужасно крепкое или, пожалуй, слишком тонкое. Впрочем, по-русски я начал тогда говорить, когда уже знал письменный язык и знал значение всех слов, – даже в настоящее время случается, что я не понимаю, когда говорят по-русски слишком скоро и невнятно. Вероятно, мне придется вначале изучить литературный язык теоретически» [Труд преодолевает всё 2004].

Знакомство с бытом включало, в частности, «осмотр устройства кибиток-жилищ калмыков и вещей, находящихся в употреблении домашнем, наряды мужчин и женщин и пр.» [НАРК. Д. 5. Л. 61, 64]. Наблюдение за традиционными обрядами затруднила неприятность, приключившаяся с Г. С. Лыткиным во время непростого пути из столицы империи в Калмыкию: весьма близорукий с детства, в Казани он потерял очки. В результате, как отмечено в дневнике 13 июня, «на жертвованиях я ничего не мог увидеть: жалко, что нет очков, еще более жалко, что не помню, который номер были мои, которые я потерял». «Буду чаще навещать службу, чтобы узнать высшие их правила» [Труд преодолевает всё 2004].

Г. С. Лыткин писал о впечатлении, которое на него производила музыка, исполнявшаяся калмыками: «Любуясь картиною степи при закате солнца, я долго слушал музыку духовную. Эта музыка вблизи неприятна для уха русского человека, привыкшего к более округленным звукам и складу в целой массе звуков, которое одно целое. Здешняя музыка издали неприят-

но действует на ухо, но следя за каждым отдельным звуком (инструментов немного) ощущаешь тоску, как будто жизнь не дает ни одной приятности, но вся наполнена страданиями, воплем. Иногда звуки нежны, чисты, светлые, они как аршан освежают душу <...>. С окончанием последнего звука, не совсем гармонического, из-за степи на синеватом горизонте выплыла луна, которая золотистым светом своим старается поспорить с закатом» (запись в дневнике 14 июня) [Труд преодолевает всё 2004].

Г. С. Лыткин много работал со старинными текстами, прочитал несколько калмыцких и монгольских сочинений. «Сижу с пяти часов утра до восьми вечера за книгой», – записал он в дневнике 21 июня. Чтением дело не ограничивалось. 22 июня Г. С. Лыткин «начал письменно переводить Зая-Пандиту и окончил 30 июня черне» [Труд преодолевает всё 2004]. Вслед за «Биографией Зая-пандиты» Г. С. Лыткин за время экспедиции сделал черновые переводы «Биографии Зункавы», «Сказания о Хошоутовском роде» и «Сказания о походе Убаши-хунтайджия», прочел «Историю о гуннах и ваннах монгольских и туркестанских» (отметив в дневнике, что «нужно будет перевести с монгольского все книги Исторического обозрения Гуннов и Ванов Монгольских и Туркестанских» [Труд преодолевает всё 2004]), «Сиддиту кюр», «Засакин ном», «Джиру-кену толга», «Усун Дебискерту хана тууджи» [Лыткин Георгий Степанович 2006, с. 132]. В последующем именно на этом направлении исследований он сделает свои главные открытия.

Г. С. Лыткин и его коллеги по экспедиции неоднократно обсуждали и между собой, и в разговорах с княжеской семьей и другими собеседниками о перспективах просветительной деятельности среди калмыков. «Высказано было много пожеланий княгине, ее семье и калмыкам: <...> желали, чтобы между самими калмыками явились люди вполне образованные, что они, посредством своих трудов и защиты, могли дать народу новую жизнь, чтобы истина, справедливость и уважение к лицу и собственности каждого водворились между всеми. Желали княгине, чтобы сын их Манчжи (Церен Надмит), поступив в Пажеский корпус, не забывал свой родной язык и народа, в шуме другой, более роскошной жизни». Для себя Г. С. Лыткин записал: «Мне жалко, что Манчжи поступает в Пажеский корпус; оттуда редкие люди выходят полезные в жизни» (записи в дневнике 10 июля) [Труд преодолевает всё 2004].

Именно там, в Калмыкии летом 1858 г. Г. С. Лыткин уже на уровне гораздо более серьезном, нежели в гимназии четырьмя-пятью годами раньше, задумывается о значении просветительной деятельности среди нерусских народов, об ответственности образованных «инородцев» за работу со своими сородичами и конкретно о своей возможной роли в этом непростом деле. «Жалко, что между инородцами мало людей просвещенных; эти про-

свещенные инородцы все могли бы быть для своих земляков не хуже Банзарова», – записал он в дневнике 10 июля 1858 г. (Доржи Банзаров – первый бурятский ученый, получивший высшее образование европейского образца в Казанском университете, востоковед, автор серии монголоведческих трудов). Свою лепту в размышления о просвещении внес визит Г. С. Лыткина в Астраханское училище для калмыков. Это учебное заведение напомнило ему собственное детство: «Припомнились мне былые времена, когда я в Устьысольском уездном училище хотя с отвращением, но должен был так же запоминать уроки, не понимая значения русских слов», – писал он позднее [НАРК. Д. 5. Л. 59].

В роли Банзарова для калмыков Г. С. Лыткин рассматривал себя: «Я поставлю себе за правило сделать в жизни для калмыков и монголов: 1) различными переводами и статьями ознакомить русскую публику с ними и возбудить между русскими любознательность в отношении знания жизни, состояния инородцев; 2) приготовить на монгольском или калмыцком языке одно или два сочинения, которые могли бы служить настольной книгой в их жизни. <...> Какие-то результаты будут от этих книг для народа? Приготовлены ли они приносить их? Много мыслей один за другим рождались в голове: все они около одной темы – благо инородцев, которое будет составлять мою жизнь, мое удовольствие, цель всех моих стремлений. Быть может, я не в силах буду много сделать, – но все-таки и моя капля труда прибавит кое-что в эту огромную сокровищницу, требующей сотни добросовестных трудов» (запись в дневнике 10 июля) [Труд преодолевает всё 2004]. Позднее с этими же идеями Г. С. Лыткин вернется к давнему, еще, можно сказать, детско-юношескому замыслу просветительной работы среди коми-зырян. Но пока он сосредотачивается на калмыковедении и монголоведении, строит дальнейшие планы работы в этом направлении на длительную перспективу.

Дневник полнится записями об этом. «Теперь я снова начинаю оживать и жить той жизнью мысли и ожиданий в будущем, которая составляет цель моего существования. <...> Может быть, мой выбранный путь слишком фигурален, но, сколько я слежу за собой, он верен, хоть и слишком длинен. Коротким путем достигать как-то неловко в настоящем деле, непрочно» (запись 21 июня). «Следствие настоящей поездки должно стать основанием другой моей жизни, передо мною открывается давняя, поэтическая картина труда со всеми прелестями, отливами иной жизни духа, стремлением которой нет конца» (запись 7 июля). «По приезде в Петербург кроме истории монголов Санан-Сэцэна нужно будет перевести с монгольского все книги Исторического обозрения Гуннов и Ванов Монгольских и Туркестанских. На это будет употреблено время в сентябре и октябре» (запись 14 июля) [Труд преодолевает всё 2004].

Первым шагом к достижению своих целей Г. С. Лыткин видел получение золотой медали за студенческую научную работу на ежегодно проводившемся на факультете конкурсе. Он выбрал темой работы «Исторический очерк знаменитого в буддийской иерархии ламы Зая-пандиты с показанием его влияния на распространение буддизма между ойратами и ученых его заслуг для калмыцкой литературы». Именно поэтому Г. С. Лыткин начал изучение калмыцких сочинений с «Биографии Зая-пандиты», переводил без устали, «вставая постоянно в пять часов утра и без отдыха сидел над переводом до 8-9 часов вечера», а закончив перевод, записал в дневнике: «Гора с плеч свалилась» [Труд преодолевает всё 2004]. «Сидеть с утра до вечера и высидеть золотую медаль или болезнь. Если здоровье выдержит, медаль должна быть моя. Насчет исполнения диссертации не сомневаюсь», – гласит запись в дневнике от 14 июля (эта работа должна была стать и диссертацией) [Труд преодолевает всё 2004].

Финальным же аккордом карьеры должна была стать должность профессора. «Я думаю о своих трудах настоящих и будущих, и нахожу в себе достаточные силы для этого назначения. Я должен быть профессором монголо-калмыцкой кафедры и буду. Девиз мой будет «Труд преодолевает все», к тому же, слава богу, у меня есть довольно ума, рассудка, филологического такта и способностей. Зарывать их в яме – грех! Для осуществления этой мысли в том объеме, который себе задал, нужно совершить путешествие к монголам, бурятам, тунгусам, манчжурам. Изучив языки этих народов, видов их жизни на месте, я ближе продвинусь к своей душевной цели... Какие бы ни случились в жизни обстоятельства, но человек обязан задавать себе вопрос, который бы составлял цель его настоящего существования, как человека, как гражданина своего отечества. Скитаться и трудиться без цели – бесплодно и тяжело. Я вдали ясно вижу свою цель и стремлюсь к ней» (запись 13 августа) [Труд преодолевает всё 2004].

Заметим, что строя свои востоковедческие планы, Г. С. Лыткин не упускал из виду и финно-угроведение. «Монголы и финны начинают привлекать меня до такой степени, что скоро перейдет это внимание до страсти, и тогда прощай все прочее», – записал он в дневнике 15 июля 1858 г. «Если по каким-то причинам меня не отправят на Амур на 2–3 года, то постараюсь попасть в Гельсингфорс, чтобы там выслушать финские языки и стать профессором» (запись 13 августа) [Труд преодолевает всё 2004].

1 сентября 1858 г. срок экспедиции истек, и исследователи двинулись в обратный путь. 24 сентября они прибыли в Москву. «Наконец кончилась почти наша странническая жизнь, лишенная удовольствий в кругу образованных дам, около них всегда приятно, если они не лезут в синие чулки, но мило просто ведут беседу... При всем нехотении не могу не любить общество прекрасного пола. Вот причина, почему мне бывало страшно, груст-

но», – записал Г. С. Лыткин в своем дневнике. 25 сентября «выехали из Москвы на тяжелом поезде, а вечером 26 сентября я был уже в Петербурге, на квартире у А. А. Головкова, своего земляка – приятеля, который жил на набережной Малой Невы в доме Савина. Он встретил как доброго друга; я будто увидался со своим братом родным. Все неприятности поездки были позабыты. Я в Петербурге, я дома... Друзья тоже также рады мне» [Труд преодолевает всё 2004]. Так завершилась первая экспедиция Г. С. Лыткина к калмыкам. (Между прочим, в октябре того же 1858 г. князя Церен-Джаб Тюменя посетил знаменитый французский писатель Александр Дюма [Четырова 2014, с. 361–362], который, согласно сообщению жандармского полковника Сиверикова, «17 числа утром на казенном пароходе “Верблюды” в обществе военного губернатора и лиц, сиим последним приглашенных, отправился вверх по Волге в имение калмыцкого князя Тюменя, где провел 17 и 18 числа в осмотре быта калмыцкого народа, их народных плясок, разных увеселений и конских скачек, откуда возвратился в Астрахань на 19 число» [Буянов 1988, с. 11]).

В отчете об экспедиции 30 января 1859 г. Г. С. Лыткин писал: «Эта поездка обогатила мою любовь к знаниям; ныне передо мною начинает мало-помалу открываться духовная сторона жизни монголов и ойратов. Цель жизни моей определена – это безукоризненное служение науке» [НАРК. Д. 5. Л. 68]. 29 апреля 1858 г. руководство факультета сообщило студенту: «Факультет восточных языков, рассмотрев представленный Вами <...> отчет о Вашем путешествии по калмыцким стойбищам в 1858 г., <...> объявляет Вам, Милостивый Государь, свою признательность» [НАРК. Д. 5. Л. 50–51]. В выданном Г. С. Лыткину документе говорилось: «Изъявить... Георгию Лыткину признательность факультета за усердие и строгое исполнение возложенных на него обязанностей во время путешествия по калмыцким степям в 1858 году» [НАРК. Д. 5. Л. 52].

По возвращении из калмыцких степей Г. С. Лыткин долго болел, но всё же смог подготовил работу о Зая-Пандите. К ней автор выбрал такой эпиграф: «Историк должен допросить каждый народ, по возможности, на его родном языке. Языки и характеры народов происходят от одного и того же необъяснимого начала: тот не знает вполне народа, кто не понимает его языка». При подготовке исследования автор использовал 27 различных сочинений: по пять на калмыцком и монгольском языках и 17 на русском. Работа состояла из пяти глав: 1) Источники и критическая оценка их; 2) О распространении буддизма между монголами и ойратами; 3) Исторические очерки ойратов с половины XVI до половины XVII столетия; 4) Описание жизни и деятельность Зая-Пандиты по распространению буддизма между ойратами; 5) Ученые заслуги, оказанные Зая-Пандитою литературе ойратов. В работе имелось три приложения, в том числе генеалогические таблицы

монгольских и ойратских князей. 8 февраля 1859 г. Совет университета заслуженно присудил работе золотую медаль. Г. С. Лыткин защитил этот труд в качестве диссертации, став кандидатом Санкт-Петербургского университета разряда монголо-калмыцкой словесности [Погодин 1867, с. 146; Лыткин В. 1926, с. 16; Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 75; НАРК. Д. 5. Л. 24]. Между прочим, в последний год своей учебы в университете Г. С. Лыткин жил на одной квартире с будущим народником Л. Ф. Пантелеевым, уроженцем недалекого от Коми края Сольвычегодска, выпускника той же Вологодской гимназии. Л. Ф. Пантелеев, как и Г. С. Лыткин, поступил на юридический факультет, но, в отличие от Лыткина, прошел на этом факультете полный курс обучения. Л. Ф. Пантелеев вспоминал, что в то время «никакая политика Лыткина совсем не интересовала» [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 78].

Вторая экспедиция.

В 1859 г. срок обучения в университете у Г. С. Лыткина и А. С. Михайлова заканчивался. Но они еще во время прошлогодней поездки в Калмыкию решили попытаться продлить обучение. В дневнике Г. С. Лыткина 21 августа 1858 г. появилась такая запись: «Ночью мы с А. С. Михайловым до четырех часов лежали и говорили о будущем, <...> по окончании курса постараться остаться еще на один год при университете и войти в факультет с прошением: 1. выдать стипендию за полгода, 2. попросить казенную дорожную и рублей по 75 серебром 3. отправиться в земли Донских казаков, Ставропольскую губернию, оттуда в Большой Дörböt, Малый Дörböt и в другие улусы, остальные 2-3 недели провести в Хошоутовском улусе, а последний месяц рыться в архиве Палаты Государственных Имуществ <...>, впоследствии, если нам позволят ехать на казенный счет, странствовать к бурятам, монголам, уранхайдам, манчжурам, тунгусам» [Труд преодевает всё 2004].

К осуществлению этой идеи Г. С. Лыткин приступил 4 марта 1859 г., подав руководству факультета просьбу оставить его при университете еще на один год и командировать к калмыкам (аргументация о необходимости поездки была примерно та же, что и в 1858 г.) [Д. 5. Л. 72]. 23 мая 1859 г. было принято решение «разрешить... студента IV курса факультета Восточных языков, монгольско-калмыцкого разряда, стипендиата Министерства народного просвещения Георгия Лыткина, окончившего в сем году курс, оставить при университете стипендиатом Министерства еще на один год, т. е. до 1 июля 1860 года», «уволить его на этот год по окончании испытания, в калмыцкие стойбища для практического упражнения в калмыцком языке и изучения быта калмыков» [НАРК. Д. 5. Л. 15–16].

Сдав выпускные экзамены и получив степень кандидата, В. И. Лыткин отправился во вторую экспедицию, дабы (согласно полученной инструкции), по словам М. П. Погодина, «наблюдать над различными изменениями живой калмыцкой (ойратской) речи»; «исследовать наречия, в особенности торгоутовское и мало-дörböтовское»; «собрать народные поговорки, сказки, песни и проч. и перевести некоторые из них на русский язык»; «читать под руководством местного духовенства буддийские и др. сочинения, писанные книжным ойратским языком»; «составить каталог книг, какие в употреблении у приволжских ойратов», при этом «стараться проникнуть и в книгохранилища владельцев Хошоутовского и Мало-Дörböтовского улусов, также в книгохранилища хурулов Бага-Цохуровского и Йеке-Цохуровского»; «переписать далай-ламские буллы, хранящиеся в хуруле Мало-Дörböтовского улуса»; «рассмотреть в г. Астрахани архив калмыцкого управления до первого десятилетия нынешнего столетия и переписать письма калмыцких ханов и нойонов, включительно до князя Дондок Даши»; «приготовить и представить в факультет исторический очерк ханствования Гюки хана с показанием отношения его к русскому двору, к местным русским правителям и к китайскому двору и с определением его значения в войнах и дипломатических сношениях русского правительства с крымскими ханами и горскими народами»; «вести дневник со внесением в него всего замечательного, касающегося домашней жизни, нравов, обычаев и религиозных обрядов приволжских ойратов» [Погодин 1867, с. 146–147].

Получив 300 рублей стипендии, Г. С. Лыткин половину денег истратил на то, что закупил необходимую в экспедиции одежду, обувь, книги, карты, бумагу, карандаши и прочее снаряжение и... уплатил долги, оставшиеся у него с предыдущей поездки. Еще 100 руб., по словам М. П. Погодина, Г. С. Лыткин истратил «на поездку от Петербурга до Астрахани и жизнь в Астрахани», так что по приезду в степь у него оставалось всего-навсего 50 руб., чтобы жить там, оплачивать свою переписку, «необходимо встречающуюся в ученых занятиях» и, наконец, «дарить калмыков и калмычек, чтобы они могли быть снисходительнее к нему» в его просьбах о помощи и сотрудничестве [Погодин 1867, с. 148]. Этой суммы было недостаточно, и Г. С. Лыткин «должен был у частных людей, доверявших ему, взять взаимнообразно» около 200 руб. [Погодин 1867, с. 148].

Прибыв в ставку Церен-Джаб Тюменя (вскоре уехавшего по делам службы), Г. С. Лыткин попытался заняться изучением «живого говора калмыков», но, как и в прошлый приезд, потерпел неудачу: его «тугой слух» не улавливал очень быструю речь, да и запас разговорных слов был у него ограничен, а словарей калмыцкого языка не имелось. К тому же калмыки поначалу не особо желали общаться с малознакомым человеком. Поэтому Г. С. Лыткин оставил разговоры и принялся за изучение официальных бу-

маг на русском и калмыцком языках [Погодин 1867, с. 149–150]. На это ушли летние месяцы и большая часть сентября 1859 г. В августе 1859 г. Г. С. Лыткин опубликовал в двух номерах газеты «Астраханские губернские ведомости» свою работу «Исторический очерк письменности монголов и ойратов», в которой нашли отражение собранные им материалы [Лыткин 1859]. Кроме того, в первый месяц пребывания в Калмыкии, когда дела, видимо, из-за недоверия калмыков шли еще ни шатко ни валко, работа не спорилась, что, по обыкновению, навевало Лыткина на грустные мысли, раздумья о целесообразности своей работы и воспоминания о былых просветительских идеях просвещения зырян, он (в июле 1859 г.) направил директору училищ Вологодской губернии Латышеву записку о введении зырянского языка в Усть-Сысольском уездном училище, выразил также желание занять должность смотрителя этого училища и преподавать коми язык, но ответа не дождался [Погодин 1867, с. 156; Лыкин, Ванеев, Мартынов 1980, с. 78].

После того как в конце сентября 1859 г. князь Церен-Джаб Тюмень приехал в ставку и разрешил ученому пользоваться своим хранилищем рукописей, работа Г. С. Лыткина пошла более живо и организованно под руководством и при помощи зурхачи (астролога) Генден-гелюна и бурхачи (хранителя священных предметов) Лоузан-цюрюма. 24 сентября Г. С. Лыткин записал в дневнике: «Князь обещал мне прислать гелюна^{*}, к которому я могу ходить ежедневно и упражняться в разговорном языке; этот гелюн характером будет похож на меня – все сидит в кибитке и читает комы» [Труд преодолевает всё 2004].

Через год Г. С. Лыткин описал М. П. Погодину свой распорядок дня примерно так: в 9 утра он шел к зурхачи, читал там рукописи и «старался вычитанные фразы применять к разговорной речи»; в свою очередь, Г. С. Лыткин учил зурхачи и его ученика (шаби) русскому языку, а придя в свое жилище, переводил для него на калмыцкий разные сведения из газет. Затем Г. С. Лыткин до обеда учил русскому языку княжеского сына и «его приближенных мальчиков». После обеда к исследователю приходили служители князя, и Г. С. Лыткин записывал с их слов калмыцкие песни, словицы и др. Они также читали ему «Сказание о походе Убаши хунтайджия^{**}», помогали разбираться с текстом рукописей. Вечером Г. С. Лыткин читал рукописи при помощи бурхачи, которого тоже учил русскому языку, а после 8 вечера читал или переводил рукописи самостоятельно. Особое вни-

^{*} Гелюнг – калмыцкий священнослужитель.

^{**} Это произведение известно под названиями «Повесть о разгроме монголов дербен ойратами», «История Убаши хунтайджия и его войны с ойратами». «Историческая песнь о поражении халхаского Шолой Убаши авойсками Ойратского Четырехцарствия» [УИК, с. 137].

мание он обращал на рукописи исторического характера, содержавшие, в частности, и материалы для его исторических изысканий. С конца сентября 1859 г. до середины января 1860 г. Г. С. Лыткин прочел и записал краткое содержание примерно 30 рукописей, составив каталог. Кроме того, он зафиксировал более ста калмыцких песен, около сотни пословиц, полсотни загадок и три сказки. Работая над рукописями, Г. С. Лыткин пытался осваивать и разговорный язык, но дело шло с трудом [Погодин 1867, с. 150–151].

Говоря о наиболее важных результатах работы Г. С. Лыткина во время второй калмыцкой экспедиции, исследователи в первую очередь отмечают обнаруженные им в библиотеке Церен-Джаб Тюмения калмыцких хроник «Сказание о дербен ойратах» и «Краткая история калмыцких ханов» [Бадмаев 1967; 1979; Лыткин Георгий Степанович 2006]. Кроме того, в архивах отложились и другие собранные Г. С. Лыткиным материалы, представляющие существенный научный интерес [Авлиев 2017; Долеева 2023; Манджиева 2023; Курапов 2023 и др.].

В конце октября 1859 г. Г. С. Лыткин начал печатать в «Астраханских губернских ведомостях» «Сказание о Дербен-Ойратах, Койон-Батур, Убуши Тюмень» (завершилась публикация только в конце марта 1860 г. [Лыткин 1859–1860] и в том же году была издана в Астрахани отдельной брошюрой) [Лыткин 1860a]. Была у Г. С. Лыткина и еще одна публикация, другого характера. 22 ноября 1859 г. он записал в дневнике: «Читал “Русский мир”. Полгода я почти не читал газет: ныне они сколько доставили удовольствия. <...> Я был рад “Русскому миру”» [Труд преодолевает всё 2004]. Ученый написал в эту еженедельную общественно-политическую и литературную газету письмо сатирического характера. Газета опубликовала его в номере 41 без указания автора [Письмо в редакцию... 1859]. Хотя «занятий накопилось бездна», Г. С. Лыткин не оставлял и размышлений о просветительстве, отметив в дневнике: «Как хорошо было бы, если бы у нас в России были миссионеры – молодые люди, не отягощенные семейными узами – светские миссионеры, воспитанные в истинном духе христианства, <...> окончившие духовные академии и университеты» [Труд преодолевает всё 2004].

31 декабря 1859 г. Г. С. Лыткин записал в дневнике: «С 10 декабря хворал нравственным недугом с примесью телесных болезней старого времени почти до настоящего числа; недовольство собою, своим дурным воспитанием и наклонностями, своею обломовщиною, которая так страшно тяготит на мне». «Что бы ни делал хорошего, все-таки недостатки мои, мой эгоизм пробивается всюду – нельзя их уничтожить. Много в году было хороших мыслей, но много и дурных, навеянных разными обстоятельствами... Благодарю Бога за все доброе и молю, чтоб в будущем году оно было еще более мои деяния, еще плодотворнее» [Труд преодолевает всё 2004].

15 января 1860 г. Г. С. Лыткин отправил в Петербург обстоятельный отчет о проделанной в минувшем году работе, сообщив, «при каких внешних обстоятельствах» шли его труды, на что он «успел обратить преимущественное внимание при самостоятельном изучении языка, быта и истории приволжских ойратов и что еще осталось сделать», сделав неожиданное заключение: «Осталось сделать еще почти все, потому что я успел только-только приблизиться к своей задаче». Понимая, что намеченные большие планы не удастся осуществить до 1 июля 1860 г. (запланированного окончания экспедиции), Г. С. Лыткин подчеркнул, что его работа в 1859 г. заложила лишь основу для дальнейших исследований, и обратился к факультету с просьбой: «Это дает мне смелость обратить внимание фак[ульте]та восточн[ых] яз[ыков] на свое затруднительное положение и просить исходатайствовать продолжение срока моей командировки во 1 сентября будущего 1861 года» [Погодин 1867, с. 151].

Весной 1860 г. Г. С. Лыткин начал работу в астраханском архиве. В очередном отчете, подготовленном 2 апреля 1860 г., он сообщал в Петербург: «Я начал просматривать архив калмыцкого управления <...> и делать необходимые выписки, начиная с 1708 года (дел раньше этого времени нет в архиве)». Эти выписки, по его словам, «лучше всего могут прояснить отношения приволжских ойратских владетелей того времени между собою, к другим инородцам и к местным русским правителям». Работа шла медленно: «много времени убивается на выписки, которые, несмотря на всю мелочность, <...> будут весьма небесполезны»; к тому же пришлось приывать к особенностям письменности начала XVIII в. Г. С. Лыткин планировал работать в Астрахани до мая 1860 г., а затем поехать в Хошоутовский улус на праздник Улус-Сара», который, по имевшимся у ученого сведениям, «вполне сохраняет свой народный характер только в Хошоутовском улусе». Затем Г. С. Лыткин планировал ехать в Бага-Цохуровский улус, где будет ожидать ответа из университета. Он надеялся, что ему продлят экспедицию: «Если возвращаться, значит, — оставить свою мысль невыполненною, что было бы крайне больно» [Погодин 1867, с. 151–152]. В апреле «Астраханские губернские ведомости» начали публикацию подготовленной Г. С. Лыткиным «Истории калмыцких ханов», завершив печатание на исходе года [Лыткин 1860б]. В апреле — первой половине мая 1860 г. Г. С. Лыткин усердно работал в архиве, просмотрел 20 томов Полного собрания законов Российской империи с 1649 по 1783 г., дела калмыцкого управления до 1721 г., изучал различные указы воеводам и другую документацию, касающуюся Прикаспийского края. Эту работу он надеялся продолжить в ноябре 1860 г., а лето и осень провести в степях.

12 мая 1860 г. Г. С. Лыткин уехал из Астрахани, 26 мая наблюдал в Хошоутовском улусе празднество Улус-Сара, в том числе «народную борьбу,

ведущуюся со времен Чингис-Хана, который перед выступлением в поход в начале лета делал своим войскам смотр» [Погодин 1867, с. 153]. Там ученый получил неприятную весть, по его словам, поразившую его до глубины души: руководство факультета восточных языков уведомило его, что совет университета отказал в продлении Г. С. Лыткину стипендии на 6-й год, «так как это противно правилам Высочайше утвержденного положения» о факультете, по которому «студенты могут быть оставляемы только на пятый год» [Погодин, с. 153].

В начале июня 1860 г. Г. С. Лыткин из Бага-Цохуровского улуса отправил на факультет краткий отчет о своей работе и новое прошение: «Посвятив себя изучению языка, быта и истории ойратов и монголов, мне крайне горько и невыносимо тяжело было бы оставить свою душевную мысль невыполненной, так как она составляет уже цель моей жизни. Зная на опыте, как трудно выполнить эту мысль частному лицу без покровительства ученого учреждения и без средств», Г. С. Лыткин просил руководство факультета ходатайствовать об оставлении его в ведомстве университета «под ближайшим покровительством» факультета восточных языков, поскольку он, будучи стипендиатом Министерства народного просвещения, «обязан прослужить 6 лет в ведомстве этого министерства». Ученый просил продлить ему командировку в Калмыкию еще на год, до 1 июля 1861 г., и «снабдить необходимыми документами», а также, «если возможно, исходатайствовать достаточное для успешного хода занятий денежное пособие» (но Г. С. Лыткин был готов работать и без пособия) [Погодин 1867, с. 154].

Одновременно Г. С. Лыткин, продолжавший разрабатывать перспективные планы на будущее, направил докладную записку попечителю Санкт-Петербургского учебного округа И. Д. Делянову, где, в частности, написал: «Я еще не успел сделать и малой части того, что я должен был бы сделать по инструкции. <...> Удовлетворительное исполнение инструкции (для чего нужно еще год) может положительно приготовить меня к тому, чтобы впоследствии с успехом совершить путешествие по степям Монголии, Зюнгари и Кёкё-нора*, куда с целью изучения монголов и ойратов еще не были предпринимаемы путешествия» [Погодин 1867, с. 154]. 22 июня 1860 г. ученый находился в калмыцких степях [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 24].

В течение месяца Г. С. Лыткин ожидал ответы, которые должны были решить его судьбу, сильно переживал. М. П. Погодин писал, что летом 1860 г. здоровье Г. С. Лыткина от перенапряжения было «довольно расстроено: боль в груди весьма ощутительна» [Погодин 1867, с. 149]. В июле 1860 г. душевный кризис достиг своего пика и принял в известной степени

* Джунгария и Коконор (Цинхай) – территории на северо-западе Китая, между Монголией и Казахстаном.

разрушительный характер. Сам Г. С. Лыткин позднее сообщал М. П. Погодину: «Известий нет никаких; мною овладела невыносимая тоска: выехать из степей в Спб. нельзя, оставаться – глухая, безбрежная степь, наводящая уныние (примите во внимание, что я житель севера, дремучих лесов). В этом расстроенном состоянии я предал огню свои «дневные заметки» и другие под руку попавшие материалы: было ли это сделано с участием сознания разорвать связи с монголизмом и ойратизмом или с другою целью, не знал и не знаю хорошо»* [Погодин 1867, с. 154].

«Желая отдохнуть душою и развеяться от черных дум», Г. С. Лыткин в середине июля 1860 г. поехал верхом в Харахусо-Ердениевский улус. Верховая езда и перемена местности его немного успокоили, но ненадолго: вернувшись 26 июля в Бага-Цохуровский улус, и не обнаружив ожидавшегося извещения от факультета, ученый вновь впал в депрессию: «Молчание <...> пробудило во мне думы грустные, тяжелые... Можно ли дельно предаться занятию чем-нибудь, будучи беспокоен мыслями, расстроен? Откровенно скажу, что я не мог <...> свободно располагать временем и занятиями» [Погодин 1867, с. 155].

29 августа 1860 г. Г. С. Лыткин сообщил на факультет восточных языков о пережитом им кризисе. Позднее выяснилось, что И. Д. Делянов еще 10 августа направил ему письмо, которое Г. С. Лыткин получил только 27 сентября 1860 г., будучи в Мало-Дörбөтөвском улусе. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в своем «весьма внимательном», по словам Г. С. Лыткина, письме уведомлял адресата, что «он вошел к министру с представлением об оставлении меня при... университете еще на год, с продолжением возложенной командировки, о снабжении необходимыми документами и о пособии для успешного исполнения возлож[енной] командировки». «Я был рад и весел, как дитя»; «письмо оживило мой дух, расстроенный и приходивший уже в уныние», – писал Г. С. Лыткин М. П. Погодину [Погодин 1867, с. 155]. Два дня спустя, 29 сентября 1860 г., Г. С. Лыткин направил И. Д. Делянову письмо с благодарностью за поддержку, в котором, помимо прочего, сообщил и об уничтоженных им записях, а также о своих прошлогодних предложениях ввести в Усть-Сысольском училище зырянский язык.

Однако позитива хватило ненадолго. По ходатайству факультета восточных языков срок командировки Лыткина продлен на 1 год, считая с 1 июля 1860 г., «с увольнением его с того времени из числа стипендиатов Министерства народного просвещения» [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 27].

* Есть предположение, что Г. С. Лыткин уничтожил свои записи, опасаясь, что в них обнаружится его связь с членами тайного общества «Земля и воля» [ПК, с. 354], но с этим вряд ли можно согласиться, поскольку «Земля и воля» возникла позже, в 1861 г.

Из-за этого возникли денежные затруднения. Позднее Г. С. Лыткин писал, что со времени приезда в степи (в 1859 г.) он не получал ни копейки. Ему даже пришлось взять взаймы у астраханского губернатора 150 руб. [Погодин 1867, с. 157; НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 28]. Подвело и здоровье. «В октябре месяце ... 1860 года... мои занятия... были прерваны: живя в кибитке во время сильных осенних ветров, проникающих насквозь, и холодных ночей, ...я простудился – возобновилась лихорадка и невыносимая зубная боль; к тому же нравственное расстройство было так велико, что я опасался за свою жизнь. Выезд из степей спас меня», – позднее, 7 февраля 1861 г., сообщал Г. С. Лыткин на факультет [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 122]. Он уехал в Астрахань и «благодаря радушию и участию В. А. Бенземан, К. Я. Зазаревич (начальницы института)... мало помалу ожил и видимо поправился здоровьем», работал в губернском архиве [Погодин 1867, с. 155]. «Астраханские губернские ведомости» в ноябре напечатали его работу «Материалы для истории ойратов» [Лыткин 1860б], затем эта же работа была выпущена отдельной брошюрой [Лыткин 1860в]. Здоровье, правда, поправилось только физическое. Психологически же Г. С. Лыткин, очевидно, переживал надлом, терзался сомнениями, утрачивал интерес к исследовательской работе и всё больше обращался мыслями к идее просветительства, причем уже не среди калмыков, а среди зырян, причем с явной религиозной составляющей: ученый счел, что причины его «нравственной болезни», «нравственного расстройства» коренятся в отказе от высказанной еще в юности идеи нести свет православия зырянам на их родном языке.

В Астрахани ученый получил очередное письмо И. Д. Делянова от 23 октября 1860 г., который пытался успокоить Г. С. Лыткина, вдохновить его на продолжение востоковедческой работы: «Я не могу не изъявить искреннего сожаления об утрате полезных материалов, а равно и душевного желания, чтобы такое грустное настроение духа никогда более не возвращалось». Кроме того, смотритель Санкт-Петербургского учебного округа сообщил, что потребовал от директора училищ Вологодской губернии Латышева отзыв о предложениях Г. С. Лыткина, касавшихся введения в училище зырянского языка, и попросил сообщать ему и впредь все то, что Г. С. Лыткин полагал нужным делать для распространения просвещения между зырянами и для успехов образования в целом [Погодин 1867, с. 156–157]). Однако это письмо разочарованного исследователя не утешило. Обдумывая свое прошлое, Г. С. Лыткин отметил для себя факторы («неблагоприятные обстоятельства»), которые заставили его отойти от юношеского просветительского энтузиазма: расстройство домашнего хозяйства; поступление не в Гельсингфорский, а в Петербургский университет; изуче-

ние монгольского языка; обязательность стипендии Министерства народного просвещения.

К исходу 1860 г. кризис назрел. 31 декабря 1860 г. Г. С. Лыткин написал И. Д. Делянову докладную, в которой писал: «1 ½ года пробывши в калмыцких степях и в Астрахани и испытавши себя, свои силы, я убедился, что я не на месте, что теряю время напрасно, без существенной пользы. Неопределенность и крайность настоящего положения, сознание того, что я отдалился от своих земляков-зырян, тяготит меня, я нравственно болен. Как хороша бы ни была предстоящая мне ученая карьера, но она меня в настоящем положении не занимает, меня тревожит то, что я не на родине, что не приношу никакой пользы своим землякам-зырянам, которым нужно слово евангельское, слово истины на живом, родном наречии, что передать им это слово нравственно лежит на моей обязанности: православное богослужение и евангелие ныне есть на монгольском и якутском языках, а на зырянском нет, исключая евангелие от Матфея». «При настоящих заботах нашего правительства о народном просвещении я не могу иначе считать себя, как преступником перед своими земляками-зырянами, так отделившись от них, от первоначальной своей цели просвещения зырян, которая, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, <...> никогда не затмевалась» [Погодин 1867, с. 155–156].

Г.С.Лыткин заявил, что не может больше оставаться в Астрахани и Калмыкии и «без существенной пользы тратить дорогое время, тем более потому, что семейный долг вызывает меня на родину». Ученый просил при возможности извинить его «от настоящего бесплодного путешествия и возвратить ... на родину, к ... землякам-зырянам», в училище, где он «получил первоначальное образование». «Должность смотрителя Усть-Сысольского уездного училища есть цель моих желаний: будучи на этой должности, я имел бы также возможность... преподавать зырянский язык в училищах г. Усть-Сысольска и... следить за сельскими училищами Усть-Сысольского уезда, находящимися в ведомстве Министерства государственных имуществ», – писал Г. С. Лыткин [Погодин 1867, с. 157].

В начале 1861 г. Г. С. Лыткин жил в Астрахани и, по его словам, со дня на день ждал, что скажут попечитель и университет; рвался на родину, а также горевал и думал, как бы уплатить долги (около 600 рублей серебром), которые «наделал с тех пор, когда увлекся монголизмом и путешествием в калмыцкие степи» [Погодин 1867, с. 158]. В феврале-июле 1861 г. он печатал в «Астраханских губернских ведомостях» работу «Материалы для истории ойратов и их письменности» [Лыткин 1861]. В мае 1861 г. в Астрахань приехал М. И. Погодин. Его, в частности, интересовали «кочующие около этого города калмыки, прямые потомки <...> некогда грозных для России монголов» [Погодин 1867, с. 127]. Поэтому он с большим ин-

тересом второй раз встретился с Г. С. Лыткиным, завершавшим свою вторую экспедицию в Калмыцкие степи. М. И. Погодин писал: «Меня посетил г. Лыткин, кандидат с.-петербургского университета, приехавший сюда для филологических исследований, бывший у меня несколько лет тому назад в Москве. Он полюбил от души это дикое племя, познакомился коротко с его достоинствами и недостатками, с его нуждами и желаниями. Беседа его доставила мне истинное удовольствие. Я пожелал познакомиться поближе со всеми обстоятельствами его жизни, и из материалов, им доставленных, составила следующая любопытная статья, которую я включаю в свои дорожные записки: может быть, она будет содействовать г. Лыткину получить желаемые им средства» [Погодин 1867, с. 134]. (Вероятно, именно из очерка М. И. Погодина почерпнул часть информации о биографии Г. С. Лыткина коми финно-угровед В. И. Лыткин, еще в начале своей творческой карьеры (в 1926 г.) выпустивший книгу «Коми гижысьяс» («Коми писатели») [Лыткин В. 1926]).

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1861–1907)

После 1 июля 1861 г., когда срок командирования закончился, Г. С. Лыткин вернулся в Петербург, причем, как писал в своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев, «совершенно охладевший к своей прежней специальности» [Пантелеев 2015, с. 518]. Г. С. Лыткин доложил о результатах экспедиции, получивших высокую оценку ученых. Его приглашали читать курс калмыцкого языка в университете; это предлагал, в частности, профессор А. В. Попов, и даже И. Д. Делянов уговаривал согласиться [Зоргенфрей 1927; с. 48; Лыткин В., Демин 1996, с. 354–355; Терюков 2011, с. 297]. Но Г. С. Лыткин отказался, поскольку рассчитывал получить место в Коми крае: Министерство народного просвещения, рассмотрев упоминавшиеся выше предложения Г. С. Лыткина, подготовленные еще в июле 1859 г., подготовило проект об организации инспекции зырянских и пермских школ Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний [Зоргенфрей 1927, с. 48]. Г. С. Лыткин впоследствии (в 1870-х гг.) писал академику И. И. Срезневскому, что собирался «поработать на родине, где обещал... тогдашний министр народного просвещения устроить для меня особую инспекцию» [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 78].

Свою роль сыграла и общественно-политическая ситуация, отнюдь не обещавшая спокойной преподавательской работы в университете. Приехав в столицу, Г. С. Лыткин застал там бурные события. Летом 1861 г. российские власти начали проведение реформы университетского образования. Были запрещены студенческие организации, уменьшено количество студентов, освобождавшихся от платы за обучение, введен надзор за строгим

посещением занятий и соблюдением порядка; нарушителей дисциплины могли исключить из университета. За благонадежностью профессорско-преподавательского состава также надлежало установить контроль. Вернувшиеся с каникул студенты встретили реформу в штыки, организовали манифестации и демонстрации. «Едва университет был открыт, как сейчас же сформировался негласный студенческий комитет, который и решил вести самую энергическую борьбу против новых правил. Несмотря на то, что члены его один за другим подвергались аресту, он, однако, постоянно обновляясь, просуществовал целый месяц», – вспоминал Л. Ф. Пантелеев [Пантелеев 2015, с. 234–235].

Г. С. Лыткин, по словам Л. Ф. Пантелеева, вернулся из Калмыкии «в самый разгар студенческой истории 1861 года» и, несмотря на свою былую аполитичность, «сильно увлекся тогдашним движением, стал горячим поклонником Н. Чернышевского» [Пантелеев 2015, с. 518]. То, что он уже не был студентом (и мог стать университетским преподавателем), но поддерживал студенческое движение, не должно удивлять. Многие профессора, особенно молодые, симпатизировали студентам, солидаризировались с ними; согласно Л. Ф. Пантелееву, «огромное большинство профессорской коллегии под руководством Кавелина стало в решительную оппозицию» правительственным мероприятиям [Пантелеев 2015, с. 179]. Для разгона студенческих выступлений использовались не только жандармы, но также пожарные и воинские части. 14 октября 1861 г. около 200 студентов (в том числе Л. Ф. Пантелеева) арестовали возле университета и до 6 декабря держали под арестом. Остальные в знак протеста «не ходили на лекции, и пустой университет пришлось закрыть» [Пантелеев 2015, с. 236–237, 279].

В этой обстановке 2 декабря 1861 г. факультет рассмотрел прошение Лыткина о месте смотрителя усть-сысольского училища. 18 декабря 1861 г. деканат отправил прошение в совет университета [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 134]. А. И. Терюков сообщает, что в личном деле Г. С. Лыткина есть обращение декана в Совет университета «об исходатайствовании Г. Лыткину места штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ, что было бы полезно для образования тамошнего края, заселенного зырянами, так как Г. Лыткин сам происходит из зырян и получил университетское образование» с пометкой о принятом решении: «просить Попечителя С-Петербургского учебного округа об определении Г. Лыткина на должность штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ» [Терюков 2011, с. 297–298].

Позднее, 19 декабря 1902 г., обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев в письме управляющему Министерству народного просвещения сообщал, что Г. С. Лыткин согласно своему прошению «уволен был в рас-

поряжение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, а 1 апреля 1862 г. зачислен был в число кандидатов-педагогов» [«Короткое» дело...]. Через день Санкт-Петербургский университет был временно закрыт, многих студентов отчислили из университета, несколько человек отправили в ссылку. Ряд университетских преподавателей в знак протеста вышли в отставку; согласись Г. С. Лыткин ранее на место преподавателя, он (учитывая его настроения, о которых свидетельствовал Л. Ф. Пантелеев), вполне мог бы быть в их числе. Через некоторое время восточный факультет (поскольку он был единственным в России) возобновил работу (открытие остальных происходило гораздо позже, с осени 1862 до осени 1863 г.).

В 1862 г. Л. Ф. Пантелеев привлек Г. С. Лыткина к сотрудничеству с тайной революционной организацией «Земля и воля», к которой сам присоединился весной 1862 г. по предложению своего товарища Н. И. Утина. В организацию их приняли А. А. Слепцов и Н. Рымаренко, входившие в число организаторов и руководителей (членов исполнительного комитета) «Земли и воли». Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «Мы были посвящены в некоторые детали организации; помнится, все дело сводилось на целую иерархию пятерок». Выяснилось, что «Земля и воля» «находится еще в первом, подготовительном периоде развития; впрочем, во всех крупных центрах уже началась группировка». «В заключение нам был предложен вопрос: желаем ли мы вступить в организацию? Мы не колеблясь выразили свое согласие» [Пантелеев 2015, с. 283–284]. О дальнейшем сотрудничестве с руководителями «Земли и воли» (как, впрочем, и о собственной подпольной деятельности) Л. Ф. Пантелеев рассказывал с некоторой иронией. Летом 1862 г. появилась необходимость установить с исполкомом связь, «однако поиски комитета оказались совершенно безуспешными. Тогда мы с Утиным решили: есть ли комитет, нет ли <...> – сформировать свой конспиративный кружок» [Пантелеев 2015, с. 301–302].

Затем участники кружка решили заняться политической агитацией, и на этом этапе к деятельности революционеров был привлечен Г. С. Лыткин, незадолго до этого женившийся. Л. Ф. Пантелеев рассказывал: собрались «выпустить прокламацию. Сочинить ее нетрудно, а как отпечатать? Был конец лета, за недорогую цену наняли дачу, там поселили одно рекомендованное мною молодое супружество», «Ю. С. Лыткина (воложжанина по гимназии); кончил университет по восточному факультету, был учителем географии» [Пантелеев 2015, с. 302]. «Из кружка Судакевича и Островского взяты были рабочие силы, а шрифты и все прочее любезно доставил молодой и популярный издатель О. И. Бакст, имевший свою типографию» [Пантелеев 2015, с. 302]. По предложению Л. Ф. Пантелеева Н. И. Утин «живо сочинил» прокламацию «К образованным классам», в которой говорилось, «как позорно поддалось панике наше образованное общество, что

последствием этого была лишь дикая реакция, что собственные интересы образованных классов громко говорят за то, что они должны выступить на дорогу энергичной борьбы с правительством; не послушают они этого последнего предостережения – им грозит гнев народный, и т. д.» [Пантелеев 2015, с. 303]. «По некотором времени прокламация была чистенько отпечатана на почтовой бумаге» на даче, где временно обитали Лыткины, «и по возможности распространена. Она, однако, не произвела сколько-нибудь заметного эффекта; молодежь находила ее бледною». Однако Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «Несмотря на то, что прокламация прошла незамеченною, мы, то есть кружок, были очень довольны: дело делается совсем не так хитро, как это могло казаться» [Пантелеев 2015, с. 303].

Затем на той же тайной типографии у Лытких Н. И. Утин и Л. Ф. Пантелеев решили организовать выпуск журнала – «своего рода периодического издания как органа “Земли и воли”» и под редакцией Н. И. Утина «выпустили первый номер под заголовком “Свобода”», «собственно, небольшой листок», который, однако, оказался «несравненно удачнее, чем «К образованным классам», и был замечен» [Пантелеев 2015, с. 303, 306]. Через некоторое время, по словам Л. Ф. Пантелеева, они «выпустили № 2 «Земли и воли», уж не помню какого содержания» [Пантелеев 2015, с. 310]. Собственно, на этом участие Г. С. Лыткина в деятельности «Земли и воли», видимо, и завершилось. Больше ни о каких изданиях подпольной типографии Л. Ф. Пантелеев не сообщает. Дачный сезон закончился, дачу, вероятно, освободили, оборудование вывезли. Н. И. Утин (вошедший в Центральный комитет «Земли и воли») в 1863 г. вынужден был бежать за границу, а работа подпольщиков постепенно заглохла. «Лето 1863 г. прошло без всякой сколько-нибудь заметной деятельности “Земли и воли” в Петербурге; а что делалось в провинции, мы почти не знали», – вспоминал Л. Ф. Пантелеев [Пантелеев 2015, с. 319]. В конце концов, петербургские землевольцы на своем заседании представили «такую живую картину печального положения дел “Земли и воли” в провинции, что решение о закрытии “Земли и воли” было принято без больших возражений» [Пантелеев 2015, с. 319]. Вот, собственно, и всё, что кроется за сказанными вскользь словами Л. Ф. Пантелеева о Г. С. Лыткине: «Через некоторое время вступил в общество “Земля и воля”, у него на квартире была даже устроена тайная типография» [Пантелеев 2015, с. 518]. В 1864 г. Л. Ф. Пантелеева отправили в ссылку в Сибирь, и с Г. С. Лыткиным он контактов, вероятно, больше не поддерживал, высказав в своих воспоминаниях такое суждение: «Должно быть, в начале 70-х гг. Лыткин совсем отошел от прогрессивных кругов; все время преподавал географию в петербургских гимназиях и корпусах» [Пантелеев 2015, с. 518].

Для Г. С. Лыткина между тем тянулись годы ожидания. В упоминавшемся письме И. И. Срезневскому он с горечью вспоминал: «Я ждал, наступила реакция – дело заглохло; 3 года в ожидании чего-либо благоприятного для дела пробыл в звании кандидата-педагога» [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 78–79]. На протяжении трех этих лет Г. С. Лыткин, по словам К. П. Победоносцева, «занимался изучением истории и географии» [«Короткое» дело...]. Г. Г. Зоргенфрей, директор 6-й гимназии Петербурга, рассказывал, что тот с 1862 до 1 августа 1865 г. «усиленно» изучал историю и географию под руководством профессора М. С. Куторги, а методику преподавания – под руководством директора И. О. Кнорринга [Зоргенфрей 1927, с. 48]. В 1862 г. в газете «Волга» вышли три последние востоковедческие публикации Г. С. Лыткина [Лыткин 1862а; Лыткин 1862б; Лыткин 1962в].

В конце концов стало ясно, что проект с инспекцией зырянских школ, которого так ждал Г. С. Лыткин, не будет реализован. Одной из причин этого, как полагают исследователи [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 79; Терюков 2011, с. 298], стали контакты Г. С. Лыткина с Л. Ф. Пантелеевым и его будущей женой С. В. Латкиной (1846–1918), дочерью коми купца В. Н. Латкина, российской феминисткой [Пантелеев 1915, с. 195; Труд преодолевает всё 2004].

Делать было нечего: нужны были средства к существованию, идти в университет уже не уговаривают, и Г. С. Лыткин 1 августа 1865 г. устраивается на преподавательскую работу сверхштатным преподавателем истории и географии в Ларинскую гимназию – 4-ю мужскую гимназию Санкт-Петербурга*, открытую в 1836 г. по инициативе министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Гимназия была устроена на пожертвованные купцом П. Д. Лариным средства, находившиеся в распоряжении министерства, и названа в его честь. В период работы в гимназии Г. С. Лыткина ею руководил российский педагог И. Ф. Кнорринг. Г. С. Лыткин работал в этой гимназии в 1865–1869 гг. С 8 августа 1869 г. он преподавал историю в 6-й Петербургской мужской гимназии с филологическим уклоном, открытой в 1862 г., вначале также сверхштатно. Директором гимназии являлся И. Ф. Сидонский, склонный, по оценке современников, к мелочной регламентации труда преподавателей, не имевших возможности проявить свою индивидуальность.

В 1871 г. гимназию возглавил Е. Х. Рихтер. В гимназии открылись подготовительный и VIII классы, усилилось преподавание некоторых предметов, в том числе древних языков, появились новые вакансии для преподавателей, что благоприятно отразилось на положении Г. С. Лыткина. Как

* В работе А. И. Терюкова цитируется документ, где Ларинской именуется 6-я гимназия, но это не так [Терюков 2011, с. 297].

сообщал в 1902 г. обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев, Г. С. Лыткин «в 1871 г., когда открылась при этой гимназии вакансия, назначается преподавателем истории и географии при параллельных классах <...> и занимает его поныне, более 30 лет. Прекрасно зная преподаваемые предметы, Лыткин издал географические и исторические таблицы, давшие ясное представление о составе учебников по истории и географии» (в 1874–1876 гг.) и «Учебник общей географии», в 1880–1890-х гг. выдержавший несколько изданий [Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии..., с. 51; Историческая записка..., с. 147; Зоргенфрей 1927, с. 48; «Короткое» дело...; Терюков 2011, с. 297]. В середине 1880-х гг. в 6-й гимназии в одном классе учились будущий адмирал и лидер Белого движения А. В. Колчак и будущий большевик и глава ОГПУ В. Р. Менжинский [Владимиров]. Возможно, историю им преподавал Г. С. Лыткин.

При Г. С. Лыткине сменилось семь директоров гимназии. Один из них, Я. Г. Мор, руководивший гимназией с начала 1896 до начала 1906 г., 2 мая 1902 г. сообщал о штатном преподавателе истории и географии статском советнике Г. С. Лыткине: «Свидетельствую <...> об отличном усердии, ревности и полезности службы преподавателя Лыткина, а также о том, что он еще действительно в силах и впредь продолжить успешно свою педагогическую деятельность» [Терюков 2011, с. 298]. Последним директором гимназии был назначенный в 1906 г. Густав Густавович Зоргенфрей, опубликовавший позднее в «Коми му» свои воспоминания о Г. С. Лыткине [Зоргенфрей 1927]. Он, в частности, сообщил, что Г. С. Лыткин также преподавал в женской гимназии Стависской, где некоторое время являлся председателем педагогического совета, в Морском училище, Константиновском военном училище, Первой военной гимназии и др. [Зоргенфрей 1927, с. 48]. Г. Зоргенфрей вспоминал: «Я работал с Г. С. в б[ывшей] шестой гимназии, где он с неутомимой энергией преподавал историю и географию. Щепетильно строгий к себе, добросовестный в исполнении своих обязанностей, он к питомцам своим являл серьезные требования и за то имел нравственное удовлетворение видеть некоторых из своих учеников занимающими кафедры истории в наших высших расадниках просвещения. Без школы, без своих уроков он жить не мог и больной, до последних дней своей жизни, несмотря на просьбы родных и сослуживцев поберечь себя, приходил он к своим ученикам и, трудом передвигая ногами, буквально держась за стену, брел в свой класс. Это был настоящий благородный просвещенец» [Зоргенфрей 1927, с. 49]. У Г. С. Лыткина было две дочери и приемный сын [Терюков 2011, с. 299]. Скончался ученый 4 апреля (22 марта по старому стилю) 1907 г., похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

ВКЛАД Г. С. ЛЫТКИНА В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Подлинным делом жизни Г. С. Лыткина было изучение родного языка, фольклора, истории Коми края, составление переводов религиозной и художественной литературы на коми язык, всевозможное содействие в развитии коми письменной культуры и образования.

Необходимо кратко перечислить те сферы деятельности, в которых Г. С. Лыткин проявил себя в области коми филологии: переводы на коми язык, поэтическое творчество, составление учебников коми языка, изучение родного языка, составление грамматики и русско-коми словаря, попытка создания литературного языка. Далее кратко осветим суть просветительской деятельности ученого, более подробно раскрывая результаты в области изучения родного коми языка.

Г. С. Лыткин стремился как можно шире распространить коми язык в общественной жизни, однако в условиях царской России легальных возможностей для этого было крайне мало: в провинциальном Усть-Сысольске не было ни одной редакции газет, в столице большой империи светская литература на нерусских языках страны не выходила. Исключением явилась лишь возможность издавать переводную религиозную литературу, против чего Православная Церковь не выступала. Как сам, искренне верующий человек, ученый приложил максимум усилий в этом направлении. Так, из печати вышли в его переводе такие работы, как четыре Евангелия из Нового завета, «Деяния святых», «Псалтырь», «Литургия Златоуста». Например, в 1882 г. отдельным изданием в типографии Российской академии наук был напечатан новый перевод Евангелия от Матфея. Приведем текст с титульной страницы: «Мијан Господьлѳн Јісус Крїстослѳн Вежа Бурјуѳр Матвејсянь. Комі кыл вылѳ вылысь пуктыс Г. С. Лыткін. СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ НА КОМИ-ЗЫРЯНСКОМ ЯЗЫКЕ. ПІТІР. 1882.» Кроме того, Г. С. Лыткин переводил сказки и иные небольшие по объему тексты с русского языка на коми для детского чтения и наоборот, с коми на русский. Ученый в этом отношении претендовал на создание нормированного литературного языка, о чем сам и сообщает: «Моими переводами, можно сказать, кладется основание литературной обработке зырянского языка» [Лыткин 1889, с. VIII].

В области художественного слова Ёгуш писал стихотворения, в основном в молодые годы во время учебы в Санкт-Петербургском университете. Известно около 10 названий произведений, из которых наиболее известны четыре. Основной мотив их – ностальгия по малой родине, грусть, меланхолия, мятущаяся душа молодого человека. Есть также два произведения официального плана: плач по поводу кончины царя Николая и слово-прославление от коми народа по поводу вступления Александра на

царствование. Подробнее о художественном творчестве ученого см. отдельный раздел в научно-популярной книге [Плосков, Цыпанов 2002, с. 74–83]. Коми литературоведы не считают поэзию Г. С. Лыткина значительным явлением, хотя и высоко оценивают само стремление писать на коми языке в XIX в., считая автора одним из первых коми поэтов.

Г. С. Лыткин претерпел сильный стресс в начале школьного обучения из-за того, что не владеющего русским языком стали изначально учить по-русски. Эта психическая травма не забывалась им всю жизнь. В русле прогрессивных взглядов в педагогике XIX века и по собственным убеждениям Г. С. Лыткин стремился создать пособия по изучению коми языка и далее для ознакомления с русским языком. В 1887 г. он издал «Зыряно-вотский букварь и сведения из грамматики церковно-славянского и русского языка». В 1901 г. он издал хрестоматию под названием «Первая книга для чтения. Зырянские народные произведения с переводом на русский язык». Однако наиболее полным пособием, по его замыслу, стало издание объемного труда «Зырянский край при епископах пермских и зырянский языкъ» (Санкт-Петербург, 1889). Все работы изданы в столице империи, часть тиражей, естественно, попадала и в библиотеки Усть-Сысольска. У нас, однако, нет сведений, использовали ли их учителя в ходе преподавания в школах на территории Коми края. Тем не менее данный труд многие годы был основным источником по истории Коми края, стефановских текстов, по особенностям коми языка для научного сообщества России и СССР.

В области изучения родного языка Г. С. Лыткин сделал очень много, так как к этой деятельности он приступил уже в качестве профессионального филолога, после прекращения своей работы в области калмыковедения, глубоко осознав, что его ум, силы и способности лучше направить на благо родного народа. Среди основных достижений ученого: написание грамматики коми языка и составление большого коми-русского словаря. Как указано в заглавии, словарь составлен по материалам рукописного словаря Н. П. Попова. Он состоит из 11 500 словарных статей. К сожалению, изданный в 1931 г. в Ленинграде небольшим тиражом, этот труд не оказал заметного влияния на развитие коми литературного языка из-за его малодоступности и разницы оформления словарного материала в графике, отличаясь от молодцовского письма, официально принятого в то время.

Если говорить о грамматике коми языка Г. С. Лыткина, то необходимо отметить, что в научной литературе накопилось уже немало ее описаний, положительных характеристик, авторами которых были как языковеды, так и литературоведы. Наиболее подробно раскрыла содержание грамматики В. М. Лудыкова [Лудыкова 2014, с. 54–59], другие авторы дают краткую оценку упомянутой грамматики. При изучении нами такой литературы бросилась в глаза одна неприятная особенность: языковедческие работы

Г. С. Лыткина рассматривались атомарно, вне контекста развития коми языкознания XIX в., иногда даже необъективно, так как давались или излишне хвалебные оценки либо при этом умалялись заслуги других исследователей-языковедов.

В своей статье о Г. С. Лыткине литературовед В. Н. Дёмин пишет: «До Лыткина исследованием коми языка занимался ряд языковедов: А. Шегрен, М. Кастрен, Х. Габеленц, Ф. Видеман, П. Савваитов. Однако эти ученые в своих исследованиях ориентировались не на живой язык, а, в основном, на перевод Евангелия от Матфея, сделанный усть-сысольским протоиереем А. Шергиным» [Лыткин, Демин 1996, с. 355]. Почти такая же оценка дана и в монографии В. М. Лудыковой: «Известно, что в XIX веке изучением коми языка занимались такие крупные ученые финно-угроведы, как А. М. Шёгрэн, М. А. Кастрен, Х. К. Габеленц, Ф. И. Видеман. Ими были составлены словари и грамматики. Однако в своих научных разработках они ориентировались не на живую коми речь, а в основном на перевод Евангелия от Матфея, сделанный А. Шергиным, в котором было много неточностей...» [Лудыкова 2014, с. 59]. К сведению читателей, А. М. Шёгрэн совершил научную экспедицию в Коми край в 1827 г., М. А. Кастрен в 1843 г. собирал материал ижемского диалекта в экспедиции в с. Колва, П. И. Савваитов совершил две поездки в Коми край в 1841 и 1846 гг. для сбора материала. Он же на протяжении ряда лет учил коми язык от коми семинаристов, носителей разных диалектов, учившихся в Вологодской духовной семинарии.

Другая крайность – выдвигалась идея о том, что Г. С. Лыткин якобы первым начал серьезно изучать грамматику и диалекты коми языка. Приведем две цитаты: «Л. заложил основы научной фонетики и морфологии коми литературного языка» [Туркин 1998, с. 245]; «Г. С. Лыткин положил начало фундаментальному исследованию грамматического строя коми языка, коми диалектов, сравнительно-исторических изысканий» [Лудыкова 2014, с. 56].

Естественно, это также неверно, так как до публикации грамматики Г. С. Лыткина вышло в свет семь грамматических описаний языка. Иван Куратов также написал свою грамматику, опубликованную в газете «Вологодские губернские ведомости». Далее приведены названия этих грамматик с указанием их объема в страницах.

1) Флёров А. Зырянская грамматика, изданная отъ главнога правления училищъ. Санктпетербург, 1813. [45 стр.];

2) Sjögren A. J. Ueber den grammatischen Bau der syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI serie. Tome second. St.-Petersbourg, 1834. S. 149–169 [20 стр.];

3) Gabelentz H. C. Grundzüge der syrjänischen Grammatik. Altenburg, 1841 [75 стр.];

4) Castrén M. *Elementa grammatices Syrjaenae*. Helsingforsiae, 1844 [116 стр.];

5) Wiedemann F. J. *Versuch einer Grammatik der syrtjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte*. Reval, 1847 [132 стр.];

6) Савваитов П. И. *Грамматика зырянского языка*. СПб, 1850 [119 стр.];

7) Рогов Н. *Опыт грамматики пермяцкого языка*. СПб., 1860 [136 стр.];

8) Куратов И. А. *Грамматика зырянского языка* // *Лингвистические работы*. Сыктывкар, 1939. С. 61–98 [37 стр.];

8) Wiedemann F. J. *Grammatik der syrtjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*. St. Petersburg, 1884 [252 стр.];

9) Лыткин Г. С. *Грамматика зырянского языка* // *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык*. Санкт-Петербург, 1889 [42 стр.].

К примеру, в грамматике и словаре П. И. Савваитова, изданных в 1850 г., дано подробное описание грамматического строя, синтаксических конструкций и диалектных данных. В словаре словарные материалы представлены с указанием конкретных диалектов, где слова употребляются в речи.

В чем же заключается действительный вклад Г. С. Лыткина в изучение грамматики коми языка? Перечислим кратко, по пунктам:

1) Г. С. Лыткин написал грамматику на коми языке с применением оригинальной лингвистической терминологии;

2) стал первым практиком в продвижении научного стиля, создал коми лингвистическую терминологию;

3) составил сравнительные двуязычные и трехязычные словари коми, русского, удмуртского, мордовских языков;

4) выявил все списки стефановских азбук, памятников древнекоми письменности, сделал переводы;

5) создал индивидуальный нормативный письменный язык на основе одного опорного сысольского диалекта, претендовавший, по замыслу учебного, на статус литературного языка;

6) на протяжении всей жизни создавал большой корпус текстов (переводы, собственные произведения, текст грамматики);

7) заложил основы коми пуризма, в языкотворчестве проявил себя как новатор, стремившийся создать оригинальные коми слова и целые терминосистемы, писать тексты с применением исконно коми синтаксических конструкций;

8) создал оригинальную графическую систему, основанную на строго фонематическом принципе (каждой фонеме своя буква), подобную же графику много позже предложит и В. А. Молодцов.

Свои теоретические взгляды Г. С. Лыткин старательно внедрял в языковую практику, по возможности создавая свой корпус текстов, переводов художественной и религиозной литературы определенного качества. Это было сделано в то время, когда легальных возможностей для широкого функционирования, продвижения коми языка в обществе в условиях царизма было крайне мало.

ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. С. ЛЫТКИНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Личность Г. С. Лыткина (как и К. Ф. Жакова) в 1920-х – начале 1930-х гг. оказалась в центре внимания деятелей коми культуры, просвещения и науки, а затем – политических деятелей. Интерес коми интеллигенции к Г. С. Лыткину вполне понятен: в период строительства собственной национальной государственности, пробуждения национального самосознания естественно обращать взоры к выдающимся личностям прошлого. Тем более что были живы люди, непосредственно знавшие Г. С. Лыткина, общавшиеся с ним, состоявшие в переписке. К их числу принадлежал, в частности, А. А. Чеусов, охотно делившийся в местной печати 1920-х гг. своими впечатлениями и воспоминаниями [Чеусов 1921, 1924а и др.].

В 1920-х гг. на страницах газет и журналов Коми автономной области, на различных литературных вечерах, конференциях, в коми календарях и т. д. Г. С. Лыткин упоминался довольно часто [Г. В. 1922; Чеусов 1924б и др.] и, как правило, в положительном контексте, хотя его научное наследие и вызывало определенные споры. Так, исследователь А. Н. Грен (человек в Усть-Сысольске пришлый) признавал значение Г. С. Лыткина в создании коми литературы [Грен 1927], но считал, что лингвистические труды Г. С. Лыткина, на которые опирался при разработке своего алфавита коми языковед В. А. Молодцов, содержат ошибки и, более того, являются «материалом для обрусения» коми (см.: «Югид туй», 1922, 5 апреля).

В то же время А. А. Чеусов высказывал прямо противоположное мнение: Г. С. Лыткин являлся сторонником «ва-коми» (чистого коми) языка, боролся против «коми-русского жаргона», распространявшегося в переводной литературе конца XVIII – первой половины XIX в. (см.: «Югид туй», 1924, 29 февраля), хотя и не смог исправить такую ошибку как «употребление чуждых коми языку оборотов» [Чеусов 1924б, с. 43]. Несмотря на некоторое расхождение во взглядах, общее мнение коми интеллигенции той поры выразил, как представляется, В. И. Лыткин, назвавший Г. С. Лыткина «великим знатоком филологии и зырянского языка» (см.: «Удж», 1921, 21 февраля) и отметивший его роль в создании коми литературы в своей книге «Коми гижысьяс» [Лыткин В. 1926]. Д. Борисов называл Г. С. Лыт-

кина выдающейся личностью, занявшей «видное место в истории развития зырянской письменности», «не только ученым, знатоком своего языка, но и известным реформатором» [Борисов 1929, с. 31]. А. А. Чеусов с присущей ему витиеватостью провозглашал: «Широкие трудовые коми массы в лице Г. С. Лыткина видят своего лучшего первого деятеля, показателя способности культурного развития коми народа. Старый коми филолог еще слишком нов для коми мира: его словарем, грамматикой, сводкой дат истории Коми еще долго придется пользоваться нам» [Чеусов 1924б, с. 44]; «искателю путей культурного возрождения единого коми народа через науку Г. С. Лыткину неуязвима слава и память» [Чеусов 1924а]. В газете «Югид туй» 26 февраля 1926 г. говорилось: «Г. С. Лыткин – европейски известный ученый, первый коми поэт, дедушка коми литературы, положивший основание коми литературному языку». Позднее видный коми ученый и писатель П. Г. Доронин в оставшейся неизданной работе «Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции» считал, что эти оценки завышены и что поэтическое творчество Г. С. Лыткина занимает «незначительное место», но признавал его «весьма высокое наследство в коми лингвистической науке» [Доронин 1965, л. 86]. Конечно, как справедливо замечает исследователь коми литературы и фольклора П. Ф. Лимеров, П. Г. Доронин рассматривал творчество Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова «с точки зрения догматики исторического материализма» [Лимеров 2023].

А. А. Чеусов неоднократно призывал изучать жизнь и творчество Г. С. Лыткина, собирать материалы о нем: «Коми краоведам необходимо приступить к собиранию материалов по биографии Г. С. Лыткина, отца коми филологии, основателя коми литературного языка, европейски известного этнографа, и отыскать и опубликовать его неизданные рукописи» [Чеусов 1924в, с. 43]. «Пора, наконец, выпустить о Г. С. отдельную работу, помимо всех скороспелых заметок и неверных дат» [Чеусов 1924а]. К числу «скороспелых заметок», к слову сказать, можно отнести и некоторые публикации самого А. А. Чеусова, в которых он пытался обвинить то К. Ф. Жакова, то В. А. Молодцова в стремлении умалить заслуги Г. С. Лыткина.

Помнили о научных работах Г. С. Лыткина не только в Коми автономии. Вологжане Александр и Алексей Веселовские включили биографическую статью о нем в свой справочник «Вологжане-краеведы» [Веселовский, Веселовский 1923]. Сразу несколько видных российских ученых отметили публикации Г. С. Лыткина на страницах «Финноугорского сборника», выпущенного Академией наук СССР в 1928 г. в серии «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных странах», выпуск 15. (Ведущий коми ученый-гуманитарий А. С. Сидоров назвал этот сборник «основной настольной книгой для каждого работающего в области угро-финноведения» [Сидоров 1928, с. 44]).

Лингвист и этнограф Н. Н. Поппе подчеркнул, что «наиболее громким именем среди исследователей зырянского народа является имя зырянина Г. Лыткина. Лыткин является в своей области первым ученым в полном смысле слова». «Труд Лыткина “Зырянский край” <...> произвел своего рода переворот в деле изучения зырян и их языка. Значение этого труда для этнографии, правда, значительно меньше, чем значение его для финно-угорского языкознания, тем не менее этот крупный труд здесь, конечно, не может остаться неупомянутым» [Поппе 1928, с. 5].

Видный ленинградский историк А. И. Андреев отметил его публикации о Стефане Пермском: «Использував известную литературу о Стефане и его деятельности, Лыткин привнес в нее кое-что свое: пылкий патриот-зырянин, он, между прочим, на основании доводов внутреннего убеждения, полагал, что Стефан был зырянин; работа Лыткина все же имеет значение, так как устанавливает хронологию событий в жизни Стефана» [Андреев 1928, с. 275]. Выдающийся лингвист Д. В. Бубрих указал на опубликованные Г. С. Лыткиным словари [Бубрих 1928, с. 115].

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. положение стало меняться: сказались изменения в политическом климате страны, формирование административно-командного стиля управления всем, включая сферы культуры и науки; началась борьба против «идеализации» «национальной старины». В 1928 г. при ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства. На нем указывалось, что «в национально-культурном строительстве... проявляются попытки направить развитие национальной культуры по буржуазно-демократическому пути (ориентация на «культурный» запад, отрицание руководящей роли пролетариата в развитии национальной культуры, идеализация национальной «старины» и т. д.)» [Жеребцов 1998, с. 434]. В Коми области на указания свыше откликнулся видный литературный деятель И. И. Оботуров, усомнившийся в значимости Г. С. Лыткина, К. Ф. Жакова и И. А. Куратова для истории коми народа и тем более для строительства социализма, для социалистической культуры: нет, мол, «в коми истории учителей коми народа», «хоть как ищи – их нет» [Оботуров 1928].

В марте 1930 г. состоялся объединенный пленум Коми обкома ВКП(б) и Областной контрольной комиссии, прошедший под лозунгом «Усилить борьбу с национал-шовинизмом!». После него литература и наука стали полем, на котором развернулась жестокая битва между «пролетарской» и «буржуазной» культурами. Сначала упоминания о Г. С. Лыткине, как и о К. Ф. Жакове, просто исчезли со страниц газет и журналов. Так, в публикациях Н. П. Попова и Н. А. Шахова об истории коми литературы Г. С. Лыткин и К. Ф. Жаков не названы: от И. А. Куратова (которого Н. А. Шахов охарактеризовал как коми националиста и народника, стремившегося не

к революционной борьбе, а к мирным реформам) авторы перешли сразу к М. Н. Лебевеу и Д. Я. Попову. Последний, впрочем, вскоре тоже был вычеркнут из истории коми литературы как «махровый националист» и «белогвардейская националистическая сволочь» – так его охарактеризовал в своей статье «Из национал-шовинистического болота на ленинский путь» (журнал «Ленин туйёд», 1930, № 5–6) один из руководителей Коми автономии Ф. Г. Тараканов, позднее сам репрессированный за «национал-шовинизм» (та же судьба постигла Н. П. Попова и Н. А. Шахова) [Они любили край..., 63–68].

В 1931 г. по инициативе Общества изучения Коми края в Ленинграде (где тогда работал А. С. Сидоров) небольшим тиражом был издан русско-коми словарь, над которым Г. С. Лыткин работал в последние годы жизни. Но в Коми области о каких-либо изданиях его работ уже не могло быть и речи: с начала 1930-х гг. имя Г. С. Лыткина стало употребляться, в основном, в негативном контексте. Едва ли не главную роль в «переосмыслении» его места в коми культуре сыграл руководитель Коми издательства и газеты «Коми сикт» И. И. Оботуров (который, как деликатно сказано в «Истории коми литературы», внес «посильный вклад в литературную критику 30-х годов») [Мартынов, Ванеев 1980, с. 278]. В статьях «Через коми художественную литературу усилим борьбу с национал-шовинизмом» [Оботуров 1930а], «Вытащим коми художественную литературу из болота национал-шовинизма» [Оботуров 1930б], опубликованных в 1930 г. в журнале «Ордым», И. И. Оботуров призвал бороться с идеализацией дореволюционных коми буржуазных и мелкобуржуазных писателей ученых (Г. С. Лыткина, К. Ф. Жакова и других), искоренять национал-шовинизм в литературе. К борьбе с «национал-шовинизмом» добавились борьба с «кулацкой идеологией» и «религиозным дурманом».

Призывая сражаться с национал-шовинистами за «социалистическую культуру», И. И. Оботуров писал: «Коми интеллигенция... после революции устремилась к прошлому истории коми народа. Старательно изучали все более или менее значительные произведения. <...> Извлечь из этой литературы, из истории коми народа самое ценное необходимо. Но на этом выросшая к 1917–1923 гг. коми интеллигенция не остановилась. Она все литературное наследство Лыткина, Жакова, Д. Попова и др., без критического, марксистского анализа, целиком положила в основу новой коми культуры, которая бурно стала развиваться с первых же лет Октябрьской революции. Это означало скатывание к буржуазным теориям и теоретикам представителей коми торговой буржуазии и кулачества. Надо развенчать всех буржуазных и мелкобуржуазных героев коми торговой буржуазии и кулачества и выбросить их в мусорный ящик истории. Под клинком марксистско-ленинского анализа сызнова пересмотреть все литературное

наследство коми интеллигенции. <...> Национал-шовинистические слои коми интеллигенции игнорировали классовую борьбу среди коми, как до революции, так и после революции, откровенно перешли на теоретические позиции буржуазии. Принялись за создание некой “самобытной” коми культуры, превращавшейся на самом деле в орудие борьбы коми буржуазии против социалистического строительства. ...Стремилась привить молодежи националистические идеи, воспитывая ее по существу на жалких представителях дореволюционной коми интеллигенции» [Оботуров 1930в].

И. И. Оботуров подверг резкой критике В. И. Лыткина за «неклассовый подход», проявившийся, по его мнению, в частности, в книге «Коми гижысьяс», в которую В. И. Лыткин включил очерки о Г. С. Лыткине и К. Ф. Жакове: «Нас интересует, почему Илля Вася и другие коми писатели идеализировали таких мелкобуржуазных идеалистических апостолов» и проводили «политику охвостьев коми торговой буржуазии и коми кулачества» [Оботуров 1930в]. И. И. Оботурова поддержали и некоторые другие коми литературные и околосредовые деятели. Например, М. П. Доронин в 1930 г. писал, что Г. С. Лыткин и др. останутся в истории коми литературы только как «мелкобуржуазные» писатели, «до мозга костей националисты»; произведения Г. С. Лыткина он называл «мелкобуржуазной писаниной» и недвусмысленно предупредил, что начинается борьба с теми, кто придерживается иной точки зрения. (М. П. Доронин был позднее репрессирован как «нацшовинист») [Жеребцов 1998].

В. И. Лыткин под давлением руководства Коми ассоциации пролетарских писателей вынужден был «признать» свои «литературные недостатки» и «переоценку» значения трудов Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова, однако призвал объективно подходить к оценке их творчества, видеть в нем положительные черты, а «взятые с потолка слова – ругань или хвала – большой пользы не принесут» [Жеребцов, Некрасова, Демин 1997]. В 1933 г. В. И. Лыткина арестовали и осудили как члена мифического «Союза освобождения финских народностей», якобы намеревавшегося организовать восстания в финно-угорских автономиях, отделиться от Советского Союза и создать финно-угорскую федерацию «под протекторатом Финляндии» [Жеребцов 2014]. Книга «Коми гижысьяс» исчезла из употребления, словно ее никогда и не было: этот важный, знаковый для коми литературы труд, где была предпринята первая попытка познакомить читателей с жизнью и деятельностью всех известных тогда коми писателей, не был упомянут в фундаментальной трехтомной «Истории коми литературы» (1980 г.).

В 1932 г. вышла книга историка Н. И. Ульянова «Очерки истории народа коми-зырян», в которой в резкой форме критиковался «букет кулацко-националистических тенденций, пышно распускавшийся с 1921 г.» [Ульянов 1932, с. 173] (т. е. со времени создания Коми автономной области)

на страницах областной печати. «Канонизируются и воздвигаются в сан апостолов национальной культуры коми все сколько-нибудь видные фигуры старой буржуазной интеллигенции. Пишутся полные теплоты и задушевности статьи памяти Г. С. Лыткина» [Ульянов 1932, с. 174]. При этом о самом Г. С. Лыткине Н. И. Ульянов отзывался довольно уважительно и назвал его книгу «Зырянский край...» «одним из наиболее ярких проявлений национальной культуры коми», а самого Г. С. Лыткина характеризовал как «субъективно честнейшего человека, горевшего искренней любовью к своему народу» [Ульянов 1932, с. 115, 117] (замечу, что книга вышла не в Коми издательстве, где подобные высказывания уже не пропустили бы, а в центральном – «Партиздате»). Но в конце концов Н. И. Ульянов сделал вывод, что Г. С. Лыткин принес «своей деятельностью трудящимся коми больше вреда, чем пользы», «объективно играл самую реакционную русификаторскую роль» и являлся «агентом и проводником русского великодержавного влияния», поскольку выступал за то, чтобы коми могли изучать русский язык, необходимый в общественной жизни. Н. И. Ульянов осудил Г. С. Лыткина и за то, что тот чтит память Стефана Пермского – по оценке Н. И. Ульянова, «первого поработителя коми народа» [Ульянов 1932, с. 117, 118]. Книга Н. И. Ульянова – классический образец работ советской исторической школы 1930-х гг., когда любая проблема рассматривалась с позиций большевистской партии. Это, однако, не помешало ее автору оказать-ся в заключении за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» [Хлыбов 2019, с. 35].

Своего рода итог «переосмыслению» роли Г. С. Лыткина «с точки зрения марксистско-ленинской идеологии» подвела в 1933 г. двухтомная работа историка-марксиста В. М. Подорова «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)». Во втором томе содержался специальный раздел «Г. С. Лыткин, как идеолог русского великодержавного национализма» [Подоров 1933, с. 69–77]. По словам В. М. Подорова, Г. С. Лыткин являлся «крупнейшим идеологом русского великодержавного национализма», «наиболее видным проводником великодержавнической политики царского правительства по отношению к коми» [Подоров 1933, с. 69], «русской великодержавнической политики по насильственной русификации населения, по развращению классового мировоззрения коми рабочих и крестьян литературой духовно-нравственного содержания» [Подоров 1933, с. 71]. «Как типичный чиновник, идейно преданный русскому самодержавию, Лыткин ревностно выполнил казенный заказ <...> и дал работу, которая должна была помочь коми молодежи основательно изучить русский язык» [Подоров 1933, с. 71]. «Зырянский край...», утверждал В. М. Подоров, «представляет собой крупнейшую работу по обслуживанию русификаторской политики самодержавия», а ее автор «являлся идеологом той части национальной коми

буржуазии, которая в торгово-промышленном отношении была тесно связана с русской торгово-промышленной буржуазией» [Подоров 1933, с. 72] и сам представлял собой крупнейшего представителя «нарождавшейся коми буржуазии» [Подоров 1933, с. 73]. В то же время В. М. Подоров находил, что Г. С. Лыткин «как коми интеллигент, признававший право на существование, изучение и даже допущение коми языка в школы, уже тем самым являлся известным выразителем идеологии местного национализма» [Подоров 1933, с. 73]. П. Г. Доронин в 1965 г. писал: «Сумбурность взглядов, прожектёрские выводы и склонность к резонерству «историка» В. Подорова – факт неоспоримый. Выводы его <...> необъективны и весьма ошибочны. Но в свое время это частное мнение <...> привело к тому, что все книги, принадлежавшие к авторству Г. С. Лыткина, были изъяты из обращения и уничтожены» [Доронин 1965, л. 90]. Работа В. М. Подорова на долгие годы закрепила однозначно отрицательную оценку деятельности Г. С. Лыткина.

21 марта 1934 г. руководитель областной парторганизации А. А. Семичев на страницах газеты «За новый Север» «поставил перед писателями вопрос об усилении борьбы с чуждыми, антипролетарскими тенденциями в коми литературе». Одним из первых откликнулся на призыв И. И. Оботуров, уже 30 марта опубликовавший статью «За большевистскую партийность в литературе», в которой заявил, что «националистические элементы» «популяризировали реакционных буржуазных коми ученых-литераторов – Г. С. Лыткина <...> и белоэмигранта проф. Жакова К. Ф.». «Оба они защищали самодержавный строй, боролись с усиливающимся революционным движением. За переводы на коми язык кучи религиозных книг Г. С. Лыткин получил одобрение царицы и главы российской реакции Победоносцева». «Местные националистические элементы в течение ряда лет восхваляли Жакова и Лыткина. Делали публичные доклады, печатали восторженные статьи. Националистическое, кулацко-буржуазное влияние проникло в коми литературу. Наиболее ярко в художественной литературе с националистическими идеями выступил Илья Вась (В. И. Лыткин). Он написал ряд, поэм, стихотворений, статей о Г. С. Лыткине и Жакове. Для Илья Вася Г. С. Лыткин – “отец коми литературы”» [Оботуров 1934].

В публикациях середины – второй половины 1930-х гг. Г. С. Лыткина характеризовали как «самого отъявленного реакционера» (И. И. Оботуров), называли «прямым реакционером, миссионером, вышедшим из слоев коми кулачества» (Г. А. Старцев), «жалким карликом» «рядом с гигантской фигурой Куратова» (П. Г. Доронин). Примечательно, что тот же П. Г. Доронин, работая в Коми издательстве, составляя осенью 1935 г. проект программы по истории коми литературы для средней школы, предложил включить в нее изучение рассказов К. Ф. Жакова «В коми деревне» и «Богословский

завод», за что подвергся резкой критике со стороны своего начальника И. И. Оботурова. Тот в статье «Против протаскивания буржуазных идей в коми советскую школу», опубликованной в том же году в газете «За новый Север» заявил, что П. Г. Доронин предлагает «воспитывать коми детей на реакционных произведениях белогвардейца Жакова и прочих негодных произведениях», которые, по мнению сурового критика, «дают извращенное представление о старой коми деревне» и «должны быть бесспорно изгнаны из советской школы» [42]. (Позднее И. И. Оботуров пытался избежать ареста за свое «буржуазно-националистическое контрреволюционное вредительство» и в конце концов покончил с собой [Жеребцов 1998].

Этнограф Г. А. Старцев в статье «Критиковать и собственные ошибки» (в рукописи она носила более «боевое» название – «Огонь по двуручникам-националшовинистам») «разоблачал» «прямых реакционеров, вышедших из слоев коми кулачества» Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова, и своих коллег «националистов» В. И. Лыткина, А. С. Сидорова, А. А. Чеусова, В. А. Молодцова и других (все они были репрессированы; та же участь постигла и Г. А. Старцева) [Старцев Г. 1935].

Его однофамилец А. А. Старцев в 1936 г. предупреждал, что «оценка, данная Лыткину буржуазными националистами, разоблачена еще далеко не полностью» и писал, что Г. С. Лыткин – «один из основоположников буржуазного национализма», «всю свою жизнь посвятил служению эксплуататорским классам», «все его творческие труды были призваны выполнять реакционную роль в истории коми народа». «Лыткин, возведенный в прошлом коми буржуазными националистами в коми патриота, был прислужником русского царизма. Его литературная и общественная деятельность помогала самодержавию, русской и коми буржуазии поработать коми народ» [Старцев А. 1936]. П. Г. Доронин позднее (в упоминавшейся выше работе), характеризуя литературную жизнь 1930-х гг., отметил, что «одна группа критиков Лыткина», ссылаясь на теорию ва-коми языка, «утверждала, что Г. С. Лыткин является основоположником коми буржуазного национализма, идеологом коми буржуазии», а другая группа, наоборот, считала Г. С. Лыткина «великодержавным националистом» и «русификатором» [Доронин 1965, л. 87–89].

Однозначно отрицательные официальные оценки деятельности Г. С. Лыткина сохранялись до середины 1950-х гг. Так, в первом томе «Очерков по истории Коми АССР» (авторы соответствующего раздела Л. П. Лашук, О. Н. Воздвиженская и К. В. Сивков) говорится, что «вся деятельность Лыткина была направлена на духовное закабаление народа коми и служила интересам самодержавия и реакционного духовенства» [Очерки по истории... 1955]. Только в конце 1950-х – 1960-х гг. были предприняты первые (не вполне реализованные) попытки вернуться к более объективной

оценке деятельности Г. С. Лыткина. Очень много сделал для пересмотра негативного отношения к Г. С. Лыткину реабилитированный в 1956 г. В. И. Лыткин; в частности, в 1959 г. в статье «Пермские языки» он отмечал большую роль Г. С. Лыткина в истории коми языкознания. Противоречивые оценки деятельности Г. С. Лыткина давались в уже упоминавшейся работе П. Г. Доронина [Доронин 1965] в «Очерках истории коми литературы» (авторы раздела А. Н. Федорова и Ф. В. Плесовский) [Очерки истории.. 1958], монографии А. К. Микушева «Коми литература и народная поэзия» (1961 г.) [Микушев 1961], монографии Я. Н. Безносикова «Культурная революция в Коми АССР» [Безносиков 1968]. П. Г. Доронин, в частности, отмечал, что в некоторых стихах Г. С. Лыткина «чувствуется поэтическое дарование автора, знание законов стихосложения, лирическая глубина, но считал, что оценки авторов 1920-х гг. завышены и что поэтическое творчество Г. С. Лыткина занимает «незначительное место», и он не был основоположником и родоначальником коми художественной литературы и литературного языка [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 10; Доронин 1965, л. 85].

Особо следует отметить работы калмыцкого ученого А. В. Бадмаева. В то время, когда коми ученые спорили о заслугах и недостатках Г. С. Лыткина, их коллега в Калмыкии отдавал должное «замечательному ученому России, талантливому сыну братского народа коми, одному из крупных калмыковедов, <...> труды которого с большим интересом изучают специалисты во многих областях калмыковедения» [Бадмаев 1967]. Поднимался даже вопрос об увековечении памяти Г. С. Лыткина в Калмыкии и, в частности, об установке ему памятника, но этот проект не был реализован (хотя в некоторых современных публикациях и сообщается, что в Элисте есть памятник Г. С. Лыткину). В Коми республике относительно объективные оценки деятельности Г. С. Лыткина появились лишь в 1970-е гг. [Забоев 1971; Лыткин В. 1975, 1976, 1978; Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980]. В фундаментальной «Истории коми литературы» кратко сказано об искренности чувств, выраженных «в сентиментальных стихотворениях» Г. С. Лыткина, и отмечено, что сделанные им переводы «классических произведений русской детской литературы обнаруживают несомненный художественный талант Г. С. Лыткина» [Лыткин В., Ванеев, Мартынов 1980, с. 76, 83]. В 1980-е – начале 1990-х гг. тенденция к «реабилитации» Г. С. Лыткина продолжала развиваться [Георгий Степанович Лыткин 1984; Костромина 1983, 1984, 1985; Мартынов 1991 и др.].

Окончательно положительные оценки деятельности Г. С. Лыткина утвердились в 1990-е гг. Лингвист А. И. Туркин отметил Г. С. Лыткина как автора «нескольких оригинальных стихотворений на коми языке» [Туркин 1999, с. 239] и полагал, что его труды «не утратили своей... художественной ценности до наших дней» [Туркин 1998, с. 246]. Литературо-

вед В. Н. Демин полагал, что поэт и «философ литературы» Г. С. Лыткин «вместе с И. А. Куратовым стоял у истоков новой коми литературы» и своими трудами «заложил основы формирования коми литературы» [Демин 1995б, с. 157, 160], заложил основы литературного коми языка, «был одним из основоположников новой коми литературы», «теоретиком и основоположником новой коми литературы» [Лыткин В., Демин 1996, с. 353, 357, 358]. Оценка исследователя, казалось бы, вполне однозначна, однако в той же работе В. Н. Демин неожиданно пишет, что Г. С. Лыткин «не был основоположником и родоначальником коми художественной литературы и литературного языка», а затем предлагает «вновь... поставить вопрос о роли и месте Г. С. Лыткина в становлении коми литературы» [Лыткин В., Демин, с. 358]. Представляется, что эта своеобразная «дискуссия с самим собой» как нельзя лучше отражает противоречивость оценок литературного творчества Г. С. Лыткина.

Таким образом, в первое советское десятилетие творчество Г. С. Лыткина оценивалось очень высоко – не только в историческом плане, но и как сохраняющая свою ценность в современную эпоху. Некоторые исследователи даже называли его основоположником коми литературы, но это мнение не является общепризнанным. Масштаб дарования Г. С. Лыткина как писателя чрезвычайно трудно по достоинству оценить, учитывая утрату большей части его литературного наследия. В конце 1920-х гг. в силу общественно-политической ситуации в стране произошла радикальная переоценка ценностей, и в предвоенное (а также и в послевоенное) десятилетие научная, литературная и просветительская деятельность Г. С. Лыткина стала рассматриваться как явление в лучшем случае незначительное, а в худшем – как приносившее лишь вред коми народу и его культуре. Потребовалось немалое время для пересмотра этой точки зрения и признания того, что исследования Г. С. Лыткина стали одной из важнейших вех на пути развития научных исследований Коми края, ознаменовали собой переход от «предыстории» коми науки к ее непосредственному становлению; что литературное творчество является неотъемлемой и значительной составной частью истории коми литературы; и что просветительская сторона деятельности Г. С. Лыткина была гораздо более значима для развития образования и культуры региона, чем это предполагалось ранее.

* * *

Авторитет Г. С. Лыткина среди коми интеллигенции конца XIX – начала XX в. был очень велик. Он пользовался большим авторитетом у начинающих коми писателей и исследователей, которые обращались к нему за советами: переписывались, приезжали к нему в Петербург и неизменно получали поддержку и помощь. А. А. Чеусов, занимавшийся литерату-

ным творчеством с 1899 г., в 1900 г. установил переписку с Г. С. Лыткиным, посылал ему свои стихи. Г. С. Лыткин был их первым редактором. Именно после редакции Г. С. Лыткина написанные в 1901–1904 гг. четыре стихотворения А. А. Чеусова на коми языке были опубликованы в журнале «Этнографическое обозрение» в 1904 г. Г. С. Лыткин оказал огромное влияние на начинающего поэта (иногда его называли даже «духовным отцом» А. А. Чеусова). Как отмечал в своих воспоминаниях А. А. Чеусов, именно под влиянием Г. С. Лыткина он стал писать по-коми. Знакомство с Г. С. Лыткиным способствовало усилению интереса А. А. Чеусова к коми филологии и этнографии [Жеребцов, Таскаев, Кузнецова 2008]. Г. С. Лыткин являлся духовным лидером коми творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. и Г. С. Лыткин внес огромный вклад в становление коми литературы, развитие культуры, науки и образования. Его публикации, несомненно, стимулировали литературную деятельность в Коми крае. Если бы Г. С. Лыткину удалось вернуться на родину (как он намеревался), то вокруг него, несомненно, сложился бы круг единомышленников, и тогда в Усть-Сысольске, в Коми крае наверняка были бы сделаны первые шаги по созданию собственных научных учреждений и обществ. Но жизнь сложилась иначе. Г. С. Лыткин остался коми ученым (первым!) по происхождению, но петербуржцем по месту жительства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авлиев В. Н. Погребальная обрядность калмыков по дневниковым записям Г. С. Лыткина (на материалах калмыцкой степи Астраханской губернии) // *Science Time*. – 2015. – № 12 (24). – С. 21–24.

Авлиев В. Н. Жизнь калмыцкого населения в предреволюционный период: (по материалам исследователя Г. С. Лыткина) // Развитие национально-государственного строительства на Юге России в период октября 1917–1920 гг. – Элиста, 2017. – С. 449–452.

Агеева Н. Н. Ф. Н. Фортунатов – выдающийся представитель учительской династии // Патриотизм в России: история и современность (к 400-летию воцарения династии Романовых). – Чебоксары, 2013. – С. 7–15.

Андреев А. И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финноугорский сборник. – Ленинград, 1928. – С. 243–329.

Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Попечитель императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 4. – С. 70–97.

Бадмаев А. В. Г. С. Лыткин как калмыковед. К истории калмыцкой письменности // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. – Элиста, 1967. – Вып. 5. – С. 115–124.

Бадмаев А. В. Зая-Пандита: Списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты». – Элиста, 1968. – 76 с.

Бадмаев А. В. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. – Элиста, 1969. – 203 с.

Бадмаев А. В. Научный вклад Г. С. Лыткина в калмыковедение. (Из истории отечественного калмыковедения) // Актуальные проблемы калмыцкой филологии. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 1979. – С. 191–213.

Бадмаев, А. В. Калмыцкая дореволюционная литература. – Элиста, 1975. – 167 с.

Бадмаев Андрей Васильевич: вклад в сохранение письменного наследия калмыцкого народа. Материалы региональной научно-практической конференции / Отв. редактор Н. Ч. Очирова. – Элиста, 2019. – 120 с.

Баев А. А. Изучение жизни и деятельности педагога Ф. Н. Фортунатова в отечественной историографии: сборник трудов конференции // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории. – Чебоксары, 2019. – С. 159–163.

Безносилов Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. – М., 1968.

Березкин К. А. Дневник Кирилла Антоновича Березкина / под редакцией Г. Л. Шалагиной. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 274, [1] с.

Березкин К. Дневник: К 190-летию К. А. Березкина / ред. Г. Л. Шалагина. 2-е изд., доп. – СПб.; Вологда: Киселев А. В., 2020. – 290 с.

Борисов Д. К развитию коми письменности // Коми му. – 1929. – № 1. – С. 29–65.

Бубрих Д. В. Финноугорское языкознание в СССР // Финноугорский сборник. – Ленинград, 1928. – С. 77–134.

Бунаков Н. Ф. Как я стал и перестал быть учителем учителей. – СПб., 1906. – 157 с.

Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной, 1837–1905. – СПб., 1909. – 364 с.

Буянов М. О «Кавказе» Дюма // Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 6–14.

Ванеев А. Велёдысь, гижысь, ученёй: очерк // Войвыв кодзув. – 2000. – 6 №. – 55–62 л. б.

Ванеев А. Е. Георгий Степанович Лыткин // Коми-зырянское просветительство. Сущность и своеобразие. – Сыктывкар, 2001. – С. 123–145.

Ванеев А. Е., Лыткин В. И., Мартынов В. И. Коми литература второй половины XIX – начала XX веков // История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – С. 73–101.

Веселовский А., Веселовский А. Лыткин Георгий Степанович // Веселовский А., Веселовский А. Вологжане-краеведы. – Вологда, 1923. – С. 58–59.

Владимиров Е. Георгий Лыткин. «Зырянский патриот» // Регион. – 2020. – № 4–5. – С. 49.

Г. В. Г. С. Лыткин // Югд туй. – 1922. – 5 апр.

Галиуллина Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Санкт-Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. – СПб., 2009. – С. 90–93.

Галиуллина Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // История и историческая память. – 2012. – Вып. 6. – С. 181–192.

Георгий Степанович Лыткин // Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984. – С. 51–52.

Гиляшаева М. Н. Калмыцкий нойон – российский князь? // Восточные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Вып. 2. – Элиста, 2007. – С. 62–67.

Голстунский, Константин Федорович // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – Т. 4. – С. 197.

Голстунский, Константин Федорович // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 9. – С. 111.

Грен А. Н. Зырянская (коми) литература // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1927. – Вып. 3. – С. 80–86.

Демин В. Н. На небе звезда: Введение в теорию и историю коми поэзии. – Сыктывкар, 1995. – 286 с.

Демин В. Н. Лыткин Георгий Степанович (1835–1907) // Коми литература. – Сыктывкар, 1995. – С. 157–160.

Долеева А. О. О «Каталоге книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина // Монголоведение. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 40–56.

Доронин П. Г. Письменность и литература Коми до Октябрьской социалистической революции. Часть 1. Сыктывкар, 1965 // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 250.

Доронин П. Г. Г. С. Лыткин // Национальный архив Республики Коми. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4.

Елисеев В. В. Учитель учителей. К 175-летию со дня рождения Н. Ф. Бунакова // Начальная школа. – 2013. – № 5. – С. 83–85.

Ёгуш. Арся ном; Сьёлбм пессьбм // Коми сикт. – 1926. – Май 22 лун.

Ёгуш. Олан-вылан туйёд // Коми гижысьяс. – М., 1926. – 13–14 л. 6.

Жеребцов И. Л. К. Ф. Жаков в оценках советских исследователей // К. Ф. Жаков. Проблемы творчества. – Сыктывкар, 1993. – С. 21–27.

Жеребцов И. Л. Клином марксистско-ленинского анализа // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – Т. 1. – С. 426–467.

Жеребцов И. «Безукоризненное служение науке» // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 187.

Жеребцов И. Л. Остров «Архипелага ГУЛАГ» на Европейском Северо-Востоке России // Российские и славянские исследования. – Минск: БГУ, 2014. – Вып. IX. – С. 339–346.

Жеребцов И. Л. Научная и литературная деятельность П. Г. Доронина в довоенный период // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2024. – № 1. – С. 87–99.

Жеребцов И. Л. Деятельность Г. С. Лыткина в оценках советских исследователей и литературных критиков 1920–1930-х гг. // Известия Коми научного центра УрО РАН. История и филология. – 2024. – № 6. – С. 43–49.

Жеребцов И. Л. Коми ученый и просветитель Георгий Степанович Лыткин: между финноугроведением и востоковедением. Материалы к VII Международному научному форуму «Сетевое востоковедение» (Элиста, 24–25 октября 2024 г.). – Сыктывкар, 2024. – 52 с.

Жеребцов И. Л., Гончарова Т. Е. Георгий Степанович Лыткин: путь к востоковедению // Сетевое востоковедение: Россия и восток в контексте историко-культурного и научного взаимодействия. VII Международ. науч. конф. (2024; Элиста). – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2024. – С. 29–37.

Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А., Демин В. Н. В. И. Лыткин: жизнь и творчество. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1997. – 57 с.

Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. – Сыктывкар, 2006. – 136 с.

Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Стоявшие у истоков. – Сыктывкар, 2005. – 108 с.

Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Кузнецова Т. Л. Их объединило краеведение. – Сыктывкар: «Кола», 2008. – 112 с.

Забоев А. Ученый, педагог, лингвист // Войвыв кодзув. – 1971. – 5 №. – 58–60 л. б.

Зоргенфрей Г. Г. С. Лыткин. Библиографический очерк // Коми му. – 1927. – № 4–5. – С. 47–49.

Зырянин И. С. Л. Тотыма: путевые замечания в трех письмах // Лучи. – 1853. – № 3. – С. 162–167; – № 5. – С. 303–310; – № 7. – С. 8–11.

Зырянин И. С. Л. Тотыма. Путевые замечания в трех письмах // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. – Сыктывкар, 2010. – С. 196–204.

Иванова Т. Н., Баев А. А. Дневник К. А. Березкина как источник по истории гимназического образования в Вологде в середине XIX века // Вестник Чувашиского университета. – 2021. – № 2. – С. 71–77.

Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской шестой гимназии. – СПб., 1912.

История калмыцкой литературы. – Элиста, 1981. – Т. 1. – 336 с.

История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 1. – 544 с.

Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А. В. Бадмаев. – Элиста, 1969. – 203 с.

«Короткое» дело с длинным названием / публ. И. Н. Костроминой // Красное знамя. – 1989. – 13 августа.

Костромина И. Коді медводз комиодіс Пушкинѳс // Войвыв кодзув. – 1983. – 11 №. – 50 л. б.

Костромина И. Н. О словарях Г. С. Лыткина // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. – Сыктывкар, 1984. – С. 114–129.

Костромина И. Медводдза коми ученый-лингвист // Войвыв кодзув. – 1985. – 6 №. – 40–44 л. б.

Костромина И. Первый труд по истории Коми // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 153.

Костромина И. Н. «...Истинно зырянская энциклопедия» // Арт–Лад. – 2004. – № 4. – С. 186–187.

Котылев А. Ю. Этнокультурная идентификация коми интеллектуала XIX века. Жизнь и творчество Г. С. Лыткина // Человек. Культура. Образование. – 2015. – № 4 (18). – С. 6–19.

Курапов А. А. Материалы по истории калмыцкого народа XVII – начала XX в. в фондах Государственного архива Астраханской области // История и архивы. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 149–165.

Лебедев С. В. Николай Фёдорович Бунаков (1837–1904) (К 175-летию со дня рождения) // Историко-педагогический журнал, № 3. – 2012. – С. 13–19.

Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века. – Сыктывкар, 2019. – 232 с.

Лейман И. И. Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. История и филология. – 2020. – № 5. – С. 75–82.

Лейман И. И. Предпринимательство купечества Европейского Севера России во второй трети XIX века: возможности и риски (на примере Вологодской губернии) // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 5. – С. 82–88.

Лейман, И. И. Коми купечество уездного города Усть-Сысольска в конце XVIII – XIX вв. (на примере семьи Латкиных) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 233–241.

Лимеров П. Ф. Каллистрат Фалалеевич Жаков – исследователь Русского Севера // Сохранение памяти: духовное наследие Бориса Шергина и Евгения Коковина. Сборник материалов VI Шергинских чтений. – Архангельск, 2023. – С. 53–85.

Лимерова В. А. Рецепция русского пространства в тексте коми литературы: путевые заметки Г. С. Лыткина «Тотьма» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 49–59.

Лимерова В. А. Лыткин Георгий (Юрий, Егор) Степанович // Писатели Коми: биобиблиографический словарь. – Сыктывкар, 2017. – С. 609–619.

Лобанова Г. Н. Учитель учителей – Н. Ф. Бунаков // Начальная школа. – 1997. – № 11. – С. 88–92.

Лудыкова В. М. Роль Г. С. Лыткина в развитии коми языкознания // Вопросы финно-угорской филологии. – Сыктывкар, 2010. – Вып. 1. – С. 5–15.

Лудыкова В. М. Литературный коми язык: история и современное состояние (социолингвистический аспект). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 144 с.

Лунный свет: калмыц. историко-лит. памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. – Элиста, 2003. – 475 с.

Лыткин В. И. Лыткин Степан-Егөр // Коми гижысьяс / Лосьёдіс Илля Вась. – М., 1926. – 9–24 л. б.

Лыткин В. И. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // Советское финно-угроведение. – 1975. – № 4.

Лыткин В. И. У истоков коми литературного языка (о деятельности Г. С. Лыткина) // Север. – 1976. – № 5. – С. 125–128.

Лыткин В. И. Лыткин Г. // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1978. – Т. 9. – Стб. 495.

Лыткин В., Демин В. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // Писатели Коми. – Сыктывкар, 1996. – Т. 1. – С. 352–362.

Лыткин Г. С. Исторический очерк письменности монголов и ойратов // Астраханские губернские ведомости. – 1859. – 7 авг.; 14 авг.

Лыткин Г. С. Сказание о Дербен-Ойратах, Койон-Батур, Убуши Тюмень // Астраханские губернские ведомости. – 1859. – 23 окт.; 20 нояб.; 27 нояб.; 4 дек.; 11 дек.; – 1860. – 11 марта; 18; 25 марта.

Лыткин Г. С. Сказание о дербен ойратах, составленное нойоном Батур Убуши-Тюменем / перевод и предисловие Ю. Лыткина. – Астрахань, 1860. – 57 с.

Лыткин Г. С. История калмыцких ханов // Астраханские губернские ведомости. – 1860. – 6 апр.; 24 июня; 12 авг.; 23 сент.; 21 окт.; 28 окт.; 18 нояб.; 3 дек.; 16 дек.; 23 дек.; 30 дек.

Лыткин Г. Материалы для истории ойратов // Астраханские губернские ведомости. – 1860. – 4 нояб.; 11 нояб.

Лыткин Г. С. Материалы для истории ойратов. – Астрахань, 1860.

Лыткин Г. С. Материалы для истории ойратов и их письменности // Астраханские губернские ведомости. – 1861. – 17 февр.; 24 февр.; 31 марта; 14 апр.; 21 апр.; 5 мая; 19 мая; 2 июня; 30 июня; 7 июля; 14 июля; 21 июля.

Лыткин Г. С. Начатки оседлой домовитости у приволжских ойратов Хошоутовского улуса // Волга. – 1862. – № 45, 46.

Лыткин Г. С. Поездка в калмыцкие степи // Волга. – 1862. – № 57. – С. 102.

Лыткин Г. С. Лесоразведение в Хошоутовском улусе // Волга. – 1862. – № 98.

Лыткин (Георгий Степанович) // Энциклопедический словарь / Издали Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб., 1896. – Т. 18. – С. 133.

Лыткин Георгий Степанович (1835–1907) // Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX века). Биобиблиографический указатель. – Элиста, 2006. – С. 131–140.

Лыткин Георгий Степанович (1835–1907) // URL: <https://imena.nbrkomi.ru/person/id/73>

Лыткин Георгий Степанович // URL: <https://nebrk.ru/biografii/id/31> (дата обращения: 03.05.2023).

Манджиева З. И., Мирзаева С. В. Архивные записи Г. С. Лыткина как источник по этнографии калмыков XIX в. // Монголоведение. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 57–82.

Мартынов В. И. На ниве российского просветительства: [о жизни и творчестве Г. С. Лыткина] // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья. – Ижевск, 1991. – С. 151–167.

Мартынов В. И. Лыткин Георгий (Юрий, Егор) Степанович (Ёгуш, Кача Степан Пи Ёгуш) // Мартынов В. И. Литераторы земли Коми. – Сыктывкар: Эском, 2000. – С. 100–102.

Мартынов В. И., Ванеев А. Е. Критика и литературоведение // История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – Т. 2. – С. 278.

Масленков И. В. Из истории семьи. Белгородские купцы Сорокины и их наследники // URL: http://samlib.ru/m/maslenkow_i_w/i04-041.shtml

Мацук М. А., Шаньгина В. В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX веке. – Сыктывкар, 1996. – 213 с.

Микушев А. К. Коми литература и народная поэзия. – Сыктывкар, 1961. – 128 с.

Михайлов М. Описание Усть-Выма, составленное учителем Усть-Сысольского уездного училища М. Михайловым. – Вологда, 1851. – 349 с.

Оботуров И. И. Небдинса Витторлön юбилей да коми культуралön могъясъс // Ордым, 1928. № 11–12. С. 6–14.

Оботуров И. И. Коми художествоа литература пыр тышкасьны национал-шовинизмкөд // Ордым. – 1930. – № 7–8. – С. 41–46.

Оботуров И. И. Кыскам коми художествоа литература националшовинизм нюрысь // Ордым. – 1930. – № 9. – С. 22–25.

Оботуров И. И. За социалистическую культуру // Ленин туйөд. – 1930. – № 9. – С. 45–50.

Оботуров И. И. За большевистскую партийность в литературе // За новый Север. – 1934. – 30 марта.

Они любили край родной / сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Очерки истории коми литературы. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958.

Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т. 1.

Очирова Н. Г., Бо Менгкай. Зая-пандита – духовный реформатор монгольских народов (1599–1662 гг.) // Известия СОИГСИ. – 2020. – № 38. – С. 14–23.

Очирова Н. Г. Хранитель духовного наследия калмыцкого народа (к 80-летию со дня рождения А. В. Бадмаева) // Бадмаев Андрей Василье-

вич: вклад в сохранение письменного наследия калмыцкого народа». – Элиста, 2019. – С. 12–17.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. – М., 2015. – 688 с.

Письмо в редакцию «Русского Мира» // Русский Мир. – 1859. – № 41.

Плосков И. Георгий Лыткин – поэт // Войвыв кодзув. – 1999. – 6 №. – 77–80 л. б.

Плосков И. А., Цыпанов Е. А. Коми гижан культура паньсыяс. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2002. – 156 л. б.

Погодин М. П. Астрахань. Из дорожных записок М. П. Погодина, в 1861 году // Всемирный труд. – 1867. – Май. – С. 127–158.

Подоров В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). – Сыктывкар, 1933. – Т. 2. – 276 с.

Поппе Н. Н. Этнографическое изучение финноугорских народов СССР // Финноугорский сборник. – Ленинград, 1928. – С. 27–76.

Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1886.

Решетов А. М. К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа // Mongolica-V: Сб. ст. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – С. 6–14.

Сазыкин А. Г. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. – СПб., 2000. – С. 7–21.

Сангаджиева В. Б. Рукопись «История калмыцких ханов» в переводе коми учёного Г. Лыткина // География Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее: материалы III Республ. науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2016. – С. 141–145.

Сангаджиева В. Б. Калмыцкий след в творчестве коми поэта и учёного Георгия Лыткина // Известия Общества изучения Коми края. – 2012. – № 12. – С. 179–183.

Сангаджиева В. Б. Георгий Степанович Лыткин в диалоге культур // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. – Сыктывкар, 2012. – Ч. 2. – С. 206–210.

Сангаджиева В. Б. Наследие Георгия Лыткина в историческом прошлом калмыцкого народа // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6. Ч. 4. – С. 22–25.

Сангаджиева В. Б. Формирование нравственных ценностей в ойрат-калмыцких сочинениях XVII в. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6. Ч. 4. – С. 137–140.

Сидоров А. С. Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных странах Академии наук // Коми му. – 1928. – № 2. – С. 41–44.

Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. – Вологда, 1854. – 228 с.

Старцев А. А. Несколько слов о Г.С.Лыткине // За новый север. – 1936. – 10 авг.

Старцев Г. А. Критиковать и собственные ошибки // За новый Север. – 1935. – 20 июня.

Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии 1786–1886. С приложением списка лиц, служивших и служащих в гимназии и учеников, окончивших в ней курс с 1850–1886 г. – Вологда, 1886.

Сурина Л. И. Михаил Николаевич Латкин. – Сыктывкар, 2013. – 44 с.

Терентьев В. П., Гасанов М. З., Кузнецова Ю. В. Профессор Андреев Николай Агапиевич: жизнь, отданная служению медицине (к 140-летию со дня смерти) // Южно-Российский журнал терапевтической практики. – 2023. – № 4(2). – С. 129–135.

Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. – СПб., 2011. – 514 с.

«Труд преодолевает всё» (Из дневника Г. С. Лыткина) / публ. И. Н. Костроминой // Известия Общества изучения Коми края. – 2004. – № 2. – С. 89–99.

Туркин А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Коми язык. Энциклопедия. – М., 1998. – С. 243–246.

Туркин А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – С. 239.

Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян / Н. И. Ульянов. – М.–Ленинград: Партиздат, 1932. – 180 с.

Успенский В. Л. Монгольские рукописи и ксилографы // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. – СПб., 2014. – 175 с.

Успенский В. Л. Архивные материалы по истории волжских калмыков из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – С. 28–41.

Хлыбов Е. В. Николай Ульянов. Одиссея XX века // Регион. – 2019. – № 5. – С. 32–38.

Цыпанов Е. А. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Исследователи коми языка: биобиблиогр. словарь. – Сыктывкар, 2017. – С. 164–167.

Четырова Л. Б. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников) // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. – СПб., 2014. – С. 353–364.

Чеусов А. А. Г. С. Лыткин // Удж. – 1921. – 8 мая.

Чеусов А. А. Г. С. Лыткин // Югд туй. – 1924. – 4 апр.

Чеусов А. К воспоминаниям о Георгии Степановиче Лыткине // Коми му. – 1924. – № 4–6. – С. 43–44.

[Чеусов А. А.] Георгий Степанович Лыткин (к 88-годовщине рождения) // Коми му. – 1924. – № 4–6. – С. 42–43.

Яблонский М. Н. Мир в картинах, или Краткое изображение и описание главнейших предметов из домашнего быта, царств: животного и растительного. – СПб., 1859.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ О Г. С. ЛЫТКИНЕ

Георгий Степанович Лыткин (методико-библиограф. материалы, посвящ. 165-летию со дня рождения...) / Нац. библ-ка РК / сост. Е. П. Березина, В. Н. Казаринова. – Сыктывкар, 2000. – 25 с.

С любовью к зырянскому краю (к 175-летию со дня рождения Г. С. Лыткина) / Нац. библ-ка РК / сост. Е. П. Березина, В. Н. Казаринова. – Сыктывкар, 2010. – 22 с.

Георгий Степанович Лыткин // Исследователи Коми края. – Сыктывкар, 1984. – С. 51–52.

Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Российские исследователи коми языка: биобиблиографический указатель. – Сыктывкар, 2007. – С. 244–251.

Лыткин Георгий Степанович (1835–1907) // Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): биобиблиографический указатель / сост. и предисл. П. Э. Алексеевой и Л. Ю. Ланцановой. – Элиста, 2006. – С. 131–140.

Лыткин Георгий Степанович // Коми язык в литературных переводах: биобиблиогрф. указатель / Нац. библ-ка РК. – Сыктывкар, 2013. – С. 191–195.

РАБОТЫ Г. С. ЛЫТКИНА

Лыткин, Г. С. Тотьма. Путевые замечания в трех письмах / Г. С. Лыткин // Луч. Журнал для девиц, издаваемый Александрой Ишимовой. – 1853. – Т. 7–8.

Ю. Лыткин // Лучи. – СПб., 1855. – Т. 13. – № 9. – С. 248–255.

Лыткин, Г. С. Коми борданкыв Николай Мудрой кулом выло (Зырянское слово на кончину Николая Мудрого). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. – СПб., 1855. – 4 с.

Лыткин, Г. С. Коми кыв вор Александр Николаевич царство пуксьом выло (Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. – СПб., 1855. – 4 с.

Лыткин, Г. С. Исторический очерк письменности монголов и ойратов / Г. С. Лыткин. – Астрахань, 1859; То же. Астраханские губернские ведомости. – 1859. – № 32, 33.

Лыткин, Г. С. Материалы для истории ойратов / Г. С. Лыткин. – Астрахань, 1860; То же. Астраханские губернские ведомости. – 1860. – № 45, 46; – 1861. – № 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26, 27, 28, 29.

Лыткин, Г. С. Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур Убуша-Тюменем. Перевод и предисловие Юрия Лыткина. – Астрахань, 1860.

Лыткин, Г. С. История калмыцких ханов / Г. С. Лыткин // Астраханские губернские ведомости. – 1860. – № 19, 26, 33, 39, 44, 47, 51–53.

Лыткин, Г. С. Аюки – хан калмыцкий. / Г. С. Лыткин // Энциклопедический словарь, сост. Русскими учеными и литераторами. Отд. 1-е Т. V. – СПб, 1862. – С. 734–738.

Лыткин, Г. С. Мїѣн Господ'лѣн Ісус Крістослѣн Вежа Бурїѣр Матвеїс'ан'. Коми кыл вылѣ выл'ыс' пуктыс Г. С. Лыткин. Питір. [Нашего господа Иисуса Христа Евангелие от Матвея. На коми язык вновь перевел Г. С. Лыткин]. – СПб., 1882.

Лыткин, Г. С. Божественная литургия святого отца нашего Иоанна Златаустаго = Вежа мїѣн аїлѣн зарнївома Иоаннлѣн Јенлы кесїалѣм / пер. Г. С. Лыткин. – СПб., 1883 (Синодальная тип.). – [4], 120, IV с. – Загл. обл. : Литургия Иоанна Златоуста. – На церковнославянском, коми яз.

Лыткин, Г. С. 500-летие зырянского края // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – № 12. – С. 275–326.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык / Г. С. Лыткин. – СПб., 1884. – 386 с.

Лыткин, Г. С. Русско-вотско-зырянский словарь / Г. С. Лыткин. – СПб.: Синод. тип., 1884. – 60 с. [Приложение к: Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. – Спб., 1889].

Лыткин, Г. С. К вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте: (ответ на замечания г. А. П.) / Г. С. Лыткин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1884. – № 12. – Отд. 4. – С. 96–198. (А. П. По вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте // Журнал Министерства народного просвещения. – 1884. – Ч. 236. – Дек. – Отд. 4. – С. 91–95).

[Лыткин, Г. С. – переводчик] Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна и Деяния святых апостолов = Вежа бурїѣр Матвеїсан, Марксан, Лукасан, Иоаннсан, сесса Вежа апостолїаслѣн керѣмїасыс / на зырян. яз., пер. Г. С. Лыткин, преп. С.-Петербург. 6-й гимназии. – СПб., 1885. – 558 с.

[Лыткин, Г. С. – переводчик] Псалтирь = Ошкансьылѣм: на рус. и зырян. яз. / Зырян. пер. составлен Г. С. Лыткиным, преп. С.-Петербург. 6-й гимназии. – СПб., 1885. – 249 с.

Лыткин, Г. С. Деяния святых апостолов на русском и зырянских языках / Г. С. Лыткин. – СПб., 1885.

Лыткин Г. С. Зырянско-вотско-русский букварь и сведения из грамматики церковнославянского и русского языка: (приложен. к книге. «Зырянский край и зырянский язык» / Г. С. Лыткин. – СПб., 1887. – 31 с.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык: пособие при изучении зырянами рус. яз. – СПб., 1889. – 338 с.

Лыткин, Г. С. Зырянские языковые пробы / пер. Ю. Вихмана. – 1892.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык, 1383–1501: пособие при изуч. зырянами рус. яз. – М., 1995. – 232, [126] с. [Репринт изд. вых. дан. ориг.: – СПб., 1889].

Лыткин, Г. С. Букварь зырянско-русско-церковнославянский / Г. С. Лыткин. – СПб.: Синодальная тип., 1900. – 24 с.

Лыткин, Г. С. Зырянские народные произведения / Г. С. Лыткин. – СПб., 1901. – 51 с.

Société Finno-Ougrienne. 1903 // JSFOu. – Bd. XXI. – 1904. – S. 3.

Лыткин, Г. С. Русско-зырянский словарь / Г. С. Лыткин. – Л., 1931. – 360 с. Роча-комиа кылчукор. Составлен по рукоп. словарю Н. П. Попова / [предисл.: Сергей Ольденбург]. Рецензию на этот словарь У. Т. Утилы см.: Uotila U. T. G. S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. – Bd. XXII. – 1934. – S. 13–15.

Учебник общей географии / Сост. Г. С. Лыткин, преподаватель Санкт-Петербургской шестой гимназии. – СПб., 1880; То же. – 2-е изд., исправленное и доп. черт. – СПб., 1894–1898; То же. – 3-е изд., испр. и доп. чер. – СПб., 1899; Географические таблицы / Сост. Г. С. Лыткин. – Вып. 3. – Обзорение европейских государств. – СПб., 1874; – Вып. 4: Обзорение Российской империи. – СПб., 1878.

Лыткин, Г. С. Учебник общей географии с таблицами. Курс I-го класса. Сведения из математической, физической и политической географии. – СПб., 1888; Он же. Учебник общей географии с таблицами. Курс II-го класса. Африка, Австралия, Азия и Америка. – СПб., 1890; Он же. Учебник общей географии с таблицами. Курс III-го класса. Европа. – СПб., 1890.

Лыткин Степан – Егор // Коми гижысьяс / лосьодіс Илля Вась. – М., 1926. – С. 9–24.

Лыткин, Г. С. Арся ном; Сьолӧм пессьӧм (кывбурьяс) / Г. С. Лыткин // Коми сикт. – 1926. – 22 мая.

Лыткин Степан Ёгор: юкӧн // Коми гижысьяс. – Мӧсква, 1926. – Лб. 9–24.

Лыткин, Г. С. Русско-зырянский словарь / Г. С. Лыткин. – Л., 1931. Рецензию на этот словарь У. Т. Утилы см.: Uotila U. T. G. S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. – Bd. XXII. – 1934. – S. 13–15.

Г. С. Лыткин // В парме: сб. произвед. Коми лит.: к 15-летию Коми области / сост. А. А. Попов. – М., 1936. – С. 21.

Лыткин, Г. С. Олан-вылан туйӧд; Сьолӧм пессьӧм (кывбурьяс) / Г. С. Лыткин // Войвыв кодзув. – 1971. – № 5. – С. 61.

Миян господьлӧн Иисус Крестослӧн вежа бурьюбр Матвейсянь / коми кыв вылӧ выльысь пуктыс Г. С. Лыткин. Георгий Степанович Лыткин // Исследователи Коми края. – Сыктывкар, 1984. – С. 51–52. – Репринт. изд. – Питер: Академия наукалӧн Кістома гижтанпас ӧктанінын, 1973. Георгий Степанович Лыткин // Исследователи Коми края. – Сыктывкар, 1984. – С. 51–52. – 73 л. б. – Вых. дан. ориг.: Пітір: Академіја наукалӧн Кістома гижтанпас ӧктанінын, 1882. – На коми яз. (латиница).

Лыткин, Г. С. Комар; беспокойство сердца / Г. С. Лыткин / пер. А. Смольников // Антология коми поэзии / сост. А. Е. Ванеев. – Сыктывкар, 1981. – С. 28–29.

Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык (Ротапринтное издание) / Г. С. Лыткин. – М., 1995. – 232 с.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских / Г. С. Лыткин – М.: Парма, 1994. – 160 с.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык, 1383–1501: пособие при изучении зырянами русского языка / Г. С. Лыткин; вступ. ст. В. И. Буганова и Л. Н. Смоленцева. – Репринт. воспроизведение издания 1889 г. – М.: Русское рекламное изд-во, 1995. – 232, [126] с., [3] л. ил. – На пер. авт. не указан. – Коми, рус. – Загл. корешка: Святитель Стефан Пермский.

[Лыткин, Г. С. – переводчик] Вежа миян айлён Зарнивома Иоанлён Енлы кесьялём. Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго (на церковнославянском и коми языках) / Перевод на коми язык Г. С. Лыткина. – Сыктывкар, 1996. – 159 л.б. [С Синодального издания 1883 г. (с изменениями)].

РАБОТЫ О Г. С. ЛЫТКИНЕ

А. Б-в. Отзыв о книге «Зырянский край»/ А. Б-в // Исторический вестник. – 1899. – №12. – С. 662–663.

Авриль Ив. Житие Стефана Пермского, Написанное Епифаном Премудрым в изложении Г. С. Лыткиным / И. Авриль // Религия. Церковь. Общество. Вып.5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/la-vie-de-saint-etienne-de-perm-d-epiphane-le-sage-et-la-version-qu-en-donne-g-s-lytkin>

Александров, И. Эз вунёдлы некор / И. Александров // Коми му. – 1994. – 14 января.

А. П. О суждениях Г. Лыткина касательно переводов на зырянский / А. П. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1884. – №12. – С. 91–95.

Аралов, И. Г. С. Лыткин (Некролог) / И. Аралов // Известия по народному образованию. – СПб., 1907. – Ч. XIII. – С. 298–304.

Артеев А. С участием однофамильцев: в Сыктывкаре открыли мемориальную доску / А. Артеев // Республика. – 2012. – 16 нояб. – С. 3: фот.

Бадмаев, А. В. Г. С. Лыткин как калмыковед / А. В. Бадмаев // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Сер. Филологии. Вып. 5. – Элиста, 1967. – С. 115–116.

Бадмаев, А. В. Научный вклад Г. С. Лыткина в калмыковедение (Из истории отечественного калмыковедения) / А. В. Бадмаев // Актуальные проблемы калмыцкой филологии. – Элиста, 1979. – С. 191–213.

Бадмаев, А. В. Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер. с калм. / сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – 477 с.

Бараксанов, Г. Г. Коми литературный язык XIX – начала XX в. / Г. Г. Бараксанов // Rédei-Festschrift. Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag. – Wien–Budapest, 1992. – S. 43–48.

Б-в. А. Отзыв о книге «Зырянский край» / А. Б-в. // Исторический вестник. – 1899. – Т. 78. – № 12. – С. 662–663.

Безносовых, Я. Н. Культурная революция в Коми АССР / Я. Н. Безносовых. – С. 48–49.

Беляев, Г. Г. С. Лыткин / Г. Г. Беляев // От вечно живого корня. – Сыктывкар, 1983. – С. 42–43.

Беляев, Г. Кольом нэм шӧрсянь / Г. Беляев // Коми му. – 1996. – 4 апреля. (Пер. С середины прошлого века).

Бунаков, Н. Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной / Н. Ф. Бунаков. – М., 1909.

Бурилова, Н. Родник зырянской интеллигенции: [о знаменитых выходцах с. Тентюково: Г. С. Лыткине – филологе, этнографе, языковеде; В. И. Лыткине – проф., языковеде, писателе XX века; Л. В. Лыткиной – д-ре филол. наук, проф., литературоведе] / Н. Бурилова // Панорама столицы. – 2005. – 17 февраля.

Ванеев, А. Велӧдысь, гижысь, учёнӧй (Учитель, писатель, ученый: К 165-летию Г. С. Лыткина) // Войвыв кодзув. – 2000. – № 6. – С. 55–62.

Ванеев, А. Е. (Г. С. Лыткин: Биограф. справка) / А. Е. Ванеев, В. И. Лыткин, В. И. Мартынов // История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – Т. 2. – С. 75–84.

Ванеев, А. Е. Георгий Степанович Лыткин / А. Ванеев // Ванеев А. Е. Коми-зырянское просветительство. – Сыктывкар, 2001. – С. 123–145. (Ванеев А. Е. упоминает несколько статей Г. С. Лыткина: «Сухона», «О Яренском девичьем училище», «Несколько писем о городе Усть-Сысольске, о зырянах». «Лучи».

Веселовские, А. и А. Г. С. Лыткин / А. и А. Веселовские // Вологжане-краеведы. – Вологда, 1923. – С. 58–59.

Вишерская, Г. М. Вспоминая Георгия Степановича Лыткина / Г. М. Вишерская // Известия Общества изучения Коми края. – 2019. – № 1(18). – С. 57–58. (приведена статья Г. С. Лыткина «Об Яренском девичьем училище»). – С. 58–61.

Владимиров, Е. Георгий Лыткин «Зырянский патриот» / Е. Владимиров // Регион. – 2020. – Май. – URL: <http://ourreg.ru/2020/04/30/georgij-lytkin-zyrganskij-patriot/>

Георгий Лыткин // Антология коми поэзии. – Сыктывкар, 1981. – С. 293–294.

Георгий Степанович Лыткин: некролог // Русская школа. – 1907. – № 4. – С. 76–77.

Георгий Степанович Лыткин: [биограф. справка] // Советский энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 742.

Георгий Степанович Лыткин // Исследователи Коми края: указатель литературы. – Сыктывкар, 1984. – С. 51–52.

Георгий Степанович Лыткин: [биогр. справка] // Всемирный биографический словарь. – М., 2000. – С. 444.

Г. С. Лыткин: [к 15-летию со дня смерти] // Югд туй. – 1922. – Апр. 5 лун.

Георгий Степанович Лыткин: (к 88-годовщине рождения) // Коми му (Усть-Сысольск). 1924. – № 4–6. – С. 42–43, портр.

Георгий Степанович Лыткин // Вологда, XII – начало XX века: краеведческий словарь. – Архангельск, 1993. – С. 201.

Георгий Степанович Лыткин // Русская школа. – 1907. – № 4. – С. 76–77. (Некролог).

Георгий Лыткин // Домокош П. О литературах восточных финно-угорских языков / пер. на фин. Т. Лахделма. – Порвоо, 1983. – С. 85–86.

Георгий Степанович Лыткин // Советский энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 742.

Г. С. Лыткин // Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. – СПб., 1912. – Т. 2. – С. 36.

Георгий Степанович Лыткин (к 88-годовщине рождения) // Коми му. – 1924. – № 4–5. – С. 42–43.

Грен, А. Н. Зырянская (коми) литература / А. Н. Грен // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1927. – Вып. 3. – С. 80–86.

Действия ИРГО за 1870 год. – СПб., 1871. – С. 46.

Демин, В. Н. Философ коми языка Г. С. Лыткин / В. Н. Демин // Под кронами сосен: очерки поэтики и истории коми поэзии. – 1995. – С. 120–126.

Демин, В. Н. Лыткин Георгий Степанович / В. Н. Демин // Энциклопедический словарь школьника: Коми литература / составители В. Н. Демин, В. Н. Головина. – Сыктывкар, 1995. – С. 157–160.

Дилакторский, П. А. Лыткин Георгий Степанович / П. А. Дилакторский // Воложане – писатели. – Вологда, 1900. – С. 65–66.

Докладная записка Г. С. Лыткина о составлении книг на зырянском языке // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9908.

Дом, смотрящий окнами в историю // Дом родной, знакомый с детства: экскурсия-путешествие по г. Сыктывкару. – Сыктывкар, 2011. – С. 143–145.

Дом, смотрящий окнами в историю // Панорама столицы. – 2003. – 22 мая.

Жаков, К. Ф. Из летней поездки к зырянам / К. Ф. Жаков // Север. – 1908. 14 августа.

Жаков, К. Ф. (О Г. С. Лыткине). Сквозь строй жизни / К. Ф. Жаков. – СПб., 1912. – Т. 2. – С. 36.

Жеребцов, И. Л. «Безукоризненное служение науке» / И. Л. Жеребцов // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 187.

Жеребцов, И. Л. Лыткин Георгий Степанович / И. Л. Жеребцов // Стоявшие у истоков. – Сыктывкар, 2005. – С. 16–20.

Жеребцов, И. Л. Коми ученый и просветитель Георгий Степанович Лыткин: между финноугроведением и востоковедением Материалы к VII Международному научному форуму «Сетевое востоковедение» (Элиста, 24–25 октября 2024 г.) / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2024. – 52 с. (Материалы к научным конференциям, Вып. 54).

Жеребцов, И. Л. Деятельность Г. С. Лыткина в оценках советских исследователей и литературных критиков 1920–1930-х гг. / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 43–49.

Жеребцов, И. Л. Георгий Степанович Лыткин: путь к востоковедению / И. Л. Жеребцов, Т. Е. Гончарова // Сетевое востоковедение: Россия и восток в контексте историко-культурного и научного взаимодействия. VII Международ. науч. конф. (2024; Элиста). – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2024. – С. 29–37.

Забоев, А. Ученый, педагог, лингвист / А. Забоев // Войвыв кодзув. – 1971. – 5 №. 58–60 л. б.

Забоев, А. Служение науке / А. Забоев // Красное знамя. – Сыктывкар. 1972. – 29 июня.

Зоргенфрей, Г. Г. С. Лыткин. Библиограф. очерк / Г. Зоргенфрей // Коми му. – 1927. – Вып. 4–5. – С. 47–49.

Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской шестой гимназии. (1862 17/IV 1912) / Сост. преп.: К. Ф. Буткевич и Л. П. Николаев. – СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1912. – 182 с.

Г. С. Лыткин // История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – Т. 2. – С. 75–84.

Кандинский, В. Рецензия на книгу Г. С. Лыткина (преподаватель Шестой Петербургской гимназии) на книгу «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». – СПб., 1889 / В. Кандинский // Этнографическое обозрение. – 1889.

Канев, С. Чужан мусянь ылын (Вдали от родного края) / С. Канев // Югыд туй. – 1990. – 24, 29 ноября, 1, 4 декабря.

Коровина, И. Н. «...Истинно зырянская энциклопедия» И. Н. Коровина // Арт-Лад. – Сыктывкар, 2004. – № 4. – С. 186–187.

Костромина, И. Медводдза коми ученый-лингвист / И. Костромина // Войвыв кодзув. – 1965. – № 6. – С. 40–44.

Костромина, И. Н. Коді медводз комиодіс Пушкинӧс (Кто первый перевел Пушкина на коми язык) / И. Костромина // Войвыв кодзув. – 1983. – № 11. – С. 50.

Костромина, И. Н. О словарях Г. С. Лыткина / И. Костромина // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Тр. ИЯЛИ. Вып. 31. – Сыктывкар, 1984. – С. 114–129.

Костромина, И. Медводдза коми ученёй-лингвист (Г. С. Лыткин чужан лунсянь 150 во) (Первый коми ученый-лингвист: К 150-летию со дня рождения) / И. Костромина // Войвыв кодзув. – 1985. – № 6. – С. 40–44.

Костромина, И. О нашем земляке, о первом коми ученом-лингвисте / И. Костромина // Красное знамя. – 1988. – 31 декабря.

Костромина, И. Г. С. Лыткин и В. П. Буренин / И. Костромина // Красное знамя. – 1988. – 31 декабря.

Костромина И. “Исконно зырянская энциклопедия...” / И. Костромина // Красное знамя. – 1989. – 28 марта.

Костромина, И. «Короткое дело с длинным названием» / И. Костромина // Красное знамя. – 1989. – 13 августа.

Костромина, И. «Ледовый поход» / И. Костромина // Красное Знамя. – 1989. – 15 октября.

Костромина, И. Не надо «исправлять» историю / И. Костромина // Красное знамя. – 1989. – 16 июня; Войвыв кодзув. – 1983. – № 11. – С. 50.

Костромина, И. О словарях Г. С. Лыткина / И. Костромина // Вопросы лексикологии и словообразования языка. Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 31. – Сыктывкар, 1984. – С. 114–129.

Костромина, И. “Казаньса нимтӧм ёрт” / И. Костромина // Войвыв кодзув. – 1998. – № 7. – С. 79–80.

Костромина И. «Труд преодолевает все» (Из дневника Г.С.Лыткина) / И. Костромина // Панорама столицы. — 2000. — 20 января.

Костромина, И. Н. «...истинно зырянская энциклопедия...» / И. Костромина // Арт. – 2004. – № 2. – С. 181–189. Фото Костроминой и семейные фото Г. С. Лыткина.

Костромина, И. Н. «Труд преодолевает все» (из дневника Г. С. Лыткина) / И. Костромина // Известия Общества изучения Коми края. – 2004. – № 2. – С. 89–100.

Котвич, В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в 17–18 вв. / В. Л. Котвич. – Пг., 1921. – С. 793, 799.

Котылев, А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России в XIV–XXI веков / А. Ю. Котылев. – Сыктывкар: КГПИ, 2012.

Котылев, А. Ю. Этнокультурная идентификация коми интеллектуала XIX века // Человек. Культура. Образование. Сыктывкар, 2015 / А. Ю. Котылев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-identifikatsiya-komi-intellektuala-xix-veka-zhizn-i-tvorchestvo-g-s-lytkina>

Котылев, А. Ю. Г. С. Лыткин / А. Ю. Котылев // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 1. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – С. 365–372.

Кочев, Ю. С любовью к зырянскому краю / Ю. Кочев // Красное знамя. – 1995. – 29 июня.

Краева, Н. В. Священные и богослужебные книги на славянском и зырянском языках в коллекции Национального музея Республики Коми /

Н. В. Краева // Известия Общества изучения Коми края. – 2019. – № 2(19). – С. 99–106.

Красов А. Отзыв покойного П. И. Савваитова о переводах св. писания на зырянский язык и других работах по части зырянского языка, исполненных Г. С. Лыткиным / А. Красов // Вологодские губернские ведомости. – 1901. – № 17–19.

Куратов, И. Художественный произведениеяс. – 1939.

Лимеров, П. Ф. Первые коми поэты. (И. А. Куратов, П. В. Распутин, П. Ф. Клочков, Г. С. Лыткин, С. А. Мельников) / П. Ф. Лимеров // Арт. – 2015. – № 3. – С. 4–16.

Лимеров, П. Ф. Первые коми поэты // История литературы Урала. XIX век: в 2 книгах / П. Ф. Лимеров. М.: ЯСК, 2020. – Кн. 1, гл. 3: Формирование литературной традиции в Коми крае. – С. 342–349.

Лимерова, В. А. Культурный контекст первых стихотворных публикаций Г. С. Лыткина / В. А. Лимерова // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы Международной научной конференции, 6–10 октября 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 356–359.

Лимерова, В. А. Культурный контекст первых стихотворных публикаций Г. С. Лыткина / В. А. Лимерова // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Мат-лы конф. – Сыктывкар, 2005. – С. 356–359.

Лимерова, В. А. Панегерическая лирика Г. С. Лыткина: культурный контекст и поэтика / В. А. Лимерова // Литература Урала: история и современность: Сб. статей. – Екатеринбург, 2006. – С. 79–87.

Лимерова, В. А. Лыткин Георгий Степанович / В. А. Лимерова // Литература Коми: словарь школьника. – Сыктывкар, 2007. – С. 151–158.

Лимерова, В. А. Особенности первых прозаических произведений Г. С. Лыткина / В. А. Лимерова // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья: Мат-лы конф. – Чебоксары, 2007. – С. 98–102.

Лимерова, В. А. Рецепция русского пространства в тексте коми литературы: путевые заметки Г. С. Лыткина «Тотьма» / В. А. Лимерова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 49–59.

Лимерова, В. Георгий Степанович Лыткин / В. А. Лимерова // Писатели Коми. Биобиблиограф. словарь. – Сыктывкар, 2017. – С. 609–619.

Лудыкова, В. М. Роль Г. С. Лыткина в развитии коми языкознания / В. М. Лудыкова // Вопросы финно-угорской филологии: сб. науч. трудов. – Сыктывкар: СГУ, 2010. – Вып. 1. – С. 5–15.

Лыткин Степан-Егөр // Коми гижысьяс / лӧсьӧдіс Илля Вась. – М., 1926. – 9–24 л. б.

Лыткин Георгий Степанович // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Репринт. – СПб., 1991. – Т. 35. – С. 133.

Лыткин Георгий Степанович (Биограф. справка) // Центральный государственный архив Республики Коми. – Сыктывкар, 1992. – С. 43.

Лыткин, В. И. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) / В. И. Лыткин // СФУ. – Таллин. 1975. – Т. 11. – № 4. – С. 290–293.

Лыткин, В. И. Коми язык / В. И. Лыткин // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – М., 1969.

Лыткин, В. И. Георгий Степанович Лыткин. Языковед. 1835–1907 // Советское финно-угроведение. – 1975. – Вып. 4. – Т. 11. – С. 168–172.

Лыткин, В. И. У истоков коми литературного языка (о деятельности Г. С. Лыткина) / В. И. Лыткин // Север. – 1976. – № 5. – С. 125–128.

Лыткин, В. И. Г. С. Лыткин / В. И. Лыткин // История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – Т. 2. – С. 75–84.

Лыткин, В. И. Коми язык / В. И. Лыткин // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – М., 1969.

Лыткин, В. И. Георгий Степанович Лыткин / В. И. Лыткин // Илля Вась. Мый медся дона да муса. – Сыктывкар, 1994. – С. 158–163.

Лыткин, В. И. Георгий Лыткинлön кык гижöд / В. И. Лыткин // Йöлöга. – 1995. – № 36.

Лыткин Георгий Степанович // Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 732.

Лыткин Георгий Степанович // Литераторы земли Коми. – Сыктывкар: Эскöм, 2000. – С. 100–101.

Лыткин, Г. С. Из переписки с Н. И. Ильминским: письма // Арт. – 2003. – № 2. – С. 139–145.

Лыткин, Г. С. «Тырмас узыны, Коми йöзöй!...» (кывбурьяс) // Арт. – 2015. – № 3. – С. 23–26.

Русско-зырянский словарь [Электронный ресурс] / Г. С. Лыткин; ГБУ РК «Национальная библиотека Республики Коми». – Сыктывкар: Национальная библиотека Республики Коми, 2015. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Лыткин Георгий Степанович // Мы из Коми / Национальная библиотека РК / <https://imena.nbrkomu.ru/>

Мартынов, В. И. ученый и переводчик: К 150-летию со дня рождения Г. С. Лыткина / В. И. Мартынов // Красное знамя. – 1985. – 31 мая.

Мартынов, В. Татшöм менам видзöдласöй (Отклик на статью И. Костроминой о Г. С. Лыткине) / В. И. Мартынов // Югöд туй. – 1989. – 26 октября. Пер. загл.: Такая у меня точка зрения.

Мартынов, В. На ниве российского просветительства / В. Мартынов // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья. – Ижевск, 1991.

Мартынов, В. Аддзан гижысьлысь олöмсö / В. Мартынов // Коми-му. – Сыктывкар, 1994. – 6, 10 сентября. Пер. загл.: Узнаешь биографию писателя.

Мартынов, В. «Сйö уна тöдiс...» («Он много знал...») / В. И. Мартынов // Коми му. – 1994. – 28 апреля.

Мартынов, В. «Олан-вылан туйод». Г. С. Лыткин чужомсянь 160 во / В. И. Мартынов // Войвыв кодзув. – 1995. – Вып.7. – С. 70–74. Пер. загл. «По дороге жизни».

Мартынов, В. Переводчик / В.И. Мартынов // Вера. (Эскөм). – 1995. – № 181–182.

Мартынов, В. Увтыртөмъясөс югдөдысь / В. И. Мартынов // Йөлөг. – 1995. – 26 июня. Пер. загл.: Просветитель угнетенных.

Мартынов, В. И. «Олан-вылан туйод...» (Г. С. Лыткин) / В. И. Мартынов // Мартынов В. И. Перымса Стефансянь мян нэмөдз. Коми литературалысь төрытья да талунья лист бокъяс восьтгөн. – Сыктывкар, 1997. – С. 46–53.

Мартынов, В. Георгий Степанович Лыткин (Егуш) / В. И. Мартынов // Йөлөг. – Сыктывкар, 1999. – № 43 (Октябрь).

Мартынов, В. Георгий Степанович Лыткин / В. И. Мартынов // Литераторы земли Коми. – Сыктывкар, 2000. – С. 100–102.

Мартынов, В. И. Лыткин Георгий Степанович / В. И. Мартынов // Литературы народов России, XX век: словарь. – М., 2005. – С. 159–160.

М. С. Прямо верящий в имя Христа // Вера (Эскөм). – 1991. – 10 марта.

Мишарин, Е. К вопросу о национальном взаимодействии пермяков и зырян: по поводу одной научной экспертизы / А. Сидоров, Е. Мишарин // Коми му. – 1926. – № 3. – С. 11–13.

Немшилова, З. “Аслыссяма Инсаровөн вöлі...” (Был своего рода Инсаровым ...) / З. Немшилова // Югид туй. – 1987. – 3 марта.

Никольский, Н. В. К истории зырянского языка Н. В. Никольский // ИОАИЭ. – 1916. – Т. XXVIII. – Вып. 6. – С. 516.

Ниради, К. Э. Георгий Лыткин и проблемы преподавания русского и коми языков комизычным студентам / К. Э. Ниради // *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum 2A Summaria dissertationum.* – Debrecen, 1990. – С. 172.

Обрезкова, А. П. Новонайденные письма Г. С. Лыткина к Н. И. Ильинскому / А. П. Обрезкова // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Тез. краевед. конф. – Сыктывкар, 1997. – С. 86–87.

Обрезкова, А. П. Новонайденные письма Г. С. Лыткина к Н. И. Ильинскому / А. П. Обрезкова. – Казань: ДАС. – 1998. – 14 с.

Обрезкова, А. Из переписки Г. С. Лыткина с Н. И. Ильминским / А. П. Обрезкова // Арт-Лад. – Сыктывкар, 2003. – № 2. – С. 139–145.

Отзыв о книге «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» // Вологодские епархиальные ведомости. – 1892. – № 19. – С. 224–228.

Пантелеев, Л. Ф. Из воспоминаний о гимназии 50-х годов / Л. Ф. Пантелеев // РБ. – 1901. – № 6. – С. 115–131.

Пантелеев, Л. Ф. Памяти Н. Г. Чернышевского // Голос минувшего. – 1915. – № 1. – С. 195.

Письмо Лыткина Г. С. – К. Г. Залеману // С-Петербур. филиал архива РАН. Ф. 87. Оп. 3. Ед. хр. 23.

Плесовский, Ф. В. Комиын овъяс / Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар, 1997. – С. 70.

Плосков, И. Архивысь сюри гижӧд / И. Плосков // Коми му. – 1990. – 16 мая. Пер. загл.: Находка из архива...

Плосков, И. Нимӧдӧс чужан кыв (Прославлял родной язык) / И. Плосков // Коми му. – 1992. – 3 декабря.

Плосков, И. Серафима Пантелеевалӧн письмӧяс... / И. Плосков // Коми му. – 1995. – 3 июня. Пер. загл.: Письма Серафимы Пантелеевой: воспоминания.

Плосков, И. А. Г. С. Лыткин в коми культуре // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца) / И. Плосков. – Киров, 1996. – Т. 2. – С. 72–73.

Плосков, И. Ур да сайт / И. Плосков // Войвыв кодзув. – 1997. – № 3. – С. 75–76.

Плосков, И. Георгий Лыткинлӧн гижӧд-небӧгъяс. Радейтӧс ас му, сӧвмӧдӧс коми культура / И. Плосков // Йӧлӧга. – 1997. – № 50.

Плосков, И. Радейтӧс ас му, сӧвмӧдӧс коми культура / И. Плосков // Йӧлӧга. – 1997. – № 50. (Декабрь). Пер. загл.: Любил свою родину, развивал коми культуру.

Плосков, И. П. И. Савvaitов и Г. С. Лыткин – просветители Коми / И. Плосков // Север. – 1998. – № 5. – С. 137–139.

Плосков, И. Георгий Лыткинлӧн поэзия (поэзия Георгия Лыткина) // Войвыв кодзув. – 1999. – № 6. – С. 77–80.

Плосков И. Немоглы – быдса нэм / И. Плосков, Е. Цыпанов // Югд туй. – 1990. – 25 октября.

Плосков, И. Георгий Лыткин – коми культура сӧвмӧдысь / И. Плосков, Е. Цыпанов // Войвыв кодзув. – 1991. – № 10. – С. 71–72.

Плосков, И. Ӧнӧдз на тӧдчана (И сейчас востребована кн. Г. С. Лыткина) / И. Плосков, Е. Цыпанов // Коми му. – 1999. – 14 августа.

Плосков, И. Дасьтыліс тӧдчана небӧг, сиис велӧдчысьяслы / И. Плосков, Е. Цыпанов // Йӧлӧга. – 1999. – 17 апреля.

Плосков, И. Егушлӧн серпаса, кывбура гижӧдыс / И. Плосков, Е. Цыпанов // Коми гижан культура панысьяс. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ Уро РАН, 2002. – С. 74–83.

Плосков, И. А. Егуш (Георгий Лыткин) – коми культура сӧвмӧдысь / И. Плосков, Е. Цыпанов // Коми гижан культура панысьяс. – Сыктывкар, 2002. – С. 68–73.

Погодин, М. П. Астрахань (о Г. С. Лыткине) / М. П. Погодин // Всемирный труд. – СПб., 1867. – № 5. – С. 134–158.

Подоров, В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков) / В. М. Подоров. – Сыктывкар, 1933. – Т. 2. – С. 72.

Попов, Д. Отзыв о книгах Г. С. Лыткина / Д. Попов // Вологодские епархиальные ведомости. – 1904. – № 5.

Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. – 167 с.

Рогачев, М. Б. «Столица зырянского края»: Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков / М. Б. Рогачев. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2010. – С. 74–76.

Сажина, С. А. Лыткин Георгий Степанович // Город Сыктывкар. Энциклопедия. – Сыктывкар, 2010. – С. 162–163.

Сангаджиева, В. Б. Калмыцкий след в творчестве коми поэта и ученого Георгия Лыткина / В. Б. Сангаджиева // Известия Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 2012. – № 12. – С. 179–183.

Сангаджиева, В. Б. Рукопись «История калмыцких ханов» в переводе коми учёного Г. Лыткина / В. Б. Сангаджиева // География Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее. Материалы III Республиканской научно-практической конференции 10–11 декабря 2015 г., г. Сыктывкар. – Сыктывкар: Коми РО РГО, 2016. (Электронное издание). – С. 141–145.

Сангаджиева, В. Б. Наследие Георгия Лыткина в историческом прошлом калмыцкого народа / В. Б. Сангаджиева // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2021. – № 6 (108). – Ч. 4. – Июнь 22. – С. 22–26.

Сивкова, А. Подвижник просвещения / А. Сивкова // Дым Отечества. 2010 год. – Сыктывкар, 2014. – С. 62–65. Фото. То же: Дым отечества / Республика. – 2010. – 19 июня.

Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки). – Сыктывкар, 2020. – С. 87–88.

Старцев, А. А. Несколько слов о Г. С. Лыткине / А. А. Старцев // За Новый Север. – 1936. – 10 августа.

Старцев, Г. А. Издан русско-зырянский словарь Г. С. Лыткина / Г. А. Старцев // Культура фронт. – 1931. – № 4. – С. 33.

Суворин, А. С. Горе побежденным / А. С. Суворин // Новое время. – 1889.

Терюков, А. И. История этнографического изучения народов коми / А. И. Терюков. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – 514 с.

Тираспольский, Г. И. По следам переписки И. А. Куратова и Г. С. Лыткина / Г. И. Тираспольский // Север. – 1983. – №2. – С. 118–120.

Тулуз, Ева. Николай Иванович Ильминский и финно-угорские народы / Е. Тулуз // Арт-Лад. – Сыктывкар, 2003. – № 2. – С. 129–138.

Туркин, А. Медводдза коми ученёй-филолог (Первый коми ученый-филолог: К 140-летию со дня рождения) / А. Туркин // Югид туй. – 1975. – 20 мая.

Туркин, А. И. Рецензия на кн. Лыткин Г. С. «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. 1383–1501» / А. Туркин // LU. – Tallinn, 1996. – Kd. 32. – Lk. 301–302.

Туркин, А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / А. Туркин // Коми язык: энциклопедия. – М., 1998. – С. 243–246.

Туркин, А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / А. Туркин // Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2. – С. 239.

Федорова, А. Г. Г. С. Лыткин // И. А. Куратов: очерк жизни и творчества. – Сыктывкар, 1975. – С. 58–59.

Цыпанов, Е. Егуш / Е. Цыпанов // Коми му. – 1999. – 2 марта. Пер. загл.: Георгий Лыткин.

Цыпанов, Е. А. Способы передачи русских придаточных предложений времени в коми переводах Евангелия от Матвея / Е. А. Цыпанов // LU. – 2004. – № 3. – Р. 195.

Цыпанов, Е. А. Коді сійё Егушыс? / Е. А. Цыпанов // Коми му. – 2013. – 10 марта.

Цыпанов, Е. А. Плосков И. Мыйён нималё Егуш? / Е. А. Цыпанов // Коми му. – 2013. – 10 октября.

Цыпанов, Е. А. Лыткин Георгий Степанович / Е. А. Цыпанов // Исследователи коми языка. – Сыктывкар, 2017. – С. 164–167.

Чеусов, А. А. К зыряноведению / А. А. Чеусов // Этнографическое обозрение. – 1904. – № 11. – С. 158.

Чеусов, А. А. Г. С. Лыткин / А. А. Чеусов // Удж. – 1921. – 8 мая; Югыд туй. – 1924. – 1 апреля.

Чеусов, А. А. О Георгии Степановиче Лыткине / А. А. Чеусов // Коми му. – 1924. – № 4–5. – С. 43–44.

Югов, А. С. Христианские истоки коми детской литературы / А. С. Югов // Стефан Пермский и современность. – Сыктывкар, 1996. – С. 61.

Jaats, I. Georgi Lotkin ja tema raamat Komimaa Permi piiskoppide ajal ja komi keel (Георгий Лыткин и его книга «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский край» / Jaats, I // Akadeemia Ajakiri. – Tallinn, 1999. – № 3–4. – Lk. 101–120.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля. – СПб., 1859. – Приложение. – С. 184.

Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов. Начато 1 декабря 1854 г. Кончено 15 сентября 1861 г. // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 7438. Л. 1, 5, 13–14.

Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова в Калмыцкие степи для приготовления себя согласно предписания Министерства народного просвещения // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5843. 3 февраля 1858 г. – 1 августа 1865 г. 51 лист.

Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 15 и далее.

Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о командировке кандидата Г. Лыткина в калмыцкие стойбища. 1883 год // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8409.

Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 51.

Г. С. Лыткин – И. С. Срезневскому // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 216. Оп. 5. Ед. хр. 367.

Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1902 год с Попечителем учебного округа // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9410. Л. 35.

Переписка VI С.-Петерб. гимназии за 1900 год с Попечителем учебного округа // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 8898. Л. 84 и др.

Весь Петербург. 1914. Столб. 223; С. 396.

Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов... Л. 19–25.

Письмо Лыткина Г. С. – К. Г. Залеману // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 87. Оп. 3. Ед. хр. 23.

Докладная записка Г. С. Лыткин о составлении книг на зырянском языке // Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9908.

Писарская копия письма П. И. Савваитова на имя Обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 26 августа 1881 г. // Рукописный отдел РНБ. F XVII. 70, Л. 10–10 об.

Персональный фонд: Георгий Степанович Лыткин // Национальный архив Республики Коми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
В УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ (1835–1848)	4
В ВОЛОГДЕ (1848–1854)	8
Одноклассники Г. С. Лыткина по вологодской гимназии	8
Педагоги гимназии глазами учеников	12
Круг чтения и творчество гимназистов	21
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1854–1858)	29
В КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ (1858–1861)	38
Первая экспедиция	38
Вторая экспедиция	46
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1861–1907)	55
ВКЛАД Г. С. ЛЫТКИНА В ЯЗЫКОЗНАНИЕ	61
ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. С. ЛЫТКИНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	65
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	76
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ О Г. С. ЛЫТКИНЕ	86
РАБОТЫ Г. С. ЛЫТКИНА	86
РАБОТЫ О Г. С. ЛЫТКИНЕ	89
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	99

Научное издание

Игорь Любомирович Жеребцов
Владимир Иванович Силин
Евгений Александрович Цыпанов

**ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЫТКИН:
СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО И ЕГО ВКЛАД
В ИЗУЧЕНИЕ КОМИ ЯЗЫКА**

*Материалы к Международному симпозиуму
«Гуманитарная наука в регионах России и государствах постсоветского
пространства: трудности становления, осмысление результатов,
пути развития в меняющемся мире. (К 190-летию со дня рождения
Г. С. Лыткина и 130-летию В. И. Лыткина)»
(Сыктывкар, 24–26 ноября 2025 г.)*

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 57*

Печатается по решению Совета Отделения
Российского исторического общества в Республике Коми.

Редактор: Н. К. Забоева
Оригинал-макет: Н. К. Забоева

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 150.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

